

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 3 / 2019

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит ежемесячно.

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Власть: технические и человеческие аспекты

Исаев И.А. «Мобилизация» — власть и техника 3

Жовтун Д.Т. Конструктивизм и реализм
в познании истории..... 9

Латынин О.А. Доктрина и теория:
сходство и различия в сфере юриспруденции..... 14

Маликов С.В. Зарождение идеи об обратной силе
уголовного закона 20

Серегин А.В. Средневековая форма правления
и государственно-правовой режим земель
средневековой Зеты, Хумма, г. Каствы, г. Будвы
и общины Вепринской во второй
половине XIV–XV вв..... 27

Ахмедов Р.М. Право убежища (jus asyli) и печалование
патриархов как акты милосердия Древней Церкви..... 32

Сафонов В.Е. Соглашение от 20 марта 1919 г.
об образовании Башкирской АССР как позитивное
основание организации государственной власти
в СССР 38

Алонцева Д.В. Церковь и государство: современные
интерпретации 44

Дворянкин О.А. Спецоперация Дмитрия Донского,
о которой дано указание забыть..... 50

Администрация и полиция в исторической ретроспективе

Чуб Н.В. Организационно-правовые основы
осуществления административно-кадровых
функций Дворцовой и Приказной систем
управления в России 55

Микитюк Ю.В. Крымская милиция
в годы Великой Отечественной войны
(историко-правовое исследование)..... 63

Фисаков М.Ю. Информационно-аналитическая
деятельность правоохранительных органов СССР
в предвоенные годы 69

Акимова Н.В. Становление концептуальных
основ правовой политики в сфере борьбы
с преступностью в Московском государстве.
Часть II..... 74

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 11.02.2019.

Номер вышел в свет 20.03.2019.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Роспечать — 47643 (на полуг.);

Объединенный каталог. Пресса России —

85492 (на полуг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией Министерства образования
и науки Российской Федерации для публикаций
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 3 / 2019

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. PI No. FC77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Zhil'tsov N.A., candidate of juridical sciences,
candidate of pedagogical sciences, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences, professor;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, assistant professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor,
Honored Scientist of the RF;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor,
Honored lawyer of the RF;
Cherdakov O.I., candidate of historical sciences,
doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences, assistant professor;
Klimenko A.I., doctor of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences, assistant professor

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Power: technical and human aspects

<i>Isaev I.A.</i> "Mobilization": Power and Machines	3
<i>Zhovtun D.T.</i> Constructionism and Realism in Learning History	9
<i>Latynin O.A.</i> Doctrine and Theory: Similarity and Differences in Jurisprudence	14
<i>Malikov S.V.</i> Origination of the Idea of the Retroaction of Criminal Law	20
<i>Seregin A.V.</i> The Medieval Form of Government and the State and Legal Regime of Lands of the Medieval Zeta, Hum, Kastav, Budva and the Veprinsk Municipality in the Second Half of the XIV to the XV Century.....	27
<i>Akhmedov R.M.</i> The Right of Asylum (Jus Asyli) and Intercession by Patriarchs as Acts of Mercy of the Ancient Church.....	32
<i>Safonov V.E.</i> The Agreement on Formation of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic of March 20, 1919, as a Positive Basis for Arrangement of Government in the USSR.....	38

<i>Alontseva D.V.</i> Church and State: Modern Interpretations	44
---	----

<i>Dvoryankin O.A.</i> A Special Operation of Dmitry Donskoy Instructed to Be Forgotten	50
--	----

Administration and police in the historical retrospect

<i>Chub N.V.</i> Organizational and Legal Bases of Performance of Administrative Staff Functions of the Court and Prikaz Systems of Administration in Russia	55
---	----

<i>Mikityuk Yu.V.</i> Crimea Police in the Years of the Great Patriotic War (Historical and Legal Research)	63
---	----

<i>Fisakov M.Yu.</i> Informational and Analytical Activities of Law Enforcement Authorities of the USSR in the Pre-War Years	69
--	----

<i>Akimova N.V.</i> The Establishment of Conceptual Bases of the Legal Policy in Crime Combating in the Muscovite State. Part II	74
--	----

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).

Size 170x252 mm. Offset printing.

Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.

Printer's sheet 10.

Conventional printed sheet 10.

Passed for printing 11.02.2019.

Issue was published 20.03.2019.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643 (for 6 months);

United Catalogue. Russian Press — 85492

(for 6 months).

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publications of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

«Мобилизация» — власть и техника*

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье дается анализ взаимодействия властных и технологических структур в их историческом становлении. Миф мегамашин власти оказал существенное влияние на формирование реальных структур власти и управления. Суверенитет государства в значительной мере был обусловлен уровнем технологического развития. Принцип разделения властей становился техническим и технологическим приемом управления. Совершенствование техники оказывало решающее влияние как на возникновение имперских экспансионистских идеологий, так и на формирование идеологии либерализма. Обратное влияние власти на технологический процесс выражалось прежде всего в создании мощной военной техники и техник манипулирования сознанием.

Ключевые слова: *власть, управление, юридическая техника, технологии, принуждение, суверенитет, машина власти, политический миф, массы, дисциплина, воля к власти, демократия, диктатура, экспансия.*

"Mobilization": Power and Machines

*Isaev Igor A.
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Honored Scientist of the Russian Federation
Doctor of Law
Professor*

The article gives an analysis of interaction between power and technological structures in their historical origination. The myth of a megamachine of power has made a significant impact on the establishment of the actual power and administration structures. The state sovereignty has largely been conditioned on the technological development level. The power division principle has become a technical and technological tool of administration. Machine improvement has had dramatic influence on the origination of the imperial expansionist ideologies and establishment of the ideology of liberalism. Reverse influence of power on the technological process has primarily manifested itself in the creation of powerful military machines and conscience manipulation techniques.

Keywords: *power, governance, legal technique, technology, coercion, sovereignty, power machine, political myth, masses, discipline, will to power, democracy, dictatorship, expansion.*

Наука, особенно техническая, — не более чем «театр марионеток, наука не располагает собственным светом». Похищение огня сперва Прометеем — исключительно для домашнего очага, потом Уранидами — для Левиафана предваряет третий этап превращения огня в дух: «Земле не обойтись без богов. Только тогда дух делается независимым от технических средств коммуникации: „Титаны ограничивают свободу, боги же предоставляют ее“» («Эвмесвиль». С. 462).

Еще Геродот говорил, что боги оставляют за собой право на всякие крайности: «Земле нужны убийства, они — часть ее хозяйственного уклада, но она предусматривает наказание за убийство, а слепую месть отвергает» (Э. Юнгер). Закон принимает жертвоприношение, кару, но не месть, и государство всегда выступало монополистом на право убийства, запретив всем другим это делать. Это его исключительное право на жизнь и смерть. Только так оно и пред-

* Статья выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-29-161124.

ставляет себе возможность и необходимость соединить людей вместе, т.е. мобилизовать их.

Тотальная мобилизация у Эрнста Юнгера есть мера организаторской мысли, указание на ту «высшую мобилизацию, которую проводит в нас время». Этой мобилизации присуща собственная закономерность, и человеческий закон, если только он хочет иметь силу, должен соответствовать ей.

В бюргерском «либеральном» обществе, на смену которому приходит «гештальт рабочего», стихийные силы как нерациональные изгонялись в царство заблуждений, снов и намерений злой воли, приравнивались к бессмыслице и аморальности. Поскольку само общество определялось понятиями разума и морали, то такой упрек становился практически средством, благодаря которому противник исключался из общественно-го и общечеловеческого пространства и тем самым из пространства закона¹.

Романтическому протестному пространству не было дано собственного центра, и оно существовало лишь в проекции: «...оно лежало в тени бюргерского мира, и исходящий из этого мира свет определял его протяженность либо растворял его. Это выражалось и в том, что романтическое пространство никогда не было дано как присутствующее в настоящем, именно его отдаленность и считалась существенным признаком... Близкое и далекое, свет и тьма, день и ночь, сон и действительность — таковы были ориентиры в романтической системе координат»². Переход от романтического протеста к действию превратил романтическое пространство в стихийное: опасное, отнесенное к последним границам, оно устремляется с большой скоростью обратно к центру. Поэтому не случайно, что и повод к войне всегда воз-

никает на окраинах, в атмосфере политических сумерек...

Социальная справедливость в пост-модернистскую эпоху подменяет собой сакральность. Ведь теология справедливости — это только отрицательная теология права, и это значит, что у юриспруденции тоже есть свой тайный бог. Каждое общество сакрализует некие собственные принципы справедливости и именно поэтому запрещает их критический анализ. Но печальная ирония мировой истории заключается в том, что на деле гуманистическая идея равенства увековечивает ненависть, порожденную реальностью неравенства. «Существовать в эпоху массовой демократии означает, все время сравнивать себя с другими, — и чем меньше наличествует неравенства, тем больше к нему ненависти: „Первыми жертвами риторики равенства становится красота, истина, добродетель и величие. В зависти кроется стремление равенства уничтожить свободу“»³.

Уже со времен Французской революции равенство превратилось в «обязательную фикцию» (Арнольд Гелен), которая формирует восприятие социальной реальности. Демократический деспотизм превращается в гигантскую охранительную власть, которая контролирует жизнь, охраняет и поставляет комфорт и удовольствия: «...она абсолютна, догошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова» (Алексис де Токвиль). Демократический деспотизм освобождает от неприятности думать, сеть из точных и мельчайших предписаний покрывает существование каждого. Но невозможно делить и раздавать, не осуществив перед этим изъятие, поскольку лишь Бог может сотворить нечто из ничего (Карл Шмитт).

Масса тем самым становится объектом механического воздействия властной техники, и в той степени, в какой

¹ Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт ; Тотальная мобилизация ; О боли. СПб., 2000. С. 62, 71.

² Там же. С. 111–113.

³ Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И. Женина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 7, 16.

она представляется рационально организованной, в ней крепнут слепые иррациональные силы, которым она не может сопротивляться, поскольку ей нечего им духовно противопоставить. Механическое совершенствование не предполагает политической или социальной гармонии: «Изнеможение, апатия и тупая подавленность дают ключ к пониманию идей, связанных с тотальной мобилизацией»⁴.

В «Номосе Земли» К. Шмитт замечает: «Массы подвержены религии техницизма, и всякий технический прогресс представляется им в то же время усовершенствованием самого человека, прямым шагом к земному раю... Ее эволюционистское кредо конструирует прямую линию восхождения человечества. Но человек, это биологически и от природы слабое и бесполезное существо, создает для себя посредством техники новый мир, в котором он является самым сильным существом. Не позволяет ставить опасный вопрос, у таких людей концентрируется чудовищная власть над другими людьми. Восточная и западная вера здесь сливается»⁵. (Шарль Фурье уже давно осудил репрессивную цивилизационную систему, требуя тотальной свободы вкусов, страстей, причуд, в результате же получая полную противоположность — отчаянную систему, сама избыточность которой и фантастическое напряжение превосходит систему, «свершая систематическое».)

Если социальное не может умиротворить политическое, тогда их следует поменять местами. Но вовсе устранить конфликт политическое может, только «устранив образ некоего центра и воображаемые напряжения, направленные к нему и от него» (Ж. Рансьер): судьба такого центра — это колебание

или исчезновение. «Извечная мечта политического центра — достичь синтеза противоречивых устремлений, однако такой синтез возможен лишь в сознании. Действие — это всегда выбор, а политика — это всегда действие», однако настоящая сущность государства заключается в страхе человечества перед самим собой (Фридрих Энгельс).

Властные устремления техники рассматривают государство как организацию, которую следует довести до воображаемого совершенства, чтобы она функционировала как автомат: понятие государства и его цели определяются централизованным функционализмом, который все берет под свое начало. Но тогда исчезает самое понятие государства, так как оно предполагает наличие чего-то такого, что стоит вне государства, никогда не может стать государством и что служит предпосылкой существования самого государства, — народ, который может быть народом данного государства, но никак не самим государством: «Государство соответственно своему понятию перестает существовать, если отменяется то, что служит ему предпосылкой, если оно подменяется технической организацией, лишенной какой бы то ни было неорганизованной основы»⁶.

«Социальное» сегодня заменило собой «братство» Французской революции: «Не просто правовое государство, а социальное правовое государство, не просто справедливость, а социальная справедливость, не просто политика, а социальная политика... — и весь мир подхватывает эту песню, стоит лишь сказать волшебное слово „социальный“». Привлекательность эгалитаризма таится в коллективизме, но нет ничего столь чуждого качеству работы, как групповая работа» (Ханна Арендт).

Однако любая социальная программа помогает лишь некоторым, но вредит большинству (Норберт Больц): социальная справедливость прямо заявляет, что явля-

⁴ Юнгер Ф. Совершенство техники / пер. с нем. И.П. Стребловой. М.: Фонд Ун-т; СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 218.

⁵ Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и понятие политического. О диалоге отсутствующих / под общ. ред. А.В. Михайловский; пер. Ю. Коринец. М.: Скимень, 2012. С. 91.

⁶ Юнгер Ф. Совершенство техники. С. 24.

ется идеологией, оправдывающей отказ от права, что создает «несправедливое право», причиной которого является понятие социальной справедливости, выбравшей свой путь от правового государства к государству полномочий. «Чем меньше люди верят в Бога, тем больше они должны верить в социальную справедливость»⁷. (Олдос Хаксли полагал, что казаться справедливым, а не быть таковым и есть высшая справедливость, которую именуют «социальной справедливостью».)

Если Локк утверждал, что «закон дает авторитет», то у Гоббса имеется другая максима: «Авторитет, не истина создает закон». Отделенное от общества государство начинает мыслить исключительно нормативистски, тем самым защищаясь от поглощения этим обществом: «Сегодня нет ничего более современного, чем борьба против политического». Финансовый капитал, индустриализм, марксизм и анархосиндикализм сходятся в одном: следует устранить необъективное господство политики над объективностью хозяйственной жизни. Должны остаться лишь организационно-технические и экономико-социологические задачи, но не должно быть никаких политических проблем. Политическое исчезает в экономическом и технико-организационном, государство становится «большим предприятием», из которого устранена сердцевина политической идеи, притязательное моральное решение (К. Шмитт «Политическая теология»). Дух техницизма приводит к массовой вере «антирелигиозного поскостороннего активизма», является духом злым и сатанинским, но от него нельзя просто отмахнуться, как от чего-то механического, его «невозможно вменить в вину технике», он является убеждением активистской метафизики (К. Шмитт). Но техника не нейтральна, поскольку готова и способна служить любому, в мнимости ее нейтральности «раскрывается бессмысленность обретения абсолютно нейтральной почвы».

⁷ Больц Н. Указ. соч. С. 126, 132.

Юридическая техника еще более идейно ангажирована. Модерн уже превратил ее в свою идеологию. «Невербальная» законность стала настоящей теологией эпохи. Но неожиданным образом демократическая идея равенства и нейтралитета «приводит к нежелательным для нее последствиям. „Чистая“ теория права рассматривает государство, т.е. правопорядок, как систему вменений последней точке вменений и последней правовой норме. Действующий в государстве порядок господства и подчинения покоится на том, что, начиная с единой центральной точки вплоть до низшей ступени, исходят полномочия и компетенции... Высшая компетенция принадлежит суверенному порядку в единстве нормативной системы: здесь отсутствуют какие-либо личности, индивидуальные или коллективные, существуют лишь точки вменения» («Политическая теология». С. 34).

Нулевой уровень — вот та точка, к которой стремится нейтрализация и уравнение и в которой все прекращается. Когда достигнуто определенное количество равенства, нивелирование испытывает превращение: наступает... диктатура: Аристотель предостерегал полис от излишнего равенства. Диктатура, как правило, обнаруживается в самом начале движения, чтобы создать для него пространство, и она же проявляется в конце этого движения, потому что необходимо организовать требуемое состояние минимума. «Стремление к равенству реализуется в некоем централизме, который работает одновременно по горизонтали и по вертикали. Ибо равенство может пробить себе путь лишь тогда, когда оно укрепляется и по вертикали... машинально, сократически, организационно. По мере нивелирования на первый план все более явственно выступает единообразная и компактная юасса, которой присуща тенденция к концентрации, к сплочению на небольших пространствах»⁸. Высокая

⁸ Юнгер Ф. Ницше / пер. с нем. А.В. Михайловского. М. : Проксис, 2001. С. 224–228.

степень равенства и ведет к диктатуре, при которой масса уже не нуждается ни в какой репрезентации, а отождествляется со своими руководителями: «Масса — человек без типа, человек, утративший тип, — возвращается к стихии. В массе всегда присутствует механическая сторона необходимости» (Фридрих Юнгер).

Конечная истинная цель последовательной политической воли — Левиафан. Она уже достигалась при римских цезарях или во «всемирном государстве» вследствие совершенствования техники: в одном случае выделяется бог-цезарь, в другом — титан; один связан со зверем, другой — с плутонической силой, что нашло отражение в символах — орле и льве в одном случае, красках и рабочих инструментах — в другом. Позже пришло разногласие между «экономистами» и «экологами»: первые мыслили в категориях истории мирового человеческого сообщества, вторые — в категориях истории планеты Земля. Первые думали о разделении сфер власти, вторые — об управлении⁹.

Но время идеологий закончилось. Сегодня они лишь скрывают великие силы, и «тотальная мобилизация вступает в стадию, которая по своим угрозам превосходит предыдущую». Образование огромных территорий указывает на то, что речь идет не о движениях национальных государств, а о подготовке глобального единства: «...один из коварных маневров Левиафана — попытка убедить нас в том, что его зов идентичен призывам отечества» (Э. Юнгер).

Пестрота нормативных установок свойственна теперь постмодерну, так же как тотальная множественность и вседозволенность. Имитация становится доминирующей нормой отношений между людьми в пространстве действительности. Фабрикант Цаппарони из «Стеклянных пчел» олицетворяет новую технику модерна, технику имитации, симуляции и миниатюрности. Тех-

ника превосходит саму природу. Его куклы-роботы создают новую действительность. «Даже безобразное, патология воплощены в новых формах, подчас комических, подчас пугающих... Калибан, Шейлок... казалось, не могли быть зачаты в обычной супружеской постели, их не могла родить ни одна женщина. Но как же все заблуждались на этот счет» (Э. Юнгер «Стеклянные пчелы»); роботы вновь принимают видимость гофмановских марионеток, и слова «знание сила» приобретают здесь непосредственный и опасный смысл.

В техническом содержится много иллюзорного, но в отношениях между людьми с их радостью и болью присутствует нечто действительное. Справедливость становится необходимостью, поскольку радость и боль делают ее нужной: «В рамках права идея борьбы за то, чтобы избежать боли и сделать счастье действительностью притязания обеих сторон должны оцениваться по справедливости. Справедливость нельзя заменить техникой симуляции и техникой покорения природы. Даже там, где техника имитирует новую действительность, чтобы преодолеть действительность несправедливую, она не может исцелить всю боль, удовлетворить всю потребность этого мира в справедливости. Боль и несправедливость не исчезают навсегда, даже если создана еще одна, новая действительность. Всегда существует некая пограничная полоса, где действительность и имитация соприкасаются. Так возникают пространства технических возможностей для имитации существования. Однако эти пустоты могут быть заполнены только справедливостью, но не технической симуляцией¹⁰.

В трактовке мифа о Сизифе Эрнст Юнгер показывает, что человек модерна уже не является союзником богов, зато осознает себя титаном и союзником Земли: он уже не Прометей, а мятежник

⁹ Юнгер Э. Эвмесвиль : роман / пер. с нем. Е. Воропаева. М. : AdMarginem, 2013. С. 307–508.

¹⁰ Козловски П. Миф модерна / пер. с нем. М.Б. Корчагиной. М. : Республика, 2002. С. 153–154.

и бунтарь Каин. Здесь налицо возвращение в царство титанов, где вновь исчезают всякие границы. Здесь труд Сизифа уже не воспринимается как проклятье — только рефлексивно, повторяемость считается нормальной, а желание, чтобы все так и оставалось, вполне нормально: «...монотонность воплощает норму, повседневность и снятие ответственности... Титан желает монотонности... для своего освобождения и покоя». Для него это — тип нормальной и освобожденной от принятия исторических решений жизни. Каин же олицетворяет бунт против божественного права: у Байрона и в европейском романтизме фигура Каина возвышается до образа человека, и в этом, как кажется, проявляется гностицизм титанизма модерна — черта, которую Юнгер включил в свой миф о модерне.

В свое время с образом сверхчеловека Ницше вышел за пределы модерна, обусловленные техникой власти и порядка, тем самым он превзошел модерн с его стремлением заменить традицию порядком. Но такой порядок для Юнгера еще более бесчеловечен и ужасен, чем «каинский титанизм сынов Земли»: «Стена времени, ограничивающая исторический мир, отныне преодолена. История мертва. Сизиф создал свое царство вечного повторения, свою титаническую постисторию»¹¹.

Титаны — бунтовщики, выступившие против олимпийских законодателей. Но эти последние в мифологии Юнгера, очевидно, склонились к профанации

и лишь стремятся к власти и господству: вагнеровскую «гибель богов» Юнгер связывает с победой титанического начала. Титан Рабочий пошел дальше Прометея — он провозглашает собственный закон, закон непрестанного и героического труда, пусть даже тяжелого и монотонного. Закон в индустриальном мире титанов из правовой нормы превращается в норму организационно-техническую, в которой отсутствуют элементы морали и идеологии.

Необходимость, над которой властвуют титаны, — это необходимость стихии. Необходимость заявляет о себе только там, где ее можно соразмерять с закономерностью. У титанов же это закон возвращения. Произвол здесь становится новым наименованием необходимости, соотносенной с волей.

Когда олимпийские боги начинают управлять человеческими судьбами, тогда титаническое отходит в тень: Кронос, правда, все еще продолжает «господствовать в сумерках царства теней, опускаясь во тьму пещер, из которых молодой Зевс появляется на свет». Титаны теперь выступают как блюстители той законности, в необходимости которой не приходится сомневаться, они повелевают течением стихий. «Они — держатели, хранители, стражи и руководители этого порядка... Их господство — не беспорядочное раскрытие сил, они властно противостоят Хаосу, не позволяя всему ввергнуться в пучину неупорядоченности»¹².

¹² Юнгер Ф. Греческие мифы / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 105–106.

¹¹ Там же. С. 134–137.

Литература

1. Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / Н. Больц; пер. с нем. И. Женина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 270 с.
2. Козловски П. Миф модерна / П. Козловски; пер. с нем. М.Б. Корчагиной. М.: Республика, 2002. 238 с.
3. Майер Х. Карл Шмитт, Лео Штраус и понятие политического. О диалоге отсутствующих / Х. Майер; под общ. ред. А.В. Михайловского; пер. Ю. Коринец. М.: Скимень, 2012. 192 с.
4. Юнгер Ф. Греческие мифы / Ф. Юнгер; пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2006. 396 с.
5. Юнгер Ф. Ницше / Ф.Г. Юнгер; пер. с нем. А.В. Михайловского. М.: Практикс, 2001. 252 с.
6. Юнгер Ф. Совершенство техники / Ф.Г. Юнгер; пер. с нем. И.П. Стребловой. М.: Фонд Ун-т; СПб.: Владимир Даль, 2002. 558 с.
7. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли / Э. Юнгер. СПб.: Наука, 2000. 539 с.
8. Юнгер Э. Эвмесвиль: роман / Э. Юнгер; пер. с нем. Е. Воропаева. М.: AdMarginem, 2013. 638 с.

References

1. Bolz N. Razmy'shlenie o neravenstve. Anti-Russo ; per. s nem. I. Zhenina [Thinking about Inequality. Anti-Rousseau ; translated from German by I. Zhenin] / N. Bolz. Moskva : Izd. dom Vy'sshey shkoly' ekonomiki — Moscow : Publishing house of the Higher School of Economics, 2014. 270 s.
2. Koslowski P. Mif moderna ; per. s nem. M.B. Korchaginoy [The Myth of Modernity ; translated from German by M.B. Korchagina] / P. Koslowski. Moskva : Respublika — Moscow : Republic, 2002. 238 s.
3. Meier H. Karl Shmitt, Leo Shtraus i ponyatie politicheskogo. O dialoge otsutstvuyuschikh ; pod obsch. red. A.V. Mikhaylovskogo ; per. Yu. Korinets [Carl Schmitt And Leo Strauss: The Hidden Dialogue ; under the general editorship of A.V. Mikhaylovskiy ; translated by Yu. Korinets] / H. Meier. Moskva : Skimen — Moscow : Skimen, 2012. 192 s.
4. Jünger F. Grecheskie mify' ; per. s nem. A.P. Shurbeleva [Greek Mythology ; translated from German by A.P. Shurbelev] / F. Jünger. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal — Saint Petersburg : Vladimir Dal, 2006. 396 s.
5. Jünger F. Nits'she ; per. s nem. A.V. Mikhaylovskogo [Nietzsche ; translated from German by A.V. Mikhaylovskiy] / F.G. Jünger. Moskva : Praxis — Moscow : Praxis, 2001. 252. s.
6. Jünger F. Sovershenstvo tekhniki ; per. s nem. I.P. Streblovoy [The Perfection of Technology ; translated from German by I.P. Streblova] / F.G. Jünger. Moskva : Fond Un-t ; Sankt-Peterburg : Vladimir Dal — Moscow : University Foundation ; Saint Petersburg : Vladimir Dal, 2002. 558 s.
7. Jünger E. Rabochiy. Gospodstvo i geshtalt ; Totalnaya mobilizatsiya ; O boli [The Worker. Dominion and Form ; Total Mobilization ; On Pain] / E. Jünger. Sankt-Peterburg : Nauka — Saint Petersburg : Science, 2000. 539 s.
8. Jünger E. Evmesvil : roman ; per. s nem. E. Voropaeva [Eumesvil : novel ; translated from German by E. Voropaev] / E. Jünger. Moskva : AdMarginem — Moscow : AdMarginem, 2013. 638 s.

DOI : 10.18572/1812-3805-2019-3-9-14

Конструктивизм и реализм в познании истории

*Жовтун Дмитрий Тимофеевич,
профессор Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ),
доктор философских наук
dtzhovt@yandex.ru*

В статье рассматриваются актуальные и активно обсуждаемые проблемы исторического познания — конструктивизма и реализма как двух конкурирующих эпистемологических принципов в контексте постмодерна.

Ключевые слова: историческое познание, постмодерн, исторический факт, конструктивизм, реализм, релятивизм, альтернативизм, исторический детерминизм.

Constructionism and Realism in Learning History

*Zhovtun Dmitriy T.
Professor of the Law Institute of the Russian University of Transport (RUT)
Doctor of Philosophy*

The article deals with topical and widely discussed problem of historical knowledge — constructivism and realism as competing epistemologies directions in the framework of the postmodern.

Keywords: historical cognition, postmodern, historical fact, constructionism, realism, relativism, historical determinism.

Следует отличать историческую науку и собственно историю. Другими словами, речь идет об истории как объекте рассмотрения и истории как способе

рассмотрения. С одной стороны, перед нами совокупность событий как сплетение и переплетение человеческих деяний, образующих единый поток че-

ловеческой жизнедеятельности («река Гераклита — все течет все, изменяется»), имеющий временной и процессуальный характер, а с другой — попытка нашего познания и понимания исторического процесса как отражение его в нашем сознании в теоретической, концептуальной форме. Несомненно, между историей как последовательностью событий и историей как повествованием об этих событиях есть различия, но и диалектическая связь между этими двумя аспектами, выступающими в качестве объективного и субъективного моментов в историческом познании.

Проблема объективности и субъективности — камень преткновения для исторических наук. Не существует единого субъекта истории, если не считать человечество в целом, да и его трудно идентифицировать в едином субъекте, поскольку есть исторические эпохи, поколения и т.п. Отсюда неизбежны исторический плюрализм, разночтения исторических событий и явлений. Пока в исторической науке преобладает не теоретический, а нарративный элемент, «истории» не делают, а «рассказывают», повествуют. Проблема истинности исторического знания решается консенсусной объективностью, которая ориентирует не на поиск того, «как было на самом деле», а на исходящую из самопонимания современности историческую интерпретацию (по Макс Веберу — «интереса эпохи»). Изменяющееся самопонимание эпохи снимает, превосходит прежнее истолкование того или иного исторического события, срабатывает дух прагматизма, историк поддается соблазну софистического принципа «истинно то, что полезно».

Реконструкция и интерпретация прошлого историком отягощены многими предпосылками, подобными бэкономским «призракам», «идолам», вмешивающимся в процесс познания (призраки «рода человеческого», «пещеры», «рынка», «театра»). Поэтому возникает вопрос: способно ли историческое позна-

ние по самой сути своей дать нам знание о прошлом, «каким оно действительно было»?

Основанием для метафизического сомнения в объективности исторического знания является противоречие между требованиями к нему, с одной стороны, оно должно быть целиком основанным на фактах, а с другой — наличием оценочных суждений об этих фактах. Оценочные суждения носят, как правило, политический, моральный, эстетический религиозный характер.

Часто аргументом в пользу тезиса о невозможности достижения истинного и объективного знания истории является ссылка на активную роль исследователя, которая проявляется в селекции источников и фактов, структурировании их и интерпретации. И действительно, момент относительности в историческом знании очень сильный. Дело в том, что само понятие «факта» этого субстрата исторического весьма относительно. Что такое исторический факт? Это всегда суждение о событии, а не само событие. Но разные исследователи могут делать различные утверждения относительно одного и того же события. Например, события в Киеве в 2014 г., так называемая майданная революция, воспринимаются и интерпретируются по-разному, вплоть до прямо противоположных оценок. Для одних это «революция достоинства», для других — государственный переворот. Типичный подход в историческом исследовании заключается в том, что сначала создается концепция, затем отбираются факты, организованные в соответствии с этой концепцией, и если «факты не соответствуют теории, то тем хуже для фактов» (Гегель). Делая выбор между различными концепциями, интерпретационными моделями, исследователь постоянно оказывается перед потенциальной опасностью скатиться на позиции субъективизма, на каждом этапе перенося в центр внимания те или иные факты, извлекая их из кладовой истории по мере надобности.

Перед нами конституирование, конструирование истории — разнообразный исторический материал может быть скомпонован в виде исторической действительности самыми разнообразными способами, создавая самые разные, но имеющие одинаковые права на существование гипотезы, историк пишет не о том, что он видел, а о том, во что у него были веские основания верить, историк лишен возможности непосредственного доступа к наблюдению фактов прошлого и проверки их как непогрешимых свидетельств. Даже свидетельства очевидцев не могут быть всемогущим авторитетом для историка, хотя он должен их учитывать, но видеть в них лишь одно из доказательств. Свидетельство очевидца, факт, документ — это лишь повод для его исследования, первая стадия в изучении события, реальное прошлое в его точности недоступно для исследователя, так как он имеет дело только с описанием. (Это один из центральных вопросов философской феноменологии — доступ к реальности, и не только исторической, он очень опосредован различными предпосылками, о чем уже упоминалось выше.) Здесь мы имеем дело с эпистемологическим конструктивизмом как совокупностью разнородных теорий в рамках социально-гуманитарного познания, одним из направлений в современной гносеологии, где подчеркивается идея не отражательной, а конструктивистской природы познания, идея культурно-исторической и языковой обусловленности познания, опосредованности познания индивидуальными конструктами, идея *конструктивно-го альтернативизма* (множества способов концептуализации событий и плюрализма истин). Если представить историческое прошлое как предмет интерпретации в виде «текста», то надо признать, что этот текст открыт в семантическом пространстве. В результате появляются разные картины исторической реальности, из которых ни одна не может быть признана единственно правильной,

истинность или ложность исторических знаний определяется не их соответствием исторической действительности, а социокультурными контекстами получения этих знаний, контекстами, среди которых преобладают постмодернистские мотивы. В рамках постмодернизма существенное влияние на производство исторических знаний и селекцию исторических фактов и документов, представляющих эмпирический базис этих знаний, оказывают власть, деньги, авторитет, репутация ученых и даже политические и идеологические предпочтения, другими словами, все то, что принято называть постмодернистским концептом «*великий интертекст*». Ярким примером сложности положения в историческом познании и историческом образовании в современном российском обществе является попытка осуществить проект «единого учебника» по истории для системы образования в Российской Федерации.

В такой ситуации неприемлемой представляется теория «корреспондентной истины», считающей критерием исторической истины соответствие выводов и заключений историка фактам прошлого. Достаточно вспомнить острую дискуссию не только в научной, но и в публичной сфере по поводу «Пакта Молотова-Риббентропа» и его влияния на ход предвоенной истории.

Неубедительной оказалась и теория «когерентной истины», утверждающая, что исторические факты не столько открываются, сколько выводятся в ходе развертывания аргументации историка. Вопрос о том, является ли какой-либо факт прошлого подлинным, истинным, решается на основании того, может ли ученый установить его соответствие с другими выводами и заключениями других историков. (Когерентность истины означает — теоретическое положение является истинным, если оно, будучи включено, введено в уже существующую теоретическую систему, не противоречит ей.) Поэтому в силу сложившегося положения

в исторической науке сформировалось мнение (убеждение), что историк-исследователь ничего не открывает в прошлом как ученый, он его конструирует. Это вполне укладывается в контекст конструктивизма как направления современной неклассической эпистемологии науки, основанного на предпосылочности научного знания — познание отягощено всевозможными предпосылками. Идея конструктивизма — порождение принципа активности субъекта в процессе познания, и Кант в этом смысле — первый конструктивист в философской гносеологии. Хотя истоки конструктивизма можно обнаружить еще у древнегреческих скептиков, которые первыми осознали зависимость картины мира от воспринимающего субъектами, усомнились в возможности познания мира таким, как он есть на самом деле.

С позиций конструктивизма историческое знание есть воспроизведение мыслей *прошлого*, заключенных в контекст мыслей *настоящего*. Это означает первичность знания, а не реалий в историческом познании. Принцип первичности знания в познании истории требует строгого соблюдения правильности методов изучения прошлого. Историк, проверяющий правильность тезисов и выводов другого историка, обязан тщательно исследовать и понять его методологию, помнить, что пробным камнем исторического исследования является не адекватность описания события, а именно способы и методы его оценки исторических свидетельств.

Прошлое, понимаемое как интеллектуальная конструкция, созданная на основе материала действительности, в философском смысле схожа с теориями косвенного подтверждения в физике. Но для создания такой конструкции необходимо овладеть метафизическим шифром исторического опыта, метафизической компетентностью. Для погружения в исторический материал необходимы регулятивные принципы этого действия, которые носят методологический характер. Речь идет о роли оце-

ночных суждений в реконструкции прошлого, будь то «*отнесение к ценности*» (П. Рикёр), или «*интерес эпохи*» (М. Вебер), или «*классовый подход*» (В. Ленин). Эти подходы далеко не универсальны. Неуниверсальным также является методологическое значение принципа каузальности применительно к познанию истории. Причинно-следственные связи в миропроявлении объективно существуют, но и они обладают относительным характером — то, что является причиной в одном измерении, является следствием в другом измерении, в другом отношении. Такая «игра причины и следствия» особенно присуща историческим событиям. В истории следствия какого-либо события необязательно имеют это событие своей причиной. В литературе по этому поводу приводится такой пример — поездка Джона Кеннеди в Даллас не является причиной того, что его застрелили. Однако его смерть есть следствие этой поездки. (Здесь уместно будет упомянуть о высказывании И. Канта о Дэвиде Юме, его скепсисе по отношению к закону причинности, Юм «основательно встряхнул разум Канта и вывел его из спячки».)

В историческом познании более приемлем «марковский детерминизм» (марковские цепи, марковские связи), который, признавая определенность в связи состояний, исключает линейную, механистическую предопределенность этих связей. Для понимания этого типа детерминизма особое значение имеет интерпретация связи понятий «история» и «состояние». Лапласовская концепция, абсолютизируя момент непрерывности в связи состояний, ставила каждое из них в полную зависимость от прошлого, и этим затемнялось и даже исключалось подлинное влияние конкретных условий на формирование состояний объекта в каждой отдельной фазе его существования, потому что лапласовский детерминизм относился только к изолированным системам. Но в мире нет изолированных систем. В особенности

это относится к системам самоорганизующимся и прежде всего к обществу, к истории. Состояние общества определяется не только прошлым, но в значительной степени непосредственными условиями его существования в каждый данный момент времени. Такая двойственная детерминация определяет относительную зависимость вновь возникающих состояний от прошлой истории лишь частично, детерминация последующих состояний предыдущими носит неоднозначный характер.

Связь прошлого, настоящего и будущего противоречива, Марков отрицал то, что история может определить будущее, минувя настоящее, выступать как некая мистическая сила. Прошлое запечатлевается в настоящем и действует только через настоящее. Следовательно, какое настоящее, такое и видение исторического прошлого и представления о будущем.

Первичность знания, а не исторических реалий в историческом познании не означает уход от действительности (в случае исторического познания этой действительности нет, она условна и дана нам лишь в знаках символах, текстах, включая сюда археологию, архитектуру и т.п.). История для нас есть наше мыслящее отношение к прошлому. Как писал Гердер, история мнений есть ключ к истории фактов.

История как наука — это творческий процесс, главное здесь — отказ от точки зрения на историю как на фиксацию неизменных и однозначных фактов прошлого, от взгляда на историю как простую хронику событий.

Изучение истории способствует совершенствованию человека, помогает ему познать свои сильные и слабые стороны, свой потенциал и возможности, так как познание через историю других людей

есть познание самого себя, и без знания прошлого невозможно прогнозировать будущее. Изучение истории должно быть свободно от ограниченности своей эпохи, оно позволяет увидеть иные социальные структуры, проблемы, альтернативы. История представляет собой коллективный опыт человечества и в этом качестве дает нам уроки, которые могут помочь избежать ошибок в будущем, совершенных нашими предшественниками в прошлом.

Несмотря на ограниченность возможностей и отсутствие желаемой степени достоверности и доказательности, которые вытекают из самой природы этих исследований, они все же помогают нам понять, где мы находимся и куда мы идем, именно поэтому, несмотря на все трудности и неопределенности многих аспектов и проблем, историки могут помочь человеку жить лучше, с большим доверием и надеждой смотреть в будущее.

P.S. Учитывая правовой профиль нашего журнала, следует отметить следующее: некоторые положения данной статьи имеют методологическое значение для деятельности работника правовой сферы в широком смысле слова, например, судьбы — перед ним всегда «Дело №...», т.е. «история» (факты, события, документы). Для принятия правильного решения данному работнику кроме высокого профессионализма необходима метафизическая компетентность, свобода занятия позиции по отношению к ценностям (правовым, моральным, религиозным), ибо истинность выносимого суждения заключается не в соответствии с фактами, которые никогда не бывают «чистыми», а в утверждении должного. В нашей статье содержатся дискуссионные положения, поэтому творческой автор приглашает теоретиков и практиков права, историков, философов, всю научную общественность к дискуссии.

Литература

1. Латур Б. Надежды конструктивизма / Б. Латур // Социология вещей : сб. ст. ; под ред. В. Вахштайна. М. : Территория будущего, 2006. 390 с.
2. Лекторский В.А. Конструктивизм Vs Реализм / В.А. Лекторский // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 43. № 1. С. 19–26.

3. Brock S. Realism and Anti-Realism / S. Brock, E. Mares. Durham, UK : Acumen 2007. 224 p.
4. Hacking I. The Social Construction of What? / I. Hacking. Harvard, 1999. 261 p.
5. Haslanger S. Resisting Reality. Social Construction and Social Critique / S. Haslanger. Oxford : OUP USA, 2012. 490 p.
6. Kukla A. Social Constructivism and the Philosophy of Science / A. Kukla. London : Routledge, 2000. 182 p.

References

1. Latour B. Nadezhdy' konstruktivizma [Pandora's Hope] / B. Latour // Sotsiologiya veschey : sb. st. ; pod red. V. Vakhshayna [Sociology of Things : collection of articles ; edited by V. Vakhshayn]. Moskva : Territoriya buduschego — Moscow : Territory of the Future, 2006. 390 s.
2. Lektorskiy V.A. Konstruktivizm VS Realizm [Constructionism vs. Realism] / V.A. Lektorskiy // Epistemologiya i filosofiya nauki — Epistemology and Philosophy of Science. 2015. Vol. 43. № 1. S. 19–26.
3. Brock S. Realism and Anti-Realism / S. Brock, E. Mares. Durham, UK : Acumen 2007. 224 s.
4. Hacking I. The Social Construction of What? / I. Hacking. Harvard, 1999. 261 s.
5. Haslanger S. Resisting Reality. Social Construction and Social Critique / S. Haslanger. Oxford : OUP USA, 2012. 490 s.
6. Kukla A. Social Constructivism and the Philosophy of Science / A. Kukla. London : Routledge, 2000. 182 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-3-14-20

Доктрина и теория: сходство и различия в сфере юриспруденции

*Латынин Олег Анатольевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Крымского филиала Российского государственного университета правосудия,
Председатель Арбитражного суда Республики Крым,
кандидат юридических наук
mail@crb.rsuj.ru*

Статья направлена на разграничение близких до степени смешения, но не тождественных в смысловом отношении понятий доктрины и теории в сфере юриспруденции. Их сходства и различия выявлены с учетом словарных данных, известных концептуальных представлений и практики применения данных понятий в юридических текстах, в том числе нормативных. Автором показана смежность понятий и выявлено основное их отличие друг от друга.

Ключевые слова: доктрина, теория, юриспруденция.

Doctrine and Theory: Similarity and Differences in Jurisprudence

*Latynin Oleg A.
Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines
of the Crimea Branch of the Russian State University of Justice
Presiding Judge of the Commercial Court of the Republic of Crimea
Candidate of Legal Sciences*

The article is aimed at distinguishing close to the degree of confusion, but not identical in semantic terms, the concepts of doctrine and theory in the field of jurisprudence. Their similarities and differences are identified in the light of vocabulary data, well-known conceptual concepts and practice of applying these concepts in legal texts, including normative ones. The author shows the contiguity of concepts and revealed their main difference from each other.

Keywords: doctrine, theory, jurisprudence.

В современной методологии науки существует ряд общепризнанных понятий

и терминов, к которым, на наш взгляд, применим классический процессуаль-

ный принцип *manifestum non eget probatione*: они введены в оборот настолько давно и используются так часто, что воспринимаются как ясные и точные, заведомо не нуждающиеся в дополнительных логических обоснованиях и дефинициях. К числу подобных терминов относятся «доктрина» и «теория»¹. В учебной и научной литературе их нередко употребляют в качестве взаимозаменяемых.

Тем не менее предметное содержание терминов «доктрина» и «теория» отнюдь не тождественно, хотя и весьма близко. Поскольку во многих контекстах это порождает неопределенность и нежелательные эффекты подмены понятий, считаем необходимым провести их сравнительный понятийно-терминологический анализ.

Начнем с краткой словарной справки. Оба слова — и «доктрина», и «теория» — впервые зафиксированы в русском языке во второй половине XIX в. в качестве заимствований, в роли преимущественно социально-политических терминов². При этом языки-источники у них разные, а как следствие, есть и различие в значении: **доктрина** от латинского *doctrina* — учение, обучение; **теория** от греческого *θεωρία* — наблюдение, обозрение, созерцание. Так, например, у Платона: «...термин „теория“ представляет собой такое состояние сознания, которое имеет своим предметом организованную, оформленную действительность и которое аналитически-синтетически конструирует эту действительность на основе *непосредственного видения или созерцания* (курсив наш. — **О.Л.**)»³.

Таким образом, созерцание, внимательное и тщательное наблюдение не-

обходимо сопутствует всякому теоретическому мышлению, однако глубина его может быть различной, что и получило закрепление в первоначальном значении терминов «доктрина» и «теория». Иначе говоря, прежде чем обучать чему-либо, т.е. заниматься доктриной (отсюда и пренебрежительный оттенок — доктринёрство, доктринёр — в смысле наукообразного пустословия), необходимо как минимум обобщить и классифицировать полученные опытные данные, всесторонне развить соответствующие научные абстракции, что и делается в рамках теории.

Отмеченные выше оттенки значения слов находятся в плоскости тончайшей смысловой нюансировки языка со свойственной ей подвижностью и изменчивостью. Поэтому закономерно, что современные словари констатируют уже не различие, а сходство рассматриваемых терминов, как бы поясняющих друг друга. Сравним:

доктрина — учение, научная или философская теория, система, руководящий теоретический или политический принцип (например, *доктрина судебного прецедента*, *доктрина ядерного сдерживания*);

теория — 1) учение, система научных принципов, идей, обобщающих практический опыт и отражающих закономерности природы, общества, мышления (например, *теория прав человека*); 2) совокупность обобщенных положений, образующих науку или раздел какой-нибудь науки, а также совокупность правил в области какого-нибудь мастерства (например, *теория гражданского права*, *теория шахматной игры*); 3) сложившееся у кого-нибудь мнение, суждение, взгляд на что-нибудь (например, *спасительная, наивная, примитивная теории*).

В то же время содержательно-понятийное различие между терминами не исчезло, что подтверждается, в частности, невозможностью их взаимной замены в определенных контекстах.

¹ Очевидное не подлежит доказыванию (лат.).

² Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. М.: Издание книгопродавца А.И. Манухина, 1865.

³ Лосев А.Ф. История античной эстетики. Т. 2: Софисты. Сократ. Платон. М.: Искусство, 1969.

Например, доктрина/теория судебного прецедента, прав человека, гражданского права, **но:** правовая доктрина (а не теория) как источник права, доктринальное (а не теоретическое) толкование.

Характерно, что в сфере юриспруденции термин «теория» обладает гораздо более четко очерченными понятийными границами и соответствующим единообразием смыслового восприятия, тогда как термин «доктрина» является неоднозначным, многоаспектным, а также, в отличие от термина «теория», используется в законах и подзаконных нормативных правовых актах.

Так, в Гражданском, Семейном и Арбитражном процессуальном кодексах РФ посредством схожих формулировок предписывается определенный алгоритм установления содержания норм иностранного права, в составе которого законодатель выделяет в том числе и учет доктрины, помогающей уяснению смысла норм иностранного права:

при применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве (ч. 1 ст. 1191 ГК РФ);

при применении норм иностранного семейного права суд или органы записи актов гражданского состояния и иные органы устанавливают содержание этих норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве (п. 1 ст. 166 СК РФ);

при применении норм иностранного права арбитражный суд устанавливает содержание этих норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве (ч. 1 ст. 14 АПК РФ).

Принимая во внимание данные положения в системной связи с разъяснениями, приведенными в п. 44, 45 и 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ

от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом», мы можем утверждать, что выдержки из правовой доктрины представляют собой элемент практики официального толкования и применения норм иностранного права и являются одним из признанных источников информации о содержании норм иностранного права.

Как написано в одном из комментариев к Семейному кодексу РФ, «под правовой доктриной следует понимать используемые в некоторых странах при наличии пробела в законодательстве, отсутствии соответствующего прецедента, положения из работ известных ученых для юридического решения возникшего спора, имеющего правовое значение»⁴.

Иное нормативное значение термина «доктрина» мы находим в указах Президента РФ, утверждающих некие системы официальных взглядов. Одним из первых таких документов стал Указ Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 884 «О доктрине развития российской науки», затем последовали Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120, Морская доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 26 июля 2015 г., Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 (при этом утверждение военной доктрины является конституционным полномочием Президента РФ).

Исходя из содержания и смысла перечисленных документов, термин «доктрина» может быть истолкован как си-

⁴ Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., перераб. и доп. 2017 // СПС «КонсультантПлюс», 2017.

стемно организованная совокупность официальных взглядов, определяющих государственную политику Российской Федерации, ее стратегические цели и основные направления обеспечения применительно к той или иной значимой области, будь то морская деятельность Российской Федерации, вооруженная защита Российской Федерации, продовольственная безопасность Российской Федерации либо национальная безопасность Российской Федерации в информационной сфере.

Учитывая, что всякая цель представляет собой пока еще не реальный, а лишь желаемый, так или иначе планируемый результат деятельности, констатируем появление нового оттенка смысла термина «доктрина» — он указывает на некий идеал, на то, как должно быть.

Далее в целях предпринятого нами понятийного анализа терминов «доктрина» и «теория» рассмотрим некоторые из известных нам положений о юридической доктрине, закрепленных в научной литературе.

По мнению А.А. Васильева, значение правовой доктрины в российской правовой науке недооценивается, так как ее традиционно рассматривают лишь в качестве вспомогательного, дополнительного источника права, применяемого судом только в случае пробела в праве или неопределенности в понимании правовых норм⁵.

Между тем в правовых системах прошлого, а также во многих современных учениях о праве, то есть доктринах, признаются источниками права, достаточно вспомнить, что Кодекс императора Восточной Римской империи Юстиниана включал в себя пандекты, которые представляют собой совокупность высказываний наиболее авторитетных римских юристов. В странах, относящихся к англосаксонской и мусульманской право-

вым семьям, правовая доктрина является обязательной.

Полемизируя с тезисом о вспомогательности правовой доктрины, названный автор пишет, что «познание сущности и назначения правовой доктрины — это путь к разгадке тайн происхождения и функционирования правовых систем, тех духовных основ, на которых покоится правопорядок, тех судеб, которые ожидают право в новом глобальном мире, есть ли у права ответ на глобализацию, сохранит ли оно свою социальную ценность для будущих поколений».

Далее А.А. Васильев формулирует три возможных значения термина «правовая доктрина», а именно как:

1) совокупность знаний, теорий, идей, понятий, суждений о праве, правовых явлениях (нормах права, правоотношениях, системе права, правотворчестве и т.п.);

2) отдельное учение о наличном или когда-либо существовавшем праве или идеальном правопорядке;

3) господствующие в данном обществе представления о праве, его роли и ценности⁶.

При этом в качестве устойчивых, глубинных свойств правовой доктрины названы ее детерминация материальными условиями жизни общества, отражение наличного либо существовавшего в прошлом правопорядка и рациональность.

Другой исследователь проблем теории и практики юридической доктрины — Р.В. Пузиков — пришел к выводам о том, что юридическая доктрина имеет фундаментальный характер и соответствующее функциональное назначение, взаимодействует с правовой политикой и влияет на правоприменительный процесс, представляет собой особое правовое явление, результат профессиональной научной деятельности и отражает согласованные позиций ученых по актуальным проблемам правового регулирования, характеризуется специфическим

⁵ Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права // Публично-правовые исследования: электрон. журн. 2012. № 2. С. 38–75; № 3. С. 27–53.

⁶ Там же.

языком изложения правовых идей, а также бездокументарной формой их выражения. В зависимости от содержания, следует различать: общеправовую юридическую доктрину (доктрину позитивного права); юридическую доктрину отдельной отрасли права; юридическую доктрину отдельного правового института; а по источнику формирования собственно юридическую доктрину и юридическую доктрину государства⁷.

В диссертации А.А. Зозули — еще одного автора, осуществившего научный поиск в интересующем нас направлении, — аргументированы выводы, что юридическая доктрина обладает свойством правового воздействия на общественные отношения, является общеправовой категорией, интегрирует совокупность юридико-научных трактовок и суждений о позитивном праве, может носить прогрессивный или регрессивный с точки зрения поступательного развития цивилизации характер. Современное состояние российской правовой системы требует более полного использования правообразовательного потенциала юридической доктрины и реализации ее основных функций, а именно стабилизирующей, направляющей, эвристической, нормообразующей, оценочной и прогностической. Важнейшим принципом формирования и реализации юридической доктрины современной России служит ее ориентация на охрану и защиту прав человека и гражданина⁸.

Доктрине в правовой системе Российской Федерации посвящено также и диссертационное исследование Е.О. Мадаева. Автор определяет доктрину как относительно самостоятельный, сложный (многоаспектный) элемент правовой системы государства, который пред-

ставляет собой научно обоснованные, авторитетные воззрения и теории по поводу остальных элементов правовой системы и юридической деятельности, имеющие научно-прикладной характер и непосредственно регулятивные возможности. Основными признаками доктрины являются научная обоснованность, авторитетность, научно-прикладной и практический характер, наличие регулятивных возможностей, а факультативными — формальная определенность, прогностичность, масштабность, декларативность, самодостаточность⁹.

При этом доктрины могут быть классифицированы по различным основаниям, в частности: 1) по происхождению (генетике); 2) степени научной абстрактности и широте охвата явлений правовой действительности; 3) форме внешней фиксации и механизму реализации регулятивных возможностей; 4) характеру участия в юридической практике; 5) степени влияния внешних факторов; 6) типу правопонимания, лежащему в основе доктрины¹⁰.

Кроме того, в исследовании Е.О. Мадаева показаны четыре канала реализации регулятивного потенциала доктрины:

— закрепление в законодательстве декларативных норм, дефинитивных норм и норм-принципов доктринального происхождения;

— издание документов политико-правового характера типа «доктрина», «концепция»;

— акты доктринального и официального толкования права, в том числе высшими судебными инстанциями;

— в правоприменительной практике при разрешении юридических коллизий, восполнении пробелов в законодательстве, использовании судами дискреционных полномочий¹¹.

⁷ Пузиков Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (Проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2003. С. 177–178.

⁸ Зозуля А.А. Доктрина в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 28.

⁹ Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 54, 61–62.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же. С. 57–58.

Как своего рода «высшее проявление» юридической науки, правовая доктрина выходит за пределы научных теорий и перемещается в том числе в политико-правовые (декларативные) документы, тем самым оказывая непосредственное влияние на эффективность правового регулирования общественных отношений.

Автором особо подчеркивается взаимосвязь современной российской правовой доктрины с доктриной политической. Как справедливо отмечает Е.О. Мадаев, использование доктринальных положений в правотворческом процессе, а также реализация доктрины в судебных правовых позициях и придание доктрине непосредственно-нормативного характера путем издания имеющих нормативно-правовой характер политико-правовых документов типа «доктрина» с обязательной ссылкой на соответствующие научные труды являются перспективными направлениями развития правовой доктрины в современной России и внедрения ее элементов в правовую систему государства¹².

Наконец, назовем имеющийся в литературе перечень целей, для которых используется правовая доктрина:

- 1) установление содержания правовых норм;
- 2) восполнение пробелов в правовом регулировании;
- 3) толкование правовых норм¹³.

Полагаем, что приведенные выше положения достаточны для общего вывода о том, что понятию правовой доктрины

¹² Там же. С. 15.

¹³ Бычков А. Правовая доктрина в судебной практике // ЭЖ-Юрист. 2013. № 39.

Литература

1. Бычков А. Правовая доктрина в судебной практике / А. Бычков // ЭЖ-Юрист. 2013. № 39.
2. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права / А.А. Васильев // Публично-правовые исследования. 2012. № 2. С. 38–75.
3. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права / А.А. Васильев // Публично-правовые исследования. 2012. № 3. С. 27–53.
4. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / С.П. Гришаев. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс», 2017.
5. Зозуля А.А. Доктрина в современном праве : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Зозуля. СПб., 2006. 232 с.

уделяется немало внимания, поскольку доктрина имеет не только значительный теоретический потенциал, но и существенное практическое значение.

В заключение покажем итог предпринятого нами сравнительного анализа понятий «доктрина» и «теория» в сфере юриспруденции.

Итак, доктрина и теория сходны в том, что они:

— являются результатом обобщения определенного эмпирического базиса, относящегося к тем или иным аспектам создания и функционирования общеобязательных, государственно установленных правил поведения в данном обществе;

— представляют собой определенный способ организации научного знания и в таком своем качестве могут рассматриваться в общем контексте культуры страны и цивилизации в целом, а также имеют известное эвристическое и прогностическое значение;

— возникают на основе системы ценностей данного общества, в том числе его правового идеала в конкретный исторический период.

При таком значительном сходстве существенно и главное различие: если теория направлена на истолкование и объяснение того, что есть, то доктрина является в некотором роде мобилизующей программой — она показывает нам то, как должно быть.

Поскольку идеал правопорядка предполагает существование преобразуемой, поддающейся усовершенствованию правовой реальности, постольку и понятия доктрины и теории могут использоваться как смежные, находящиеся в непосредственной связи друг с другом.

6. Лосев А.Ф. История античной эстетики / А.Ф. Лосев. Т. 2 : Софисты. Сократ. Платон. М. : Искусство, 1969. 715 с.
7. Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Е.О. Мадаев. М., 2012. 254 с.
8. Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней / А.Д. Михельсон. М. : Издание книгопродавца А.И. Манухина, 1865. 718 с.
9. Пузиков Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования (Проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук / Р.В. Пузиков. Тамбов, 2003. 213 с.

References

1. Bychkov A. Pravovaya doktrina v sudebnoy praktike [The Legal Doctrine in the Judicial Practice] / A. Bychkov // EZh-Yurist — Lawyer electronic journal. 2013. № 39.
 2. Vasilyev A.A. Pravovaya doktrina kak istochnik prava [The Legal Doctrine as a Source of Law] / A.A. Vasilyev // Publichno-pravovyye issledovaniya — Public Law Research. 2012. № 2. S. 38–75.
 3. Vasilyev A.A. Pravovaya doktrina kak istochnik prava [The Legal Doctrine as a Source of Law] / A.A. Vasilyev // Publichno-pravovyye issledovaniya — Public Law Research. 2012. № 3. S. 27–53.
 4. Grishaev S.P. Postateynny'y kommentariy k Semeynomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. 2-e izd., pererab. i dop. [An Article-by-Article Commentary to the Family Code of the Russian Federation. 2nd edition, revised and enlarged] / S.P. Grishaev // SPS «KonsultantPlyus» — ConsultantPlus reference legal system, 2017.
 5. Zozulya A.A. Doktrina v sovremennom prave : dis. ... kand. yurid. nauk [Doctrine in the Modern Law : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.A. Zozulya. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 2006. 232 s.
 6. Losev A.F. Istoriya antichnoy estetiki. T. 2 : Sofisty' [The History of Ancient Esthetics. Vol. 2 : Sophists. Socrates. Plato] / A.F. Losev. Sokrat. Platon. Moskva : Iskustvo — Moscow : Art, 1969. 715 s.
 7. Madaev E.O. Doktrina v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii : dis. ... kand. yurid. nauk [Doctrine in the Legal System of the Russian Federation : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.O. Madaev. Moskva — Moscow, 2012. 254 s.
 8. Mikhelson A.D. Obyasnenie 25 000 inostranny'kh slov, voshedshikh v upotreblenie v russkiy yazyk, s oznacheniem ikh korney [Explanation of 25,000 Foreign Words Which Came into Use in the Russian Language, with Indication of Their Roots] / A.D. Mikhelson. Moskva : Izdanie knigoprodavtsa A.I. Manukhina — Moscow : Edition of bookseller A.I. Manukhin, 1865. 718 s.
 9. Puzikov R.V. Yuridicheskaya doktrina v sfere pravovogo regulirovaniya (Problemy' teorii i praktiki) : dis. ... kand. yurid. nauk [The Legal Doctrine in the Legal Regulation Sphere (Issues of Theory and Practice) : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / R.V. Puzikov. Tambov — Tambov, 2003. 213 s.
-

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-3-20-26

Зарождение идеи об обратной силе уголовного закона

*Маликов Сергей Владимирович,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
s.v.malikov@yandex.ru*

На основе анализа истории римского права, англосаксонской системы права исследуются появление и развитие идеи об обратной силе уголовного закона как частной проблемы действия закона во времени. Констатируется, что вопрос действия закона во времени и его обратной силы положен в основу целого ряда иных принципов и ключевых положений законодательства — законности, предсказуемости и стабильности, предупредительной функции, приоритетности кодификации — и имеет политические основания.

Ключевые слова: время, уголовный закон, действие закона во времени, обратная сила закона, принципы законодательства.

Origination of the Idea of the Retroaction of Criminal Law

Malikov Sergey V.

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Candidate of Legal Sciences

The article explores the emergence and development of the idea of the retroactive force of criminal law as a particular problem of the law in time based on the analysis of the history of Roman law and the Anglo-Saxon system of law. It is stated that the issue of the validity of the law in time and its retroactive effect is the basis of a number of other principles and key provisions of the legislation — legality, predictability and stability, preventive function, priority of codification.

Keywords: time, criminal law, operation of law in time, retroactive force of law, principles of law.

Проблема обратной силы или обратного действия уголовного закона рассматривается в контексте изменчивости законов и роли в этом процессе законодателя и правоприменителя (зачастую в одном лице). Действие закона во времени становится частным вопросом политического характера. Наибольшее значение он приобретает в уголовном и гражданском праве, касающихся основных прав и свобод человека и гражданина (жизнь, здоровье, собственность).

Ряд отечественных ученых вслед за М.Д. Шаргородским утверждают, что впервые вопрос обратного действия закона был поднят Цицероном¹. А.М. Ерасов, напротив, в качестве «первоисточника» ссылается на Демосфена и его речь против Тимократа, в которой он считал несправедливым законопроект, отменяющий приговоры по делам, по которым

суд уже вынес решение и которые являются законченными².

Возможность обратной силы юридических нормативных актов анализируется римскими юристами республиканского и классического времени (Цицерон³, Авл Геллий⁴). Недействительность зако-

² Демосфен. Речи : в 3 т. М. : Памятники ист. мысли, 1994. Т. 1. С. 233–234.

³ Цицерон заявляет: «...ни один закон не распространяется на действия прошлого, если только они, сами по себе, не так преступны и чудовищны, что их следовало бы тщательно избегать, если бы даже не существовало закона; мало того, даже в этой области мы находим много примеров назначения законами страха за действия, совершенные до издания самих законов. Таков Корнелиев закон о духовных завещаниях и монетном деле и многие другие, в которых народу дается не новое право, а определяется, что с известного времени народ имел возможность привлекать к ответственности за те преступления, которые всегда считались таковыми». См.: Цицерон М.Т. Речь против Г. Верреса, назначенная к произнесению во второй сессии, книга I. О городской претуре // М.Т. Цицерон. Полное собрание речей в русском переводе : в 2 т. / ред., введ. и примеч. Ф. Зелинского. СПб. : А.Я. Либерман, 1901. Т. I. С. 153–169.

Таким образом, в данном случае имеется определенное усмотрение на придание законам обратной силы ввиду их распространенности и «степени общественной опасности».

⁴ «Слова древнего закона Атиния таковы: „Право собственности на ту вещь, что будет украдена, да будет сохраняться вечно“. Что иное можно подумать по поводу этих слов, чем то, что закон говорит только о будущем времени? Однако Квинт Сцевола говорит, что его отец, а также Брут и Манилий, мужи весьма ученые, задавались вопросом и выражали сомнение по поводу того, имеет ли закон силу только по отношению к кражам, которые еще состоятся, или же и по отношению к

¹ Тилле А.А. Время, пространство, закон: Действие советского закона во времени и пространстве. М. : Юридическая литература, 1965. С. 5.

В частности, после избрания Гнея Помпея консулом он внес предложение об издании новых законов: один о насильственных действиях (резня на Аппиевой дороге, поджог Куррии и осада дома интеррекса Марка Лепида), другой о домогательстве, т.е. по событиям, предшествовавшим его избранию. Оба закона предусматривали более тяжкое наказание и сокращенный порядок судопроизводства, и оба закона требовали, чтобы сначала выслушивали свидетелей, а затем в один и тот же день обвинитель и обвиняемый произносили речи, причем обвинителю следовало предоставить два часа, а обвиняемому — три. См.: Цицерон М.Т. Речи : в 2 т. / пер. с лат. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. Т. 2 : Годы 62–43 до н. э. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 378–379.

на в отношении прошлых деяний рассматривается скорее как *consuetudo legis* (обычай), чем как непреложное правило. Общее правило о невозможности обратного действия формируется в эпоху поздней империи, однако предусмотренны и его ограничения в случае, если законодатель сделал специальную оговорку при издании конкретного акта. В пандектном праве тезис о невозможности обратного действия закона приобретает безусловный характер.

Впервые нормативно принцип действия закона во времени закрепляется в кодексе Юстиниана и получает название «феодосианская норма» по имени Феодосия II, сформулировавшего правило «всякий закон действует лишь на будущее время, если только законодатель не придал ему обратную силу»⁵.

Идея о наказуемости деяний исключительно в соответствии с действующим нормативным правовым актом получает развитие наряду с законотворческой деятельностью как таковой. Демократический афинский полис, основанный Солоном и Клисфеном, базировался на идее исономии (равенства всех перед за-

коном), подразумевавшей управление только на основании закона⁶.

Юристы Римской империи проповедовали принципы *nulla poena sine crimine* и *nullum crimen sine lege*, в противоречие с которыми вступали ретроактивные законы. Римляне стали первыми европейцами, кодифицировавшими законодательство. Целью этого процесса было дать обществу ясное представление о законах, которые могли быть применены по отношению к ним. Более того, римскому праву был присущ крайний консерватизм, и в этом видится его сильная сторона, поскольку он содействовал постоянству законодательной базы Республики, способствовал однозначности законов. Консерватизм права мешал произвольному изменению законов или юридических норм в зависимости от конъюнктурных политических обстоятельств или воли государственных лидеров. Однажды утвержденный комициями (народным собранием), закон уже не мог быть изменен ни при каких обстоятельствах. Это вселяло в римских граждан уверенность в своих правах, уверенность в защитных функциях закона.

В дальнейшем история права свидетельствует о движении в сторону большей кодификации, тем самым концентрируясь на предупредительной роли нормативных правовых актов. Усилия древних законодателей (Хаммурапи, Моисей, Солон, Юстиниан) по изданию кодифицированных актов также свидетельствуют, что именно письменное и изданное предупреждение (правило поведения и последствия нарушения правил) является предпочтительным.

Принцип «*nullum crimen sine lege*» имел особое значение в системе англосаксонского права. Его первое формальное выражение некоторые исследователи видели в английской Великой хартии вольностей 1215 г.: «Ни один свободный человек не будет арестован или заклю-

совершенным ранее, поскольку выражение *subruptum erit* (будет украдена), как кажется, указывает на оба времени — как на прошлое, так и на будущее» (см.: Геллий А. Аттические ночи / пер. с лат. ; под общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер ; пер. А.Г. Грушевой, О.Ю. Бойцова, А.Я. Тыжов. СПб. : Гуманитарная академия, 2008. Т. 2. Кн. 11–20. С. 273–274).

⁵ Тилле А.А. Указ. соч. С. 6.

В английском варианте (единственная полностью переведенная с латыни версия) эта норма звучит следующим образом: «No constitution produces any calumny for past deeds, but all constitutions establish regulations for the future» (Book I, Art. 3). См.: Clyde P. *The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions: A Translation with Commentary, Glossary, and Bibliography*. New York : Princeton University Press, 1952. 643 p. Reprinted 2001. P. 11.

Авторами в комментарии также указывается, что самими римскими императорами это правило неоднократно нарушалось (например, положения кодекса (Книга — статья — положение): 3-2-1; 3-12-3; 4-12-1; 4-14-1; 6-8-1; 10-8-4; 14-15-5; 16-57; 16-5-17).

⁶ Мариневич Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению : учеб. пособие. М. : КДУ, 2007. С. 50–51.

чен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе как по законному приговору равных ему и по закону страны» (ст. 39)⁷.

Британскими исследователями до сих пор признается определяющее значение Хартии в деле установления верховенства закона и ограничения произвола власти не только в англосаксонской, но и континентальной системах права посредством ее влияния на Всеобщую декларацию прав человека. Ряд положений Magna Carta (не более четырех) до сих пор имеет прямое действие, к таковым относятся статьи, посвященные принципам законности (ст. 38, 40)⁸.

Философское обоснование применения исключительно принятых в установленном порядке нормативных актов получает у Дж. Локка, наследие которого послужило основой для французских мыслителей XVIII в., заложившее фундамент Великой французской революции, ее правовых начал и последствий. Он писал, что какова бы ни была форма государства, правящая власть должна управлять с помощью провозглашенных и установленных законов, а не импровизированных приказов и неопределенных решений. Человечество очутится в

гораздо худшем положении, чем в естественном состоянии, если оно вооружит одного человека или немногих людей объединенной силой множества, для того чтобы принудить это множество людей повиноваться произволу непомерных и выходящих за рамки возможного требований, которые вдруг взбредут им на ум. Власть правительства существует только для блага общества, и поскольку она не должна быть деспотической и произвольной, постольку она должна осуществляться при помощи установленных и опубликованных законов, так чтобы и народ знал свои обязанности и находился в безопасности в пределах закона, и правители также держались в своих границах и не испытывали бы искушения благодаря находящейся в их руках власти применять ее в таких целях и с помощью таких мер, о которых они не дерзнули бы заявить открыто⁹.

Развивает эту идею лидер левеллеров Дж. Лильборн: хотя в силу своей законодательной власти парламент имеет право издавать законы, все же ни от одного свободного человека в Англии нельзя требовать, чтобы он знал их прежде, чем они будут опубликованы; равным образом никто не может быть наказан за то, что он руководствуется известными опубликованными законами, хотя бы эти законы парламент считал противоречащими своим привилегиям, если только об этом им не было публично заявлено. Если закон не опубликован, то нет его нарушения. Поэтому совершенно необходимо, чтобы парламент открыто провозгласил то, что он считает своими привилегиями, к сведению всех общин Англии, чтобы никто не мог из-за незнания закона (по вине парламента) подвергнуться опасности потерять свою жизнь, свободу и имущество¹⁰.

⁷ Петрушевский Д.М. Великая Хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в. : с приложением латинского и русского текста Великой хартии и др. док. 2-е изд. М. : М. и С. Сабашниковы, 1918. С. 119 ; Утевский Б.С. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и вопросы уголовного права // Вопросы государства и права во французской буржуазной революции XVIII в. : сб. ст., посвященных 150-летию Французской революции. Вып. 2. М. : Юридическое изд-во, 1940. С. 90–91.

⁸ The golden threads of Magna Carta // URL: <http://www.thesundaytimes.co.uk/sto/newsreview/features/article1568066.ece> ; Second-prize essay: Is Magna Carta more honoured in the breach? // URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/law/article4385749.ece> (дата обращения: 25.01.2019).

⁹ Локк Дж. Сочинения : в 3 т. / ред. и примеч. И.С. Нарский, А.Л. Субботин ; пер. с англ. А.Н. Савина ; ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М., 1988. Т. 3. С. 343.

¹⁰ Лильберн Дж. Pamphlets. М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. С. 37.

В программных документах он также отмечал, что «мы не уполномочиваем наших представителей производить суд в отношении какого-либо лица или имени, если на этот счет не было закона, и не даем права никакому другому суду или судебной власти делать это, ибо там, где нет закона, нет и преступления вследствие неведения людей и властей»¹¹.

Требование непридания обратной силы законам закрепляется в Билле о правах 1689 г., отменившем порядок «изъятия из законов и постановлений королевским повелением» — право диспенсации (п. XII), который вел на практике к объявлению преступлениями тех или иных действий, не являвшихся в момент их совершения преступными, т.е. к приданию закону обратной силы. Правомочие диспенсации (*dispensing power*) было легитимным, начиная с XIII в., со времен Генриха III. Его осуществление было ограничено определенными рамками. Король не имел права освобождать тех или иных лиц из-под действия закона, если это противоречило благу и безопасности общества и позволяло притеснять другого человека, он мог освободить кого-либо от ответственности только за преступления, затрагивавшие его собственные интересы и т.д. Его величество не мог совершать изъятия из общего права, а только из статутов, которые относились к уголовному праву.

Английские статуты были во многом несовершенно, и данное полномочие позволяло королям хоть в какой-то степени нивелировать их недостатки. Елизавета I стала использовать его для создания привилегированных условий ведения предпринимательской деятельности особо приближенным к себе людям. Поэтому постепенно правомочие короля изымать кого-то из-под действия законов стало восприниматься в качестве вредного для общественного блага. При Карле II и Джеймсе II негативное от-

¹¹ Там же. С. 114.

ношение общества к этому королевскому правомочию усилилось вследствие того, что оно начало применяться для освобождения лиц, подозреваемых в приверженности к римско-католической вере, от принесения особой клятвы при занятии должностей в государственном управлении и в англиканской церкви. Однако применение королем полномочия диспенсации не становилось от этого незаконным¹².

Необходимо обратить внимание на одну существенную деталь. Прецедентное право (*Judge-made Law*) не предполагает строгого соблюдения принципа непридания обратной силы закону. Дж. Поппл справедливо отмечает, что всякий раз, когда суд выносит решение, основываясь на ранее незакрепленном правиле или придавая ему иное значение, подсудимый по делу подпадает под действие вновь провозглашенного закона, и это несмотря на то, что его правонарушение совершено до вынесенного решения. В то же время за последние два столетия полномочия судов по нормотворчеству были значительно ограничены ввиду повышения роли парламента в законодательном процессе. Некоторые же судьи заявляют, что все их решения носят интерпретационный характер, они не создают закона, а «извлекают уже заложенный в общем праве закон»¹³.

Требование запрещения обратной силы закона, по справедливому замечанию М. Ковалевского, является источником теории отделения судебной власти от законодательной¹⁴. Возможность придания закону обратной силы в отношении конкретного дела создавала бы возможность произвола со стороны законодателя при

¹² Томсинов В.А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах. М. : Зерцало-М, 2010. С. 223–224.

¹³ Popple J. The Right to Protection from Retroactive Criminal Law // *Criminal Law Journal*. 1989. Vol. 13. No. 4. P. 260–261.

¹⁴ Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии : в 4 т. М. : Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1895. Т. 2. С. 81.

разрешении этого дела, который означал бы нарушение свободы.

США, также относящиеся к системе англосаксонского права, уже в первых основных нормативных актах восприняли идею невозможности придания законам обратной силы. Конституция предусматривает положение о том, что «ни один билль об опале или закон, имеющий обратную силу, не должны приниматься» (ст. 1 разделы 9, 10).

Таким образом, появившись в римском праве, приобретая философское обоснование в английской философии, сохранив значение до революции во Франции и получив закрепление в основополагающих документах, доктрине и на практике, к XVIII в. складываются определенные подходы к действию закона во времени и его обратной силе.

В частности, становится очевидным, что контекстом темпоральных проблем действия закона является политическая плоскость: 1) зарождается идея законности — управление обществом исключительно на основании изданных и обнародованных законов; 2) ставятся вопросы

ясного и предсказуемого взаимодействия правителя и общества; 3) акцентируется внимание на предупредительной или воспитательной роли законов; 4) кодификация рассматривается как предпочтительная форма существования нормативных предписаний; 5) развиваются правовые инструменты, способствующие оперативно реагировать на изменения условий жизни общества, сохраняя консолидирующие общество предписания (например, судебные прецеденты).

Это позволяет предположить, что вопрос действия закона во времени лежал в основе целого ряда иных принципов и ключевых положений законодательства — законности, предсказуемости и стабильности, предупредительной функции, приоритетности кодификации. Характерно также то, что изначально не ведется речи о непридании обратной силы только более строгому закону. Это понятие пока трактуется в узком смысле — о предсказуемости и последовательности действий правящей элиты, что связывается с обеспечением стабильности общества.

Литература

1. Геллий А. Аттические ночи / А. Геллий ; пер. с лат. ; под общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер ; пер. А.Г. Грушевой, О.Ю. Бойцова, А.Я. Тыжов. СПб. : Гуманитарная академия, 2008. Т. 2. Кн. 11–20. 480 с.
2. Демосфен. Речи : в 3 т. / Демосфен. М. : Памятники ист. мысли, 1994. Т. 1. 605 с.
3. Ковалевский М.М. Происхождение современной демократии : в 4 т. / М.М. Ковалевский. М. : Товарищество тип. А.И. Мамонтова, 1895. Т. 2. 570 с.
4. Лилльберн Дж. Памфлеты / Дж. Лилльберн. М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. 120 с.
5. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк ; ред. и примеч. И.С. Нарский, А.Л. Субботин ; пер. с англ. А.Н. Савина ; ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. М., 1988. Т. 3. 668 с.
6. Маринович Л.П. Античная и современная демократия: новые подходы к сопоставлению : учеб. пособие / Л.П. Маринович. М. : КДУ, 2007. 212 с.
7. Петрушевский Д.М. Великая Хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в. : с приложением латинского и русского текста Великой хартии и др. док. / Д.М. Петрушевский. 2-е изд. М. : М. и С. Сабашниковы, 1918. 179 с.
8. Тилле А.А. Время, пространство, закон: Действие советского закона во времени и пространстве / А.А. Тилле. М. : Юридическая литература, 1965. 203 с.
9. Томсинов В.А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах / В.А. Томсинов. М. : Зерцало-М, 2010. 256 с.
10. Утевский Б.С. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и вопросы уголовного права / Б.С. Утевский // Вопросы государства и права во Французской буржуазной революции XVIII в. : сб. ст., посвященных 150-летию Французской революции. Вып. 2. М. : Юридическое изд-во, 1940. С. 85–105.
11. Цицерон М.Т. Полное собрание речей в русском переводе : в 2 т. / М.Т. Цицерон ; ред., введ. и примеч. Ф. Зелинского. СПб. : А.Я. Либерман, 1901. 767 с.
12. Цицерон М.Т. Речи : в 2 т. / М.Т. Цицерон ; пер. с лат. изд. В.О. Горенштейн, М.Е. Грабарь-Пассек. Т. 2 : Годы 62–43 до н. э. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 452 с.

13. Popple J. The Right to Protection from Retroactive Criminal Law / J. Popple // Criminal Law Journal. 1989. Vol. 13. No. 4. P. 251–262.
14. Clyde P. The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions: A Translation with Commentary, Glossary, and Bibliography / P. Clyde. New York : Princeton University Press, 1952. 643 p.

References

1. Gellius A. Atticheskie nochi ; per. s lat. ; pod obsch. red. A.Ya. Ty'zhova, A.P. Bekhter ; per. A.G. Grushevoy, O.Yu. Boytsova, A.Ya. Ty'zhov [Attic Nights ; translated from Latin ; under the general editorship of A.Ya. Ty'zhov, A.P. Bekhter ; translated by A.G. Grusheva, O.Yu. Boytsov, A.Ya. Ty'zhov] / A. Gellius. Sankt-Peterburg : Gumanitarnaya akademiya — Saint Petersburg : Academy for the Humanities, 2008. Vol. 2. Book 11–20. 480 s.
2. Demosthenes. Rechi : v 3 t. [Speeches : in 3 vol.] / Demosthenes. Moskva : Pamyatniki ist. my'sli — Moscow : Monuments of the History of Thought, 1994. Vol. 1. 605 s.
3. Kovalevskiy M.M. Proiskhozhdenie sovremennoy demokratii : v 4 t. [Origination of the Modern Democracy : in 4 vol.] / M.M. Kovalevskiy. Moskva : Tovarischestvo tip. A.I. Mamontova — Moscow : A.I. Mamontov's printing partnership, 1895. Vol. 2. 570 s.
4. Lilburne J. Pamflety' [Pamphlets] / J. Lilburne. Moskva : Gos. sotsialno-ekonomicheskoe izd-vo — Moscow : State Socioeconomic Publishing House, 1937. 120 s.
5. Locke J. Sochineniya : v 3 t. ; red. i primech. I.S. Narskiy, A.L. Subbotin ; per. s angl. A.N. Savina ; red. i sost., avt. primech. A.L. Subbotin [Writings : in 3 vol. ; edited and commentaries by I.S. Narskiy, A.L. Subbotin ; translated from English by A.N. Savin ; edited, compiled, commentaries by A.L. Subbotin] / J. Locke. Moskva — Moscow, 1988. Vol. 3. 668 s.
6. Marinovich L.P. Antichnaya i sovremennaya demokratiya: novy'e podkhody' k sopostavleniyu : ucheb. posobie [Ancient and Modern Democracy: New Approaches towards Comparison : textbook] / L.P. Marinovich. Moskva : KDU — Moscow : University Book House, 2007. 212 s.
7. Petrushevskiy D.M. Velikaya Khartiya volnostey i konstitutsionnaya borba v angliyskom obschestve vo vtoroy polovine XIII v. : s prilozheniem latinskogo i russkogo teksta Velikoy khartii i dr. dok. 2-e izd. [Magna Carta and the Constitutional Struggle in the English Society in the Second Half of the XIII Century : accompanied by the Latin and Russian versions of Magna Carta and other documents. 2nd edition] / D.M. Petrushevskiy. Moskva : M. i S. Sabashnikov' — Moscow : M. and S. Sabashnikovs, 1918. 179 s.
8. Tille A.A. Vremya, prostranstvo, zakon: Deystvie sovetskogo zakona vo vremeni i prostranstve [Time, Space, Law: Action of the Soviet Law in Time and Space] / A.A. Tille. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1965. 203 s.
9. Tomsinov V.A. «Slavnaya revolyutsiya» 1688–1689 godov v Anglii i Bill o pravakh [The Glorious Revolution of 1688 to 1689 in England and the Bill of Rights] / V.A. Tomsinov. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2010. 256 s.
10. Utevskiy B.S. Deklaratsiya prav cheloveka i grazhdanina 1789 g. i voprosy' ugolovnoogo prava [The Declaration of the Rights of Man and of the Citizen of 1789 and Criminal Law Issues] / B.S. Utevskiy // Voprosy' gosudarstva i prava vo Frantsuzskoy burzhuaznoy revolyutsii XVIII v. : sb. st., posvyaschenny'kh 150-letiyu Frantsuzskoy revolyutsii. Vy'p. 2 [Issues of State and Law in the French Bourgeois Revolution of the XVIII Century : collection of articles dedicated to the 150th anniversary of the French Revolution. Is. 2]. Moskva : Yuridicheskoe izd-vo — Moscow : Legal Publishing House, 1940. S. 85–105.
11. Cicero M.T. Polnoe sobranie rechey v russkom perevode : v 2 t. ; red., vved. i primech. F. Zelinskogo [Full Collection of Speeches Translated in Russian : in 2 vol. ; edited, foreword and commentaries by F. Zelinskiy] / M.T. Cicero. Sankt-Peterburg : A.Ya. Liberman — Saint Petersburg : A.Ya. Liberman, 1901. 767 s.
12. Cicero M.T. Rechi : v 2 t. ; per. s lat. izd. V.O. Gorenshteyn, M.E. Grabar-Passek. T. 2 : Gody' 62–43 do n. e. [Speeches : in 2 vol. ; translated from a Latin edition by V.O. Gorenshteyn, M.E. Grabar-Passek. Vol. 2 : 62 to 43 B.C.] / M.T. Cicero. Moskva : Izd-vo Akad. nauk SSSR — Moscow : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 452 s.
13. Popple J. The Right to Protection from Retroactive Criminal Law / J. Popple // Criminal Law Journal. 1989. Vol. 13. № 4. S. 251–262.
14. Clyde P. The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions: A Translation with Commentary, Glossary, and Bibliography / P. Clyde. New York : Princeton University Press, 1952. 643 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-3-27-32

Средневековая форма правления, государственно-правовой режим земель средневековой Зеты, Хумма, г. Каствы, г. Будвы и общины Вепринской во второй половине XIV–XV вв.

*Серегин Андрей Викторович,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Южного федерального университета,
кандидат юридических наук, доцент
andrei-seregin@rambler.ru*

В статье впервые в российской историко-юридической науке рассматриваются особенности средневековой формы правления и государственно-правового режима южнославянских земель Зеты, Хумма, городов Каствы и Будвы, а также общины Вепринской. Автор на основе компаративистского исследования доказывает, что в XIV–XV вв. в южнославянских православных княжествах, городах и общинах было развито не только вечевое народоправство, но и жупное самоуправление.

Ключевые слова: форма правления, государственно-правовой режим, славяне, князь, юридическая славистика, самоуправление.

The Medieval Form of Government and the State and Legal Regime of Lands of the Medieval Zeta, Hum, Kastav, Budva and the Veprinsk Municipality in the Second Half of the XIV to the XV Century

*Seregin Andrey V.
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Southern Federal University
Candidate of Legal Sciences
Assistant Professor*

The article for the first time in the Russian historical and legal science examines the features of the medieval form of government and the state-legal regime of the South Slavic lands of Zeta, Humma, the cities of Caste and Budva, as well as the community of Veprinska. The author on the basis of a comparative study proves that in the XIV–XV centuries in the South Slavic Orthodox principalities, cities and communities was developed not only Veche people's rights, but also zhupnoe self-government.

Keywords: form of government, state-legal regime, Slavs, Prince, legal Slavistics, self-government.

Особый интерес в истории права представляют сравнительно-правовые исследования в области юридической славистики, так как благодаря им нашему взору открываются общеславянские юридические обычаи далекого прошлого¹. Вместе с тем ретроспектив-

ные компаративистские приемы весьма полезны и при анализе элементов формы государства средневековых славянских народов, имевших весьма развитые институты княжеской, боярской, вечевой и церковной власти. При этом богословско-правовой аспект в оценке государственно-правового режима XIV–XVI вв. слабо исследованных

¹ Николич Д., Джорджевич А., Серегин А.В. Сравнительный анализ судебных доказательств в средневековых правовых системах славянских народов // Вестник юридического

факультета Южного федерального университета. 2018. Т. 5. № 2. С. 12–19.

в отечественной теоретико-исторической науке южнославянских земель Зеты, Хуммы, г. Каствы и общины Вепринской занимает ведущее место². Именно эти самоуправляющиеся славянские общины Балканского полуострова не только сохранили элементы вечевого народоправства, но и развили новые государственные учреждения, призванные ответить на вызов постплеменной политико-юридической парадигмы развития общества.

В 1367 г. от Сербского королевства отделилось Зетское княжество (будущая Черногория), население которого избрало правителем Большу, родственника сербской монархической фамилии Неманичей по женской линии. Эта династия пресеклась в 1421 г., и власть в стране захватили венецианцы, но в 1423 г. сербский деспот Стефан Лазаревич изгнал иностранцев из горной Зеты, передав ее в удельное управление своему родственнику Юрию Бранковичу. Зечане восстали против сербского ставленника и избрали своим правителем Стефана, прозванного за темный цвет своей кожи Црноевичем или Черноевичем, из рода Юрашичей, имевших политический авторитет при Бальшичах. Новая династия управляла страной до 1516 г., когда Максим Иванович Черноевич в народном собрании передал власть над Черногорией цетинскому епископу Герману, а сам удалился в Венецию к дожу, который являлся его тестем³. С этого момента в Черногории установилась теократическая форма правления, которая способствовала национально освободительной борьбе против турецкого вторжения. Так, черногорцы после антиосманского восста-

ния 1696 г. народным собранием избрали своим правителем митрополита Даниила I Петровича Негоша, соединившего в одних руках власть духовную и светскую.

Приморский город Зеты Будва оставался под властью Венеции на правах самоуправляющейся муниципии с конца XIV в. до 1797 г. В соответствии со Статутом Будвы (XIV в.)⁴ (далее — СБ) князь (венецианский дож — выборный глава Республики Святого Марка) являлся по должности государем будванской общины и пользовался следующими регалиями: правом питания из трех блюд при посещении своих подданных, а также правом на доходы с торговли зерном, солью и поступления от судебных штрафов (глава I СБ). Остальные должностные лица (3-е судей, 8 советников, 2 капитана, 2 адвоката, 2 аудитора, 2 посла, нотариуса и др.) ежегодно 8 мая, в день Святого Марка, избирались советом племечей (вельмож) в составе не менее 30 человек при условии, что за предложенную кандидатуру подавалось большее количество красных шаров (главы LXX, LXXI, LXXII и LXXIII СБ). Кандидаты на государственные должности не должны были иметь долгов (глава LXXI). По существу, в Будве утвердились правила, в соответствии с которыми городские государственные органы избирались представителями аристократических семей из числа благородных фамилий; граждане и иностранцы не могли обращаться в рабство, подвергаться аресту без предъявления обвинения, а также незнание обычаев и законов не освобождало от ответственности (главы I, II, III, LXX, LXXI и LXXII), что являлось отражением принципов аристократического демократизма, гуманизма и формальной законности. Такая

² Серегин А.В. Богословско-правовой аспект классификации государственных режимов древнеславянских государств // История государства и права. 2018. № 6. С. 28–33.

³ Добронравов Н. Общие понятия о славянах. Сербия, Черногория, Босния, Герцеговина // История Сербии и Черногории: Босния и Герцеговина, Македония, Словения, Хорватия. М.: Монолит, 2002. С. 30.

⁴ Средневековни Статут Будве (XIV в.). / с италијанског превео и предговор написао Никола Вучковић ; приредили Мирослав Лукетић, Жика Бујуклић. Будва : ИСТОРИЈСКИ АРХИВ, 1988. С. 15–78.

форма правления является княжеско-боярской.

Под влиянием угрозы османского порабощения в автономных общинах Хумы и Зеты (современная Черногория) развился эгалитарный христианско-православный государственно-правовой режим, сохранивший институты военно-демократического самоуправления, строящегося на авторитете древнего обычая и византийского канонического права с элементами мусульманской юридической традиции. Так, вопреки ст. 69 Закона Стефана Душана, ст. 16 и 29 Закона Жупы Грбаль (1427 г.)⁵ (далее — ЗЖГ) устанавливали права на участие в народной скупщине только тех мужчин, которые не согрешили в прелюбодеянии и в возрасте от 20 до 50 лет посадили не менее 50 деревьев маслин, а также обзавелись оружием. Если общинники в возрасте от 18 до 50 лет не оказывали друг другу помощь от нападения неприятеля, то на основании ст. 9 и 12 ЗЖГ они подвергались аналогу русского потока и разграбления, а именно любой соотечественник мог «*све исто имя изједе и попије*» (все имущество поест и попить), т.е. изъять у калобороцианиста не только все продукты питания в свою пользу, но и любую собственность. Под влиянием ислама в этой общине жизнь мужчины приравнивалась к двум женским жизням (ст. 4 ЗЖГ). В результате рецепции византийского законодательства, по обычаям Грбалья, за избиение отца или матери отрубали руку (ст. 7 ЗЖГ), за прелюбодеяние жены ей полагалось отрезание носа и одного уха (ст. 14 ЗЖГ), за подделку документов священником применялось церковное покаяние, если данное преступление совершалось дяком, то ему отсекали руку (ст. 31 ЗЖГ),

⁵ Закон Жупа Грбаль (1427 г.) // Законски споменици српских држава средњег века / прикупно и уредно Стојан Новаковић ; Фототипско изд. из 1912 год / Уредник и приређиваћ Раде Михаљкић. Београд : Лирика, 2005. (Београд : Curent.) С. 103–116.

за работу в праздничный церковный день у виновного хозяина убивали вола, тушу которого делили на две части: одна шла в пользу князя, а другая на содержание сирот (ст. 34 ЗЖГ), в соответствии с христианским канонами вдова или вдовец не имели право выходить замуж в течение года после смерти своего супруга или супруги (ст. 52 ЗЖГ), дети, женившиеся без родительского благословения, теряли право на наследство, пока не получали прощения от отца и матери (ст. 65 ЗЖГ).

Система княжеско-вечевого правления утвердилась в г. Кастве и Вепринской общине, которые, несмотря на то что попали под власть австрийской короны в XV–XVI вв., сохранили собственное законодательство и внутреннее самоуправление: так, в 1400 г. был принят Закон Каствы⁶ (далее — ЗК), а в 1507 г. — Законы общины Вепринца⁷ (далее — ЗОВ). На основании этих источников права можно сделать вывод о формальной смене славянской княжеской династии на германскую (например, в Вепринце вместо государей Фаваличей стали Габсбурги, представленные своими наместниками — капитанами). Для Каствы и Вепринца назначался единый капитан, который три раза председательствовал в суде, состоящем из общинных судей и старейшин, разрешавших дела в апелляционном порядке. Иного участия в общинном управлении он не принимал. В Вепринце капитан присутствовал раз в три года на «*урочных вечеах*» или приглашался для расследования наиболее тяжких преступлений.

В пользу капитана и государства уплачивался налог. Каства ежегодно платила 100 марок, а также деся-

⁶ Zakonnik grada Kastva od godine 1546 do 1652 // М.Ө. Владимірський-Буданов. Неизданні закони юго-западних Славян // ЖМНП. 1881. Ч. ССХІV. С. 124–135.

⁷ Zakon občine Veprinačke 1507 // М.Ө. Владимірський-Буданов. Неизданні закони юго-западних Славян // ЖМНП. 1881. Ч. ССХІV. С. 135–138.

тину от вина, ягнят, коз и всякого хлеба. Сверх этого капитан пользовался общинными имуществами: домом, юридически принадлежавшим австрийскому герцогу; сенокосом, виноградниками, услугами кметов одного из сел, подчиненных округе Каствы; а также получал денежную часть от судебных штрафов (в рамках древнего княжеского обычая).

Вепринская община на содержание «*господы*», состоящей из жупана, судьи, старшины и капитана⁸, ежегодно уплачивала 21 марку и 6 либр серебра, десятую часть от жита, вина и ягнят. Четвертая часть натуральной десятины передавалась попам, а остальные три части продавались в городе по ценам, определяемым совместно соседями и общинным чиновником. Если кто-либо желал выкупить своих овец, то он вносил в казну по 12 солдов за каждую голову⁹. Бремя содержания капитана во время его плановых приездов на «урочные вечы» лежало на жупане, организующем в честь «князя» обед. При экстренных вызовах капитан содержался за счет преступника, если такового определял суд, или за счет общины при вынесении оправдательного приговора. Общинная охрана капитану не предоставлялась.

Наряду с капитаном (князем) публичная власть в Кастве и Вепринце осуществлялась народом и выборными должностными лицами. В частности, в Кастве вече избирало 12 пожизненных старейшин, двое из которых наделялись судебными и административными полномочиями, при условии, что 10 оставшихся выступали в качестве советников. В целях пресечения возможности передачи старейшинами власти по наследству 14 января 1611 г. был издан закон, пред-

писывающий «*kadi budući mi razumeli jedan kapitul od zakona komu govori, da kadi ki od tih dvanajsteh svetnici premine od ovega sveta, da ima drugi se izabrati jednoga dobra človeca na mesto onoga, koga njim para, a ne da bi imalo poit po ereditade, ni po supplikah*» (Сар. 67 ЗК).

Административные полномочия двух старейшин по управлению народом состояли в наблюдении за правильностью торговых мер и весов, произведению арестов и содержанию под стражей преступников, охранять общинные имущества, лес, пастбища, раздавать равномерно кметам сенокосы. Старейшинам подчинялся сотник (возглавлявший полицейскую власть города) и начальник общинной стражи, который вводил лиц во владение, задерживал преступников и сопровождал их к месту казни, организовывал противопожарный надзор.

Община Каствы делилась на 12 десятков; каждый десяток выставял одного кмета в стражу под начальство сотника (с 1528 г. число стражников увеличили до 20). Сотник участвует в финансовом управлении наряду с 3 *маркарами* (от слова «марка») — сборщиками налогов, которых ежегодно после обедни на «белую неделю» (первые 7 дней после Пасхи) перед церковью Святой Троицы судьи, старейшины и полчане (народ) избирают из среды добрых мужей. При этом прошлогодние *маркары* не прекращают своей деятельности: они совместно с новыми избранными налоговиками проводят раскладку налогов (100 марок в пользу государства). Налогообложению подлежали граждане общины, а также сторонние лица, пользующиеся на основе договора аренды общественными пастбищами и лесами. Налог распределялся соразмерно имуществу и средствам плательщика. За свой труд прошлогодние *маркары* ежедневно получали по 8 солдов. После распределения размеров налогов для их проверки и утверждения собиралась коллегия, состоящая

⁸ Данилова Г.М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (сравнительный анализ франкских, древнерусских, хорватских, сербских и польских источников). Петрозаводск : Карелия, 1974. С. 33.

⁹ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 118.

из плебана (*городской католический священник*), *двух годичных судей и канцлера (секретаря)*. Новые маркары собирали установленный налог и передавали его в «*вальпутию*» (казначейство). С 1585 г. налоговые недоимки стали взыскивать с 2 судей.

Все выборные власти Каствы обязаны были отчитываться перед народным собранием — вечем, представляющим собой совет отцов-господарей (домохозяев), так как дееспособность детей (обоих полов) и слуг ограничивалась властью главы семейства (Срп. 22 ЗК).

В Вепринце исполнительно-распорядительным органом общины являлся *большой коммун*, т.е. совет жупанов и старейшин, именуемых советниками. Ежегодно этот орган в «день Трех Королей (Богоявление — 6 января)» избирал жупана, судца и сотника, приводимых к присяге плебаном (ст. 36 ЗОВ).

Финансовым управлением занималось одно лицо — *žrelog*, избираемое общиной и утверждаемое *малым коммуном* или назначаемое *малым коммуном*, но одобренное общиной (ст. 34 ЗОВ). Малый коммун состоял из совета старейшин, включая жупана, судью и сотника, и из депутатов от народа (*полка*), количество которых неизвестно. В случае смерти советника малый коммун самостоятельно из своего состава выбирал нового советника, при-

чем при отказе занять должность выбранное лицо уплачивало штраф в 1 марку (ст. 37 ЗОВ). *Большой коммун* собирался исключительно в чрезвычайных случаях и для принятия законов.

Полагаем, что значительное использование латинизмов в названии органов власти и должностных лиц свидетельствует о венецианском влиянии на княжеско-вечевое правление в Вепринце.

Таким образом, следует сделать ряд выводов:

1) к XIV–XVI вв. на землях Зеты и Хуммы сформировалась теократическая форма правления во главе с православным (греческим, т.е. ортодоксальным) христианским духовенством;

2) в г. Будве развилась княжеско-боярская монархия, а в общине Вепринце окрепло княжеско-вечевое правление;

3) в автономных общинах (жупах) Зеты и Хуммы (современная Черногория), организованных на началах военной демократии, сложился эгалитарный тип христианского государственно-правового режима;

4) в Будве под покровительством Венеции с XV столетия поддерживался элитарно-эгалитарный христианский (католико-православный) государственно-правовой режим, запрещающий рабство и поддерживающий режим формального равенства с элементами гуманизации права.

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Неизданные законы юго-западных Славян / М.Ф. Владимирский-Буданов // ЖМНП. 1881. Ч. ССХIV. С. 93–138.
2. Данилова Г.М. Проблемы генезиса феодализма у славян и германцев (сравнительный анализ франкских, древнерусских, хорватских, сербских и польских источников) / Г.М. Данилова. Петрозаводск: Карелия, 1974. 231 с.
3. Добронравов Н. Общие понятия о славянах. Сербия, Черногория, Босния, Герцеговина / Н. Добронравов // История Сербии и Черногории: Босния и Герцеговина, Македония, Словения, Хорватия. М.: Монолит, 2002. 492 с.
4. Николич Д. Сравнительный анализ судебных доказательств в средневековых правовых системах славянских народов / Д. Николич, А. Джорджевич, А.В. Серегин // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2018. Т. 5. № 2. С. 12–19.
5. Серегин А.В. Богословско-правовой аспект классификации государственных режимов древнеславянских государств / А.В. Серегин // История государства и права. 2018. № 6. С. 28–33.

References

1. Vladimирский-Budanov M.F. Neizdannyye zakony' yugo-zapadny'kh Slavyan [Non-Published Laws of the Southwest Slavs] / M.F. Vladimирский-Budanov // ZhMNP — Journal of the Ministry of Education. 1881. Part CCXIV. S. 93–138.
2. Danilova G.M. Problemy' genezisa feodalizma u slavyan i germantsev (sravnitelny'y analiz frankskikh, drevnerusskikh, khorvatskikh, serbskikh i polskikh istochnikov) [Issues of Genesis of Slavic and Germanic Feudalism (a Comparative Analysis of Frankish, Croatian, Serbian and Polish Sources)] / G.M. Danilova. Petrozavodsk : Kareliya — Petrozavodsk : Karelia, 1974. 231 s.
3. Dobronravov N. Obschie ponyatiya o slavyanakh. Serbiya, Chernogoriya, Bosniya, Gertsegovina [General Concepts of Slavs. Serbia, Montenegro, Bosnia, Herzegovina] / N. Dobronravov // Istoriya Serbii i Chernogorii: Bosniya i Gertsegovina, Makedoniya, Sloveniya, Khorvatiya [The History of Serbia and Montenegro: Bosnia and Herzegovina, Macedonia, Slovenia, Croatia]. Moskva : Monolit — Moscow : Monolith, 2002. 492 s.
4. Nikolich D. Sravnitelny'y analiz sudebny'kh dokazatelstv v srednevekovy'kh pravovy'kh sistemakh slavyanskikh narodov [A Comparative Analysis of Court Evidence in Medieval Legal Systems of Slavic Peoples] / D. Nikolich, A. Dzhordzhievich, A.V. Seregin // Vestnik yuridicheskogo fakulteta Yuzhnogo federalnogo universiteta — Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2018. Vol. 5. № 2. S. 12–19.
5. Seregin A.V. Bogoslovsko-pravovoy aspekt klassifikatsii gosudarstvenny'kh rezhimov drevneslavyanskikh gosudarstv [The Theological and Legal Aspect of Classification of State Regimes of Ancient Slavic States] / A.V. Seregin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2018. № 6. S. 28–33.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-3-32-37

Право убежища (jus asyli) и печалование патриархов как акты милосердия Древней Церкви

*Ахмедов Руслан Маратович,
начальник кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент
ahmedov@list.ru*

Вопросы понимания актов милосердия в Древней Церкви, проявившихся в виде применения иерархами права убежища и печалования, являются формой выражения человеколюбия в условиях церковно-государственных переворотов, политических смут в средневековом обществе.

Ключевые слова: право убежища, право печалования, Церковь, патриарх, государь.

The Right of Asylum (Jus Asyli) and Intercession by Patriarchs as Acts of Mercy of the Ancient Church

*Akhmedov Ruslan M.
Head of Department of Civil and Labor Law,
Civil Procedure of the Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

Questions of understanding acts of charity in the Ancient Church, manifested in the form of application of the right of asylum and sorrow by hierarchs, are a form of expression of humanity in the conditions of Church-state coups, political turmoil in medieval society.

Keywords: the right asylum, the right sadness, Church, Patriarch, sovereign.

Весьма важное значение для общества периода Средневековья имело вошедшее в обычай и узаконенное за Церковью преемниками императора Константина Великого право церковного убежища, основанное на неприкосновенности священного места, а также право печалования или представительства, защиты, ходатайства перед государями за «несправедливо преследуемых сильными и богатыми людьми или властями — с целью избавить их от гонений, насилия и притеснений, за осужденных и ссыльных — с целью смягчить их участь, за бедных и нуждающихся — с целью оказать им материальную или нравственную помощь и т.п.»¹. Данное право, по утверждению Ю.А. Кулаковского, «было формально узаконено с давних пор»².

Возможность предоставления права убежища возлагалась изначально на священнослужителей как на лиц, являющихся служителями религии истины и духа в виде посредствующего суда, по которому лица, недовольные судом светских начальников или не желавшие судиться у них, обращались за судом к епископу, и суд его считался окончательным, ставился выше приговора других судей³.

Священное право предоставления убежища, или, иначе говоря, «просительства» (гикессии в Древней Греции), изначально было известно эллинскому обществу. Так, если враг с масличной веткой в руке припадал к алтарю бога Зевса-Гикесий либо проситель касался умоляющей

рукой руки или колена или подбородка какого-нибудь человека, то ему именем Зевса обеспечивалось покровительство⁴. Данное право позволяло лицу, обратившемуся за помощью, избежать угрожавшего ему физического насилия от преследователя, смягчить вину как раскаявшегося в содеянном, а иногда и избежать наказания в результате несвоевременно уплаченного долга.

Право на печалование патриарха перед государем, в свою очередь, вытекало из того, что «византийские василевсы считали одной из главнейших своих обязанностей делать добро своим подданным и при каждом удобном случае считали долгом оказывать народу те или иные милости»⁵. Особенно актуальным оно считалось тогда, когда благодаря политическому перевороту во главе государства становился государь, не имевший по какой-либо причине расположение к своему предшественнику. Соответственно, гнев вновь утвержденного василевса, как правило, был сориентирован на родственников, сподвижников предшественника, которых подвергал наказанию и изгнанию. В данной ситуации право на убежище гонимых представителей правящей элиты тесно переплеталось с правом на печалование патриарха перед государем в отношении гонимых.

Следовательно, право церковного убежища и право печалования патриарха перед государем реализовывалось наиболее активно во время политических волнений, дворцовых смут, народных движений, когда одна из сторон участников оказывалась в беспомощном состоянии и обреченной на гибель. Поэтому все те, кто прибегал за помощью к Церкви по вышеуказанным правам, находили в религиозных учреждениях согласно древнеримским обычаям *asylum* (неприкосновенность), что в последующем нашло свое отображение в постановлениях церковных соборов.

¹ Соколов И.И. Византологическая традиция в Санкт-Петербургской Духовной академии. Печалование патриархов перед василевсами в Византии IX–XV вв. Патриарший суд над убийцами в Византии в X–XV вв. О поводах к разводу в Византии IX–XV вв. / послесл. А.В. Маркидонова. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. С. 30.

² Кулаковский Ю.А. История Византии: в 3 т. Т. 1: 395–518 годы. СПб.: Алетей, 2018. С. 178.

³ Курганов Ф.А. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления этих взаимоотношений (325–565 гг.); вступ. ст. Г.Е. Лебедевой. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2015. С. 40.

⁴ Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия. Минск: Экономпресс, 2003. С. 94–95.

⁵ Соколов И.И. Указ. соч. С. 31–32.

По субъектному составу право убежища предоставлялось: рабам, угнетаемым своими господами; свободным гражданам, притесняемым и насилуемым жестокими правителями; должникам общественным и частным; всем безвинно оскорбляемым и угнетаемым и даже некоторым категориям преступников⁶. Пользовались данным правом и государственные деятели, попавшие в опалу у государя. Наиболее ярким примером обращения за церковным убежищем одного из крупных государственных деятелей Римской империи эпохи Юстиниана является Иоанн Каппадокийский, который, будучи уличенным в заговоре с целью государственного переворота, «уехал в Кизик, где вступил в церковный орден и вступил в сан, чтобы избежать преследования»⁷.

Право на печалование⁸ в отношении лиц, о которых надлежало просить царя, патриарх Иоанн XI Век разделил на два разряда: «...к первому из них он отнес тех, которые нуждались в милости для благополучной жизни, а ко второму — тех, которые были переданы суду и просили об избавлении от строгого по закону наказания за преступления»⁹. Исходя из категорий обратившихся патриарх выбирал способы ходатайств в виде прошений перед государем.

Однако первоначальное формально предоставленное право убежища так же, как и право печалования патриарха перед василевсом, привело к тому, что в обществе проявились тенденции к злоупотреблению предоставленным правом. В свою очередь, Церковь, заинтересован-

ная в расширении численности состава клира, способствовала укоренению и активному использованию угнетаемыми и обижаемыми рассматриваемых прав в случае возникновения как таковой потребности у обратившегося в обмен на религиозную покорность.

Религиозная покорность на обвиняемого возлагалась в зависимости от степени его вины в содеянном. Как правило, на убийц (в том числе и на убийц священников) возлагалась церковная епитимия (лишение церковного причастия в течение 20 лет), изгнание из мест, где совершено преступление, лишение (при наличии) священного сана, и, наконец, они на всю жизнь заключались в монастырь, если убийство совершено умышленно. Особый научно-исследовательский интерес для изучающих древности представляет в данном вопросе ситуация, сложившаяся с патриаршим судом над византийским императором Михаилом VIII Палеологом (1259–1282 гг.)¹⁰.

Государство, изначально не обратившее свое внимание на усиленный спрос в обществе реализации права убежища и права печалования¹¹, по сути, способствовало созданию условий для сокрытия преступлений и последующего амнистирования лиц, совершивших в том числе и тяжелые уголовные преступления путем применения церковной юрисдикции. В этой связи в дальнейшем в обществе остро стоял постепенно нараставший вопрос о необходимости законодательного гражданского установления

⁶ Курганов Ф.А. Указ. соч. С. 62.

⁷ Бейкер Дж. Юстиниан. Великий законодатель / пер. с англ. А.Н. Анваера. М.: Центрполиграф, 2004. С. 268.

⁸ Официально в средневековом обществе юридически регламентировано право на церковное убежище в Эклоге (740 г.), Прохироне (876 г.), Эпаногге (ок. 885 г.) Василиска императора Льва VI Мудрого (886–911 гг.); право на печалование было в Эпаногге (X в.), Синописе Малом (XIII в.), Ситагме Матфея Властаря (XIV в.).

⁹ Соколов И.И. Указ. соч. С. 45.

¹⁰ Величко А.М. История Византийских императоров : в 6 т. Т. 6 : От Феодора I Ласкариса до Константина XI Палеолога. М.: Вече, 2018. С. 108–175.

¹¹ Активно и ревностно реализовывали право печалования патриархи: Мефодий (843–847 гг.); Игнатий (847–857 и 867–878 гг.); Фотий (857–867 и 878–886 гг.); Антоний II Кавлей (893–901 гг.); Николай Мистик (901–907 и 911–925 гг.); Иоанн VIII Ксифилин (1064–1075 гг.); Мануил (1215–1222 гг.); Герман III (1267 г.); Иосиф (1268–1275 гг.); Иоанн XI Век (1275–1282 гг.); Иоанн XII Созопольский (1294–1303 гг.); Афанасий (1289–1293 и 1304–1310 гг.).

предоставленных прав, их ограничения по реализации, в том числе по отношению к субъектному составу.

Впервые ограничительный закон об убежищах в храмах в 392 г. издал император Феодосий I. Поводом к его изданию послужил формальный расчет об экономических потерях государства от неплательщиков по долговым обязательствам. По выражению Ф.А. Курганова, Феодосий постановил, чтобы «общественные должники, убегающие от долгов в церкви, были немедленно извлекаемы отсюда; в случае нарушения этого закона, государственные подати должны быть взыскиваемы с самих епископов или клириков»¹². К числу лиц, исключавшихся из права пользования церковным убежищем, стали относиться убийцы, прелюбодеи, растлители дев.

Последующая кровавая драма с вооруженными рабами, занявшими алтарь в одной из церквей Константинополя в период правления Феодосия II, способствовала развитию законодательной инициативы светской власти в данном вопросе. Император Феодосий II в эдикте 409 г. отменил прежние ограничения относительно *jus asyli*, при этом расширив пределы убежищного права (внутреннюю и частично прилежащую внешнюю к религиозному учреждению) по принципу территориальности. По данному закону местом убежища признавался теперь не только алтарь храма, но также и все строения, заключенные внутри церковной ограды: двор, дома, сады, бани, келий.

При этом церковное убежище предоставлялось при некоторых исключениях: ищущие убежища должны при входе в церковный двор сложить с себя всякое оружие; за неисполнение этого последнего узаконения было велено извлекать их отсюда силой с ведома епископа или императора, а затем передавать в руки судьи или преследователя. Если же безоружный будет насильно передан из церковного двора в руки преследователя, то

нарушитель закона будет наказан смертью¹³.

Через определенное время, дабы исключить злоупотребления в правоприменении вышеуказанного закона, Феодосий II издал дополнение к данному закону. Согласно дополнению, епископы и клирики были обязаны немедленно оповестить господ о беглых, прибывших под защиту Церкви, а затем содействовать их примирению: чтобы господин простил своему рабу все долги и его грехи, а раб снова шел бы в услужение своему господину¹⁴. Смысл ограничения сводился к тому, чтобы при предоставлении права убежища «не разрушать общественный порядок или потворствовать злодеям»¹⁵.

В таком же роде регламентировал *jus asyli* и император Лев I в своем законе 466 г. Новые законодательные инициативы светской власти в реализации данного права были осуществлены императором Юстинианом I (527–565 гг.). Юстиниан, сохраняя старинное право Церкви давать убежище лицам, жизни которых угрожает опасность¹⁶, вновь вводит ограничительные меры по реализации убежищного права: были лишены данного права должники перед государством, частными лицами. Причем епископы и клирики, оказывавшие им свое покровительство без достаточного основания, обязывались возместить пострадавшей стороне по долгам из собственных средств, но не из доходов Церкви. Кроме того, предоставление церковного убежища должно было быть согласованным с гражданскими властями. Особо было оговорено исключение из данного права следующим лицам: «...убийцам, прелюбодеям и похитителям дев... их должно извлекать (из мест убежища) и предавать наказанию; ведь необходимо щадить не тех, которые совершили подобные преступления, но пострадав-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 64.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Величко А.М. Указ. соч. С. 70.

¹² Курганов Ф.А. Указ. соч. С. 63.

ших, чтобы последние не переносили таких (несчастий) от более дерзких людей, иначе сказать — законом предоставлена безопасность в храмах не преступникам, но обижаемым, и невозможно допустить, чтобы тот и другой, т.е. виновный в преступлении и пострадавший, в равной мере пользовались безопасностью в местах убежища»¹⁷.

Памятник византийского права — Василий, изданный императором Львом VI Мудрым (886–911 гг.), определил процедурный порядок реализации *jus asylum*: если беглец, воспользовавшийся убежищем в храме, не пожелает публично выступить с ответом по поводу своей вины и при этом остается внутри религиозного учреждения, то данное право делегировалось священнослужителям (эконому или экдику храма), которые представляли его интересы. Данный процедурный порядок возникал и в случае возбуждения гражданского иска по отношению к воспользовавшемуся правом церковного убежища. В то же время эконом или экдик обязаны были представлять в распоряжение суда то имущество, которое ответчик приносил с собой в ограду церкви.

В 1079 г. Никифор Вотаниат впервые особым постановлением юридически регламентировал процедурные аспекты реализации права печалования. В частности, было установлено, чтобы Вселенский патриарх три раза в году, т.е. через каждые четыре месяца, напоминал и общал царю «о ссыльных и заключенных, дабы царь делал соответствующие о них распоряжения, — или освобождал их от изгнания, или вновь оставлял в заключении»¹⁸.

Император Михаил Палеолог пошел дальше. Во избежание затруднений в сношениях с патриархом Иоанном Векком, который активно использовал свое право печалования, государь установил для реализации данного права один день в неделю, так как патриарх периодически

ставил в затруднительное положение императора при реализации в «уместных и неуместных» ситуациях свое право на печалование. Таким днем был избран вторник. В помощь иерарху и государю был назначен особый грамматик (секретарь), в обязанности которого вменялось готовить прошения патриарха к царю¹⁹.

По сути, экономический расчет реальных убытков от существовавшего со времен Константина права предоставления убежища в Церквях и права печалования привел руководителей верховной светской власти византийской империи к мнению о необходимости упорядоченности существующих общественных отношений в данном вопросе, и в первую очередь в ее окончательно четкой правовой регламентации, что и послужило принятию соответствующих законодательных актов, в том числе ограничивающих право некоторых лиц на реализацию указанных прав.

Последующее расширение объема полномочий патриарха в период так называемого византийского папизма способствовало формированию специального штата лиц при патриархе для исполнения различных обязанностей, связанных с правом печалования. В штате патриарха выделяется особый архонт, заведовавший «прошениями, которые подавались на имя патриарха разными лицами, искавшими у него покровительства, защиты и помощи в затруднительных положениях»²⁰. Данный архонт узнавал имена ходатаев, расследовал и устанавливал при наличии вину обратившегося лица, затем представлял прошения патриарху, причем классифицировал их по содержанию. В том случае, когда дело решалось властью патриарха или зависело от него лично, архонт оповещал просителей о результатах их ходатайства перед патриархом. Если же просьба рассматривалась по праву печалования перед государем, то архонт вместе с чиновником патриарха (патриарший ре-

¹⁷ Соколов И.И. Указ. соч. С. 64.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 50–51.

²⁰ Там же. С. 61.

ферендарий) прибывал в царский дворец и от имени патриарха подавал государю прошение от ходатаев. Если же этого было недостаточно, то по данному вопросу патриарх непосредственно с личным докладом прибывал к государю для реализации права печалования.

Таким образом, право убежища и печалования перед государями в средневековую эпоху имело жизненно-прак-

тическое значение для христианского общества, которое позволяло ходатайствовать патриархам об освобождении осужденных, являлось действенным инструментом внедрения в общественную среду начал византийской церковной справедливости, милосердия и человеколюбия, в то время как римская церковь усваивала принципы реализации инквизиции.

Литература

1. Бейкер Дж. Юстиниан. Великий законодатель / Дж. Бейкер ; пер. с англ. А.Н. Анваера. М. : Центрполиграф, 2004. 394 с.
2. Величко А.М. История Византийских императоров : в 6 т. / А.М. Величко. Т. 6 : От Феодора I Ласкариса до Константина XI Палеолога. М. : Вече, 2018. 558 с.
3. Величко А.М. История Византийских императоров : в 6 т. / А.М. Величко. Т. 2 : От Юстина I до Феодосия III. М. : Вече, 2017. 478 с.
4. Зелинский Ф.Ф. Эллинская религия / Ф.Ф. Зелинский. Минск : Экономпресс, 2003. 330 с.
5. Кулаковский Ю.А. История Византии : в 3 т. / Ю.А. Кулаковский. Т. 1 : 395-518 годы. СПб. : Алетейя, 2018. 492 с.
6. Курганов Ф.А. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи в эпоху образования и окончательного установления этих взаимоотношений (325–565 гг.) / Ф.А. Курганов ; вступ. ст. Г.Е. Лебедевой. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2015. 591 с.
7. Соколов И.И. Византологическая традиция в Санкт-Петербургской Духовной академии. Печалование патриархов перед василевсами в Византии IX–XV вв. Патриарший суд над убийцами в Византии в X–XV вв. О поводах к разводу в Византии IX–XV вв. / И.И. Соколов ; послесл. А.В. Маркидонова. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. 320 с.

References

1. Baker G. Yustinian. Velikiy zakonodatel ; per. s angl. A.N. Anvaera [Justinian: The Last Roman Emperor ; translated from English by A.N. Anvaer] / G. Baker. Moskva : Tsentrpoligraf — Moscow : Centerpolygraph, 2004. 394 s.
2. Velichko A.M. Istoriya Vizantiyskikh imperatorov : v 6 t. T. 6 : Ot Feodora I Laskarisa do Konstantina XI Paleologa [The History of Byzantine Emperors : in 6 vol. Vol. 6 : From Theodore I Laskaris to Constantine XI Palaiologos] / A.M. Velichko. Moskva : Veche — Moscow : Veche, 2018. 558 s.
3. Velichko A.M. Istoriya Vizantiyskikh imperatorov : v 6 t. T. 2 : Ot Yustina I do Feodosiya III [The History of Byzantine Emperors : in 6 vol. Vol. 2 : From Justin I to Theodosius III] / A.M. Velichko. Moskva : Veche — Moscow : Veche, 2017. 478 s.
4. Zelinskiy F.F. Ellinskaya religiya [Hellenic Religion] / F.F. Zelinskiy. Minsk : Ekonompress — Minsk : Economic Press, 2003. 330 s.
5. Kulakovskiy Yu.A. Istoriya Vizantii : v 3 t. T. 1 : 395–518 gody' [The History of Byzantium : in 3 vol. Vol. 1 : 395 to 518] / Yu.A. Kulakovskiy. Sankt-Peterburg : Aleteyya — Saint Petersburg : Aletheia, 2018. 492 s.
6. Kurganov F.A. Otnosheniya mezhdru tserkovnoy i grazhdanskooy vlastyu v Vizantiyskoy imperii v epokhu obrazovaniya i okonchatelnogo ustanovleniya etikh vzaimootnosheniy (325–565 gg.) ; vstup. st. G.E. Lebedevoy [Relationships between Church and Civil Government in the Byzantine Empire in the Period of Origination and Final Establishment of Such Relationships (325 to 565) ; foreword by G.E. Lebedeva] / F.A. Kurganov. Sankt-Peterburg : Izd-vo Olega Aby'shko — Saint Petersburg : Oleg Abyshko's publishing house, 2015. 591 s.
7. Sokolov I.I. Vizantologicheskaya traditsiya v Sankt-Peterburgskoy Dukhovnoy akademii. Pechalovanie patriarkhov pered vasilevsami v Vizantii IX–XV vv. Patriarshiy sud nad ubiytsami v Vizantii v X–XV vv. O povodakh k razvodu v Vizantii IX–XV vv. ; poslesl. A.V. Markidonova [The Byzantological Tradition in the Saint Petersburg Ecclesiastical Academy. Intercession before Basileuses by Patriarchs in Byzantium in the IX to the XV Century. The Patriarchal Trial of Murderers in Byzantium in the X to the XV Century. On the Grounds for Divorce in Byzantium in the IX to the XV Century ; afterword by A.V. Markidonov] / I.I. Sokolov. Sankt-Peterburg : Izd-vo Olega Aby'shko — Saint Petersburg : Oleg Abyshko's publishing house, 2005. 320 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-3-38-43

Соглашение от 20 марта 1919 г. об образовании Башкирской АССР как позитивное основание организации государственной власти в СССР

*Сафонов Владимир Евгеньевич,
заведующий кафедрой истории права и государства
Российского государственного университета правосудия,
заслуженный юрист Российской Федерации,
академик Российской академии естественных наук (РАЕН),
доктор юридических наук, профессор
kaf_istorii08@mail.ru*

Статья посвящена Соглашению об образовании Башкирской АССР от 20 марта 1919 г. между центральными органами РСФСР и Башкирским правительством. Соглашение 1919 г., Конституция РСФСР 1918 г. заставляют по новому осмыслить историко-правовой путь становления республики, найти ответы на многие теоретические и практические вопросы государственного строительства Республики Башкортостан, равно как и России в целом.

Ключевые слова: Конституция РСФСР 1918 г., Башкирская АССР, Соглашение от 20 марта 1919 г., федерализм, федерация, автономия.

The Agreement on Formation of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic of March 20, 1919, as a Positive Basis for Arrangement of Government in the USSR

*Safonov Vladimir E.
Head of the Department of History of Law and State of the Russian State University of Justice
Honored Lawyer of the Russian Federation
Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)
Doctor of Law, Professor*

The article is devoted to the agreement on the formation of The Bashkir ASSR of March 20, 1919 between the Central bodies of the RSFSR and the Bashkir government. The agreement of 1919, the Constitution of the RSFSR of 1918 force to comprehend a new historical and legal way of formation of the Republic, to find answers to many theoretical and practical questions of state construction of the Republic of Bashkortostan, as well as Russia as a whole.

Keywords: Constitution of the RSFSR 1918, Bashkir ASSR, Agreement of March 20, 1919, federalism, Federation, autonomy.

Соглашение между центральными органами РСФСР и башкирским правительством положило начало новому этапу федерализации России. И хотя этот этап растянулся на многие десятилетия и был порою тернист и труден, это был единственный и правильный путь, по которому пошли центральные органы в своих взаимоотношениях с Башкирией.

С развитием демократического и революционного направления в России во

второй четверти XIX в. и в первом пятилетии XX в. принцип национально-государственного строительства федерации в России начинает выходить на первое место. Какова юридическая природа федеративного государства, какое место отводится в нем федерализму, должна ли она строиться по национальному или территориальному признаку, что такое федерация и автономия и т.д., все эти и другие вопросы, связанные с государ-

ственным устройством России, становятся предметом исследований историков, юристов, известных ученых и политических деятелей России.

Изучая взгляды ученых по проблемам государственности России, нетрудно обратить внимание на то, что большая часть их работ была подготовлена и издана в предреволюционные годы. Так, российский ученый Б.Н. Чичерин, говоря о государственном строительстве в России, указывает, что каждой народности необходимо предоставить право располагать своей судьбой по собственному изволению¹. Интересен взгляд на федерацию В.М. Гессена. «Федерация, — говорил он, — есть такое государственное устройство, когда каждая составная часть союзного целого обладает, хотя и ограниченной в своей компетенции, но независимой государственной властью. Это значит, что отдельные местности, обладающие собственными законодательными, административными и судебными органами, осуществляют государственную власть в пределах, установленных основным законом, вполне самостоятельно, т.е. без какого-либо участия центральных»². Революция 1917 г. поставила перед Россией новые проблемы по государственному устройству с широким спектром идей и теорий по проблемам федерализма, сепаратизма, автономии и т.д. Задачи осложнились еще и тем, что Октябрьская революция усилила национальные движения. В этот период истории создание автономий предполагалось провести путем договоров и соглашений с национальными движениями.

Таковы были примерные взгляды ученых-государствоведов дооктябрьского периода на эти проблемы. Заметные сдвиги наблюдались и в практической жизни государства. Уместно напомнить, что до 1917 г. государственная структура Россий-

ской империи была достаточно сложной и состояла из 74 губерний, 20 областей, двух округов, восьми генерал-губернаторств и девяти градоначальств³. Причем унитаризм предреволюционной России не исключил элементов политической автономии отдельных регионов. Так, Финляндия — великое княжество, вошедшее в состав России в 1809 г., — имела свой законодательный сейм, гражданство, аппарат управления, таможду, полицию, суд⁴.

Однако наиболее распространенными были идеи национально-территориальной автономии. Даже в той же Финляндии, где были сильно развиты тенденции к сепарации, наличествовали и автономические взгляды. В Прибалтике в 1906 г. эстонская буржуазия готовилась вынести на обсуждение Государственной Думы проект автономии Эстонии. Требование автономии выдвигалось также и в Литве. Неоднократно подобный вопрос ставился и в Туркестане, а также в Казахстане. В Бурятии идеи автономии высказывались уже в период революции 1905–1907 гг. Лозунг автономии проповедуется и в Латвии, притом в различных кругах. Временный земской совет Латвии 2 августа 1917 г. в специальном постановлении отметил, что она должна быть полностью автономной составной частью Российской Республики. В апреле этого же года за это высказался 1 съезд безземельных Латвии. Националистическое Карельское общество, созданное в апреле 1917 г., подготовило проект Конституции Карелии, основанный на идее широкой автономии края в рамках России. Идеи автономии получили развитие и на Украине, где провозглашалось право украинского народа на самоопределение⁵. Аналогичное движение

¹ Чичерин Б.Н. *Философия права*. М., 1900. С. 335.

² Гессен В.М. *Автономия, федерация и национальный вопрос*. СПб., 1906. С. 29.

³ Сенцов А.А. Национально-государственное устройство России накануне октября 1917 г. // *Советское государство и право*. 1990. № 11. С. 120.

⁴ Остен-Сахен В. *Государственно-правовое положение Великого Княжества Финляндского в Российском государстве*. СПб., 1910. С. 220.

⁵ Чистяков О.И. *Историческая обусловленность формы и государственного единства*

коснулось и Башкирии. Так, на всероссийском мусульманском съезде в Москве (май 1917 г.) башкирская делегация подняла «вопрос о самоопределении башкир в форме национально-территориальной автономии». Последовавшие затем башкирские съезды (первый башкирский съезд состоялся 20–27.07.1917 в Оренбурге, второй — 25–29.08.1917 в Уфе, третий — 8–20.12.1917 в Оренбурге) высказались, с одной стороны, за федеративное устройство, против лозунга сохранения «единой и неделимой России», а с другой стороны, против попыток татарской буржуазии установить гегемонию над мусульманскими народностями. В постановлении об управлении государством, принятом первым башкирским съездом, говорилось: «...системой управления, широко обеспечивающей интересы и права российских мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориальных началах»⁶.

Съезд избрал Башкирское областное шуру, которое 15 ноября 1917 г. провозгласило автономию Башкирии. В газете «Правда» от 22 ноября 1917 г. сообщалось: «Башкирский областной совет при поддержке оренбургского мусульманского гарнизона объявил башкирскую территорию Оренбургской, Уфимской, Пермской, Самарской губерний автономной частью Российской Республики и приступил к осуществлению автономий в пределах территории Оренбургской губернии».

Особенно существенные изменения в устройстве Российского государства начали происходить после Февральской революции. В порядке децентрализации управления Временное правительство учредило административные автономии, назначенные правительством комитеты, при которых создавались совещания

после Октябрьской революции // Вестник Московского университета. Сер. II: Право. 1993. № 3. С. 89.

⁶ Самигуллин В.К. Конституция Башкортостана. История и современность. Уфа, 1995. С. 89.

представителей общественных организаций. Комитетам передавались функции и полномочия прежних генерал-губернаторов.

Административная автономия была учреждена и на Украине в составе Киевской, Полтавской, Черниговской, Волынской, Подольской губерний. Формирование национально-культурных и национально-территориальных автономий наблюдалось и в восточных регионах России: это Бурятия, Алтай, Якутия, Енисейская губерния⁷.

В том же 1917 г. в ряде областей и губерний России стали создаваться местные правительства, стремившиеся выйти из-под контроля центрального. В сентябре правительства Дона, Кубани, Терека, Астрахани и ЦК горцев Северного Кавказа выработали договор о создании федерации с общим правительством.

При исследовании теоретических и практических проблем федерализма, его соотношении с федерацией и автономией нельзя, на наш взгляд, обойти вниманием вопрос: почему именно к началу XX в. активизировалась правовая мысль в этом направлении, а самое главное — почему вдруг резко наметилось размежевание Российской империи по национальному признаку? Получить ответ на этот вопрос тем более важно, что в дальнейшем он поможет нам уяснить, какое же федеративное устройство нужно сегодня России. Бытуют различные взгляды на данную проблематику, но мы согласны с той точкой зрения, что, только учитывая во взаимосвязи национальный и социально-политический факторы, можно объективно ответить на этот вопрос. Так, по мнению профессора О.И. Чистякова, для этнической карты Российской империи начала XX в. была характерна не только пестрота, но и размытость национальных границ. Однако форма государственного единства Российской империи не соответствовала ее национальному составу, и закономерно

⁷ Там же.

то, что государство с автономными образованиями явилось бы естественной для России формой государства иного единства, проверенной на практике⁸.

Обзор по данному вопросу был бы неполным и недостаточным без упоминания взглядов теоретиков марксизма и вождей большевизма именно той партии, которая в послеоктябрьский период пришла к власти и на практике реализовала свои идеи и положения. Тем более, многие из этих положений легли в основу строительства федерации в РСФСР, а затем и СССР.

Большевики во главе с Лениным вначале были против федерации. «Мы в принципе против федерации, — писал Ленин, — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства»⁹.

Что касается вопросов автономии, то в программе, принятой на II съезде партии, говорилось об областном самоуправлении дня местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения¹⁰. В резолюции Поронинского совещания 1913 г. уже более детально излагаются требования областной автономии. Предполагалось, что определение границ автономных образований будет проводиться самим населением с учетом хозяйственных и бытовых условий. Национальный состав ставился в один ряд с этими условиями.

В дальнейшем у большевиков вырабатывается своя теоретическая база с учетом построения государства рабочих и крестьян. Выступая уже на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, Ленин сформулировал идею о том, что Россия должна быть союзом свободных республик¹¹. С автономией В.И. Ленин связывал возможность фе-

деративных связей, считая их признаком демократического государства¹². Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что В.И. Ленин понимал автономию и федерацию как возможность избавиться от мелочного вмешательства центра, но при сохранении обязанности этому центру подчиняться¹³.

Процесс возникновения и развития республик на территории РСФСР продолжался и в годы Гражданской войны. Так, Башкирская автономная республика возникла путем Соглашения между Центральной Советской властью и Башкирским правительством от 20 марта 1919 г. В 1920 г. были созданы Татарская и Киргизская автономные республики, но уже не путем Соглашения. Декретами ВЦИК от 20 января 1921 г. были образованы Дагестанская и Горская АССР, а в апреле 1922 г. произошло образование Якутской Автономной Республики. И если возникновение первых республик в 1918–1920 гг. было результатом в большей степени непосредственного волеизъявления и творчества их населения с использованием различных форм, в том числе и договорных, то позднее эти процессы в области национально-государственного строительства не только берутся под контроль центральными органами КПСС и Советского государства, но в некоторых случаях иницируются ими, причем вся такого рода деятельность корректируется и направляется на достижения определенных политических результатов, которые способствовали бы укреплению советской власти и созданию федеративного централизованного государства.

20 марта 1919 г. Соглашение, одобренное Советом Народных Комиссаров, было утверждено Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. Окончательный текст Соглашения был опубликован в газете «Известия ВЦИК». Этот день стал считаться Днем образования Башкирской АССР¹⁴.

⁸ Чистяков О.И. Указ. соч. С. 3.

⁹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Политиздат, 1964. Т. 48. С. 234.

¹⁰ Второй съезд РСДРП, июль — август 1903 г. Протоколы. М., 1959. С. 421.

¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. С. 388–389.

¹² Ленин В.И. Указ. соч. Т. 32. С. 286.

¹³ Там же. Т. 24. С. 118–150.

¹⁴ Известия ВЦИК. 1919. 18 марта.

Что же представляло собой подписанное Соглашение?

Полное его название звучало так — «Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским правительством о советской автономии Башкирии» и состояло из 16 параграфов. Параграф 1 констатировал, что «автономная Башкирская Советская Республика образуется в пределах Малой Башкирии и составляет федеративную часть, входящую в состав РСФСР». Как показывает данный пункт, речь здесь шла не о суверенном субъекте, а фиксировалось лишь то, что Башкирская автономия — это федеративная часть РСФСР¹⁵.

Российское телеграфное агентство (РОСТА), комментируя это соглашение, сообщало, что «автономная Башкирская республика образуется в пределах Малой Башкирии и представляет федеративную часть РСФСР»¹⁶.

Следствием реализации соглашения стало объединение большей части башкир страны, а также включение в территорию республики таких городов, как Уфа, Бирск, Белебей, Стерлитамак, ряд промышленных районов создал необходимые условия для успеха в политическом, экономическом и культурном развитии башкирского и других народов Башкирской АССР. Ее территория составила почти 137 000 кв. верст (155 000 кв. км), а численность населения достигла 3022 000 человек¹⁷.

Подведем некоторые итоги.

¹⁵ Образование Башкирской АССР. АССР : сб. док. и мат-лов. Док. № 100. Уфа : Башкирское книжное издательство, 1959. С. 196–197.

¹⁶ Там же. С. 197.

¹⁷ ЦГА Республики Башкортостан. Ф. 394. Оп. 1. Д. 330. Л. 108.

Соглашение от 20 марта 1919 г. озаменовало собой не только факт образования Башкирской автономной республики, но и явилось новым началом федерализации России.

Впервые после образования РСФСР Центр не сверху, а вместе с ее с оставшейся частью попытался разделить власть и определить правила взаимодействия. Внедрение в практику федеративного устройства России на основе Соглашения разграничения властных полномочий между Центром и ее субъектом, установление форм их реализации через совместное законотворчество, издание постановлений и декретов высших органов власти — все это было порождено Соглашением и свидетельствовало о многовариантности развития федерации.

Важность и ценность Соглашения заключались также в том, что Башкирская республика, как субъект федерации, стремилась к взаимодействию и согласию с Центром на основе сотрудничества и солидарности.

Соглашение носило, прежде всего, политический характер, а его правовое содержание допускало различное толкование. Нельзя было забывать о том, что политический компромисс не может быть автоматически перенесен в область права, а требует тщательного юридического оформления. К сожалению, не все в и этом отношении было сделано.

Тем не менее соглашение имело большое не только внутреннее, но и международное значение, в первую очередь для народов Востока, так как решение башкирского вопроса послужило для них образцом политики Центральной Советской власти в отношении мусульман внутри России.

Литература

1. Второй съезд РСДРП, июль — август 1903 г. Протоколы. М., 1959. 851 с.
2. Гессен В.М. Автономия, федерация и национальный вопрос / В.М. Гессен. СПб., 1906. 48 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. 573 с.
4. Остен-Сахен В. Государственно-правовое положение Великого Княжества Финляндского в Российском государстве / В. Остен-Сахен. СПб., 1910. 220 с.

5. Самигуллин В.К. Конституция Башкортостана. История и современность / В.К. Самигуллин. Уфа, 1995. 157 с.
6. Сенцов А.А. Национально-государственное устройство России накануне октября 1917 г. / А.А. Сенцов // Советское государство и право. 1990. № 11. С. 118–125.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. М. : Политиздат, 1961. Т. 24. 597 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. М. : Политиздат, 1962. Т. 32. 605 с.
9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. М. : Политиздат, 1964. Т. 48. 543 с.
10. Чистяков О.И. Историческая обусловленность формы и государственного единства после Октябрьской революции / О.И. Чистяков // Вестник Московского Университета. Сер. II: Право. 1993. № 3. С. 3–14.
11. Чичерин Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин. М., 1900. 344 с.

References

1. Vtoroy syezd RSDRP, iyul — avgust 1903 g. Protokoly' [The Second Congress of the Russian Social Democratic Labour Party, July to August 1903. Minutes]. Moskva — Moscow, 1959. 851 s.
2. Gessen V.M. Avtonomiya, federatsiya i natsionalny'y vopros [Autonomy, Federation and the National Issue] / V.M. Gessen. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1906. 48 s.
3. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh syezdov, konferentsiy i plenumov TsK [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee]. Moskva — Moscow, 1970. 573 s.
4. Osten-Sakhen V. Gosudarstvenno-pravovoe polozhenie Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo v Rossiyskom gosudarstve [The State and Legal Position of the Grand Duchy of Finland in the Russian State] / V. Osten-Sakhen. Sankt-Peterburg — Saint Petersburg, 1910. 220 s.
5. Samigullin V.K. Konstitutsiya Bashkortostana. Istoriya i sovremennost [The Constitution of Bashkortostan. The History and Modern Times] / V.K. Samigullin. Ufa — Ufa, 1995. 157 s.
6. Sentsov A.A. Natsionalno-gosudarstvennoe ustroystvo Rossii nakanune oktyabrya 1917 g. [The National and State Structure of Russia on the Verge of October 1917] / A.A. Sentsov // Sovetskoe gosudarstvo i pravo — Soviet State and Law. 1990. № 11. S. 118–125.
7. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy : v 55 t. [Full Collection of Works : in 55 vol.] / V.I. Lenin. Moskva : Politizdat — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1961. Vol. 24. 597 s.
8. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy : v 55 t. [Full Collection of Works : in 55 vol.] / V.I. Lenin. Moskva : Politizdat — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1962. Vol. 32. 605 s.
9. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy : v 55 t. [Full Collection of Works : in 55 vol.] / V.I. Lenin. Moskva : Politizdat — Moscow : Publishing House of Political Literature, 1964. Vol. 48. 543 s.
10. Chistyakov O.I. Istoricheskaya obuslovlennost formy' i gosudarstvennogo edinstva posle Oktyabrskoy revolyutsii [Historical Conditionality of the Form and State Unity after the October Revolution] / O.I. Chistyakov // Vestnik Moskovskogo Universiteta — Bulletin of the Moscow University. Series II : Law. 1993. № 3. S. 3–14.
11. Chicherin B.N. Filosofiya prava [Philosophy of Law] / B.N. Chicherin. Moskva — Moscow, 1900. 344 s.

Уважаемые авторы!

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в журнал общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

Церковь и государство: современные интерпретации

*Алонцева Дина Викторовна,
заведующая кафедрой теории и истории государства и права
Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина,
кандидат юридических наук, доцент
dina.alontseva@mail.ru*

Статья посвящена анализу предлагаемых современными учеными концепций взаимоотношения двух общественных институтов: церкви и государства. Сделан акцент на то, что модель государственно-церковных отношений трансформирована сложившейся системой ценностей и имеет законодательное закрепление, выраженное либо в принципе «светскости» государственно-церковных отношений, либо в принципе «автономии» религиозных организаций в государственной системе. В статье подчеркивается значимость духовного возрождения для дальнейшего развития государственности.

Ключевые слова: государство, церковь, концепции взаимоотношения, духовное возрождение.

Church and State: Modern Interpretations

*Alontseva Dina V.
Head of the Department of Theory and History of State and Law of the Bunin Yelets State University
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

The article is devoted to the analysis of the concepts proposed by modern scientists of the relationship between two social institutions: Church and state. The emphasis is made on the fact that the model of Church-State relations is transformed by the established system of values and has a legislative consolidation, expressed either in the principle of "secularism" of Church-State relations or in the principle of "autonomy" of religious organizations in the state system. The article emphasizes the importance of spiritual revival for the further development of statehood.

Keywords: State, Church, concept of relationship, spiritual rebirth.

Начало XX в. характеризуется как сложное и непростое время во всех сферах общества, в том числе и в духовной, поскольку на протяжении последних десятилетий наметился процесс христианского возрождения. Религиозные нормы, церковные догматы становятся основополагающими в жизни населения. Однако эпоха атеизма прошлого столетия в полной мере не дает дорогу становлению духовного возрождения России, духовно-нравственный кризис в мировоззрении граждан еще не преодолен. Государство и церковь должны стать основополагающими элементами в возрождении духовности русского народа. Как отмечают современные ученые, «церковь как организация не должна участвовать в политике, но в правовом государстве не должно быть препят-

ствий для объединения граждан по религиозным мировоззренческим принципам»¹.

Современная система ценностей трансформировала модель государственно-церковных отношений, придав ей законодательное закрепление в нормативно-правовых актах сложившихся правовых систем. Как правило, в конституциях большинства демократических государств закрепляется принцип «светскости» государственно-церковных отношений либо отдельными законами устанавливается принцип «автономии» религиозных организаций в государственной системе.

¹ Алонцева Д.В., Сафронова Е.В. Проблема взаимоотношения церкви и государства в творческом наследии С.Н. Булгакова // Право и политика. 2011. № 3. С. 471.

Современные ученые предлагают разные концепции государственно-церковных отношений, остановимся на их анализе.

По мнению Г.А. Выдриной, модель государственно-конфессиональных отношений включает «сепарационную (отделительную), кооперационную и идентификационную»². Рассмотрим более детально предлагаемые Г.А. Выдриной модели государственно-церковных взаимоотношений. Первая, как правило, присуща светским государствам, в которых действует принцип иерархии и церковь является автономным институтом, отделенным от государства и наделенным функциями только в религиозной сфере, в частности: контролем за соблюдением принципа разделения властей и соблюдением религиозными организациями национального законодательства, за регистрацией новых религиозных объединений и оказанием им помощи в их деятельности, защита прав верующих. Кооперационная модель представляет собой особого рода тандем государства и религиозных организаций в конкретных сферах взаимодействия, связанных исключительно с деятельностью конфессии. Правовой статус церкви как общественного института регулируется такими способами, как установление государственной религии без указания государственной либо традиционной религии, но с обозначением доминантной функции одной или нескольких из них, без конкретного указания доминантной функции какой бы то ни было конфессии. Рассматриваемая модель государственно-церковных отношений приемлема в случае, если ведущая конфессия делает однозначный выбор в пользу свободы вероисповедания, не стремится использовать свое влияние на государство для ущемления прав рели-

гиозных меньшинств. Кооперационная модель двузначна, она бывает: структурной (при взаимодействии государства и церкви создается специализированный орган урегулирования конфликта интересов); функциональной (взаимодействие государства и церкви осуществляется без посреднической деятельности).

Сущность третьей, идентификационной модели построена на системе соотношения государства и церкви, и здесь выделяют такие формы взаимодействия, как цезарепапизм, папоцезаризм и «симфония властей».

Ученые-конституционалисты Г.А. Василевич, Н.М. Кондратович, Л.А. Приходько выделяют такие модели взаимоотношения государства и церкви, как государственная (официальная) религия, юридическое признание церкви государством, полное отделение церкви от государства³.

Первая модель предполагает, что церковь выступает в качестве государственной (официальной) религии и получает правовой статус наравне с государством в качестве института общества и опоры государства. Церковь входит в структуру государственного механизма в качестве негосударственного органа, осуществляющего сотрудничество и взаимодействие со всеми органами государства, в том числе и с органами законодательной власти, поскольку принятие нормативных актов, касающихся ее функционирования, обязательно согласовываются с церковным руководством. Должностные лица религиозной конфессии допускаются в качестве представителей во все управленческие сферы общества. Полномочия между государством и церковью имеют разграничения, церковь обладает правом совершения юридически значимых действий, в частности: заключения браков, регистрации фактов рождения, смерти. Каж-

² Выдриная Г.А. О концептуальных основах религиозной ситуации // URL: <http://cinref.ru/razdel/01200filosofia/08/89229.htm> (дата обращения: 25.01.2019).

³ Василевич Г.А., Кондратович Н.М., Приходько Л.А. Конституционное право зарубежных стран: учебник / под общ. ред. Г.А. Василевича. Минск: Книжный Дом, 2006. С. 129.

дому гражданину в таком государстве гарантируется свобода вероисповедания, осуществления религиозных культов, соблюдение религиозных традиций, получение не светского, а религиозного образования. Рассматриваемая модель государственно-церковных отношений в современном мире охватывает те страны, где в качестве официальной религии признан ислам. В качестве примера можно привести такое государство, как Египет, в котором Конституция провозгласила Египет светским государством и в качестве официальной религии закрепила ислам. Статья 2 Конституции Египта закрепляет, что «ислам является религией государства, а арабский язык является официальным языком. Принципы Исламского Шариата являются основным источником законодательства»⁴. Религия является основой общества, на которой базируются главные общественные институты, такие как семья. Статья 43 Конституции Египта устанавливает, что «государство обязуется поддерживать высокий уровень религиозных ценностей, гарантирует свободу верований, совершения религиозных обрядов и создания церквей „истинных религий“»⁵. В качестве обязательного образования выступает религиозное. Органы государственной власти также отождествлены с религией, например, президент при вступлении в должность приносит присягу ссылкой на имя Всемогущего Аллаха. Из анализа представленных конституционных норм следует, что принцип светскости государства — всего лишь декларативный факт, поскольку Основным законом государства закреплена официальная религия, являющаяся фундаментом всей египетской государственности. Примером другого государства, в котором официально признана государственная религия, является Республика Мальта. Конституцию Мальты 1964 г.

⁴ Конституция Египта // URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=1013> (дата обращения: 25.01.2019).

⁵ Там же.

называют Конституцией независимости, так как именно она создала Мальту как государство либеральное, парламентское и демократическое с соблюдением основных прав человека, принципов разделения между исполнительной, судебной и законодательной властью с регулярными выборами на основе всеобщего избирательного права. Относительно государственно-церковных отношений в Конституции четко закреплена государственная религия. В ст. 2 Конституции Республики Мальта указано, что религией государства является римско-католическая апостольская религия. Духовная власть Римско-католической апостольской церкви обладает правом учить и определять, какие принципы являются правильными, а какие неправильными. Изучение государственной религии является обязательным условием получения образования. К государствам, где религия получила статус «государственной», относятся Ирак, Мальта, Монако, ряд стран Европы, таких как Дания, Норвегия и др.

Вторая модель взаимоотношения государства и церкви, касающаяся юридического признания церкви государством, предполагает независимость двух общественных институтов: государства и церкви. Государственно-церковные отношения строятся на принципе конкордата — особого договора, определяющего правовой статус церкви в государстве. Данная система характерна для государств Европы, в которых по канонам Римско-католической церкви устанавливаются отношения между светской и духовной властью в Европе. Конкордат с Ватиканом — это особый договор, который дает Римско-католической церкви определенные законные права и привилегии, которыми не пользуются другие религиозные организации. Государств современного мира, заключивших Конкордат с Ватиканом, в настоящее время достаточно много. В частности, только за 20 лет текущего столетия таких соглашений более десятка. Например, Основное соглашение между Святым

Престолом и государством Палестины (15.02.2000), Договор между Святым Престолом и Словакией (13.05.2004), Конкордат между Святым Престолом и Португалией (18.05.2004), Конкордат между Святым Престолом и Словенией (28.05.2004), Основное соглашение между Святым Престолом и Боснией и Герцеговиной (19.04.2006), Конкордат между Святым Престолом и Бразилией (13.11.2008), Конкордат между Святым Престолом и Шлезвиг-Гольштейн (12.01.2009), Всеобъемлющее соглашение между Святым Престолом и государством Палестина (26.06.2015) и др.

Рассмотрим сущность Конкордата с Ватиканом на примере такого государства, как Бразилия. Соглашение между Федеративной Республикой Бразилия и Святейшим Престолом о правовом статусе Католической церкви в Бразилии подписано 13 ноября 2008 г., ратифицировано 7 октября 2009 г. Согласно ст. 2 названного документа, основываясь на праве на свободу вероисповедания, Республика Бразилия признает право католической церкви выполнять свою апостольскую миссию, гарантируя общественное осуществление своей деятельности в соответствии с законодательством Бразилии. Более того, на территории республики подтверждается правосубъектность католической церкви и всех церковных институтов, католическая церковь наделяется правом свободного создания, изменения или отмены всех церковных учреждений. Юридическая правоспособность церковных институтов признается Федеративной Республикой Бразилия через регистрационную запись, поскольку они созданы в соответствии с бразильским законодательством, и правительству запрещено отказывать им в признании или регистрации документа, подтверждающего их создание. Представители католической церкви в республике обладают правом преподавания религии в государственных школах. Интересен и тот факт, что даже в системе высшего образования

происходит согласование наименования направлений подготовки на уровне бакалавриата и квалификаций выпускников согласно требованиям как законов Бразилии, так и законов Священного Престола. К странам, где происходит юридическое признание церкви государством, относятся Польша, Италия, Австрия, Испания, Португалия и т.д.

Третья модель государственно-церковных отношений основана на полном отделении церкви от государства, сущность данной модели заключается в том, что церковь как общественный институт получает полную автономию в своем правовом статусе, в законодательном регулировании своей деятельности и компетенции. Принцип автономии проявляется и в отношениях с государством, оба института друг от друга не зависят ни с материальной точки зрения, ни с правовой. Граждане свободны в выборе конфессиональной принадлежности, свободе вероисповедания. Как отмечает Ю.В. Ткаченко, для стран Западной Европы характерен особый тип светской культуры, отличающийся следующими чертами: «...конфессиональный нейтралитет государства и власти, признание свободы религии/отказа от нее, признание независимости индивидуального сознания, критическое осмысление всех областей человеческого духа (религии, политики, науки...)»⁶. В современном мире в качестве примера государства, в котором церковь полностью отделена от государства, является Франция.

Сторонником модели отделения церкви от государства можно назвать и Российскую Федерацию, в которой принцип «светскости» является основополагающим конституционным принципом российской государственности. В нашем государстве нет официально признанной религии, все религиозные организации отделены от государства. Как указа-

⁶ Государство и церковь в истории Франции и России : материалы российско-французского научного семинара / сост. Ю.В. Ткаченко. М. : РГГУ, 2000. С. 153.

но в Федеральном законе от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», в Российской Федерации признается особая роль в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры, но при этом уважаются «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»⁷.

Современная модель взаимодействия церкви и государства в православной традиции сложилась относительно недавно. На всем протяжении истории российской государственности происходил поиск идеальной формы государственно-церковного взаимоотношения. Наш современник О.А. Новиков выделяет следующие периоды развития государственно-церковных отношений. Первый вид — это государственная церковь, существовавшая в России до 1917 г. Вторая модель предполагает отделение Церкви от государства, третья — преследование религии, четвертая — господство церкви над государством, пятая, сформулированная в VI в. византийским императором Юстинианом I, говорит об идеальных, «симфонических» взаимоотношениях церкви и власти: «Есть два величайших блага, дары милости Всевышнего людям — священство и царство. Каждое из этих благ, дарованных людям, установлено Богом, имеет свое собственное назначение. Но, исходя из одного и того же начала, оно и проявляется в единении, в совместной деятельности»⁸.

Поддерживая позицию О.А. Новикова, полагаем, что в модель взаимоотношения государства и церкви разумно добавить доминационную составляющую.

Начало прошлого столетия можно охарактеризовать как переломные го-

ды в судьбе Российского государства, как время коренных перемен. Государственно-церковную модель 20-х гг. прошлого столетия можно назвать как «доминационную», от латинского термина «*dominari*» — преобладание.

По нашему мнению, современную государственно-церковную модель России также можно охарактеризовать как доминационную «государство — церковь». В русской православной традиции часть государственного аппарата, в том числе и церковь как общественный институт, имеет независимость весьма условную, поскольку находится в подчинении у государства, что подтверждается следующими обстоятельствами. Во-первых, с 2006 г. церковь как некоммерческая организация обязана подавать ежемесячную финансовую отчетность в Федеральную регистрационную службу. Во-вторых, в отношении религиозных организаций законодательством РФ предусмотрена система налогообложения. Согласно ст. 381 Налогового кодекса РФ церковь освобождена от следующих налогов: налога на землю; налога на имущество, которое используется в религиозных целях; налога на церковные обряды и продажу церковных предметов (закон гласит, что церковь не оплачивает налоги на добавочную стоимость с продажи религиозных предметов). В-третьих, священнослужители в России имеют такие документы, как трудовая книжка, с указанием должности, медицинская страховка, номер в Пенсионном фонде (СНИЛС).

Таким образом, рассмотренные современные интерпретации государственно-церковных отношений позволяют сделать следующие выводы. Церковь и государство — два общественных института, отношения между которыми на всем протяжении развития государственности складывались по-разному. Предлагаемые современными учеными модели государственно-конфессиональных отношений главным образом складываются на таких составляющих, как установление го-

⁷ Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Новиков О.А. Византийская концепция взаимоотношений Церкви и государства. Воронеж : Истоки, 2009. С. 81.

сударством официальной религии либо без установления государственной религии, без указания государственной либо традиционной религии, но с обозначением доминантной функции одной или нескольких из них, без конкретного указания доминантной функции, какой бы то

ни было конфессии и др. По нашему мнению, в русской православной традиции преобладающей моделью государственно-церковных отношений является доминационная модель «государство — церковь» с подчинением церковных ведомств механизму государства.

Литература

1. Алонцева Д.В. Проблема взаимоотношения церкви и государства в творческом наследии С.Н. Булгакова / Д.В. Алонцева, Е.В. Сафронова // Право и политика. 2011. № 3. С. 463–472.
2. Василевич Г.А. Конституционное право зарубежных стран : учебник / Г.А. Василевич, Н.М. Кондратович, Л.А. Приходько ; под общ. ред. Г.А. Василевича. Минск : Книжный Дом, 2006. 480 с.
3. Выдрина Г.А. О концептуальных основах религиозной ситуации / Г.А. Выдрина // URL: <http://cinref.ru/razdel/01200filosofia/08/89229.htm> (дата обращения: 25.01.2019).
4. Новиков О.А. Византийская концепция взаимоотношений Церкви и государства / О.А. Новиков. Воронеж : Истоки, 2009. 159 с.
5. Государство и церковь в истории Франции и России : материалы российско-французского научного семинара / сост. Ю.В. Ткаченко. М. : РГГУ, 2000. 162 с.

References

1. Alontseva D.V. Problema vzaimootnosheniya tserkvi i gosudarstva v tvorcheskome nasledii S.N. Bulgakova [The Issue of Interrelations between Church and State in the S.N. Bulgakov's Creative Legacy] / D.V. Alontseva, E.V. Safronova // Pravo i politika — Law and Politics. 2011. № 3. S. 463–472.
2. Vasilevich G.A. Konstitutsionnoe pravo zarubezhny'kh stran : uchebnik ; pod obsch. red. G.A. Vasilevicha [Constitutional Law of Foreign Countries : textbook ; under the general editorship of G.A. Vasilevich] / G.A. Vasilevich, N.M. Kondratovich, L.A. Prikhodko. Minsk : Knizhny'y Dom — Minsk : Book House, 2006. 480 s.
3. Vydrina G.A. O kontseptualny'kh osnovakh religioznoy situatsii [On Conceptual Bases of the Religious Situation] / G.A. Vydrina // URL : <http://cinref.ru/razdel/01200filosofia/08/89229.htm> (data obrascheniya : 25.01.2019 — date of access : January 25, 2019).
4. Novikov O.A. Vizantiyskaya kontseptsiya vzaimootnosheniy Tserkvi i gosudarstva [The Byzantine Concept of Interrelations between Church and State] / O.A. Novikov. Voronezh : Istoki — Voronezh : Origins, 2009. 159 s.
5. Gosudarstvo i tserkov v istorii Frantsii i Rossii : materialy' rossiysko-frantsuzskogo nauchnogo seminaru ; sost. Yu.V. Tkachenko [State and Church in the History of France and Russia : files of a Russian-French scientific seminar ; compiled by Yu.V. Tkachenko]. Moskva : RGGU — Moscow : Russian State University for the Humanities, 2000. 162 s.

Уважаемые читатели!

Для того чтобы облегчить поиск интересующих вас материалов в выпущенных Издательской группой «Юрист» журналах, подготовлен библиографический указатель всех публикаций за период с 2013 по 2018 г. Настоящее издание является продолжением библиографического указателя статей, вышедших в свет в журналах Издательской группы «Юрист» за период с 1993 по 2013 г. Статьи приведены по изданиям, в которых они опубликованы и размещены в алфавитном порядке по фамилиям авторов, что значительно упрощает процедуру поиска необходимой информации.

С содержанием сборника и перечнем публикаций можно ознакомиться на сайте Издательской группы «Юрист» в разделе «Книги» и в электронной библиотеке научных публикаций РИНЦ.

Спецоперация Дмитрия Донского, о которой дано указание забыть

*Дворянкин Олег Александрович,
кандидат юридических наук
oldv111@rambler.ru*

Статья посвящена забытой специальной военно-дипломатической операции, которую провел Дмитрий Донской и его двоюродный брат Владимир Андреевич Серпуховской по прозвищу Храбрый или Донской в период между Вожской и Куликовской битвами. Возможно, данная операция будет ключом к расшифровке Куликовской битвы.

Ключевые слова: Дмитрий Донской, Владимир Андреевич Серпуховской, история, информационная безопасность, операция, Куликовская битва, Вожская битва.

A Special Operation of Dmitry Donskoy Instructed to Be Forgotten

*Dvoryankin Oleg A.
Candidate of Legal Sciences*

The article is dedicated to a special military and diplomatic operation carried out by Dmitry Donskoy and his cousin Vladimir A. Serpukhovskoy known as Brave or Donskoy in the period between the Battle of the Vozha River and the Battle of Kulikovo, which has been forgotten. This operation may be the key to interpretation of the Battle of Kulikovo.

Keywords: Dmitry Donskoy, Vladimir A. Serpukhovskoy, history, information security, operation, the Battle of Kulikovo, the Battle of the Vozha River.

Наша история хранит в себе столько тайн и секретов, что иногда просто удивляешься, почему о них не говорят, не рассказывают, не представляют их для ознакомления широкой общественности.

Почему героические события скрывают, замалчивают или не дают их легализовать?

Однако при этом есть другие факты и события, которые, наоборот, выпячивают, делают из них что-то невероятное, фантастическое, т.е. как бы специально подгоняют под существующую реальность.

В рамках таких действий реальные события извращаются, ключевые моменты забываются, уходят в небытие, а мало-значительные становятся основополагающими и главными.

Таким образом, происходит переверачивание с ног на голову исторических реалий, что приводит к неправильному их толкованию, и как результат вместо достоверной и точной трактовки информации и фактов мы получаем обман и фальсификацию.

Конечно, все можно списать на недоброжелателей и врагов государства, это самый простой способ, но есть и более реалистические и достоверные факторы, которые, с одной стороны, нас спасали и спасают, а с другой — губили и уничтожали, это наша житейская искушенность и бытовая неграмотность.

Мы многие вещи хорошо делаем в быту или на поле брани, а вот описать их и сохранить для потомков не всегда можем или считаем их не очень важными для сбережения.

Таким образом, происходит уход от полноты исторической достоверности, а полученные, завоеванные события и победы в виде информации не защищались и не сохранялись, а иногда гибли в пожарах или выкрадывались, уничтожались, искажались, в результате наши «доброжелатели» многие наши достижения время от времени представляли так, как им это было выгодно, исходя из своих или навязанных учений, превращали в информационный мусор, подрывая нашу суверенность, не-

Рис. 1. Схема битвы на реке Воже

зависимость и информационную безопасность.

Кроме того, мы очень сильно верим в чудо, которое, как нам представляется, должно свершиться в последнюю секунду перед самым критическим моментом или произойдет божественное явление, направленное на избавление нас от чего-то страшного, ужасного или придет человек-мессия, который спасет и все сделает за нас.

В результате таких склонностей нас постоянно бросает из одной крайности в другую, что приводит к возвышению одних событий и понижению других.

С несколькими такими событиями я столкнулся в рамках изучения истории Вожской битвы, произошедшей 11 августа 1378 г. на реке Воже (Рязанская область) между русскими войсками под руководством Дмитрия Донского и войсками Мамаю, руководителя Золотой Орды (поход возглавлял мурза Бегич)¹, и Куликовской битвы, произошедшей 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле

(Тульская область) также между русскими войсками под руководством Дмитрия Донского и войсками Мамаю, руководителя Золотой Орды².

Установил, что:

Дмитрий Иванович родился 12 октября 1350 г. в г. Москве, умер 19 мая 1389 г., в г. Москве. Прозван Донским за победу в Куликовской битве. Князь Московский с 1359 г. и великий князь Владимирский с 1363 г.³;

Владимир Андреевич Храбрый родился 15 июля 1353 г., умер в 1410 г. Удельный князь Серпуховский с 1358 по 1410 г., Дмитровский, Галицкий, Боровский с 1378 по 1410 г. и Углицкий с 1405 по 1410 г. Русский полководец, прозван Донским за победу в Куликовской битве⁴;

Мамаю родился примерно в 1335 г., убит в 1380 г. в районе Кафа (современная Феодосия, Республика Крым, Рос-

¹ URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва на реке Воже](https://ru.wikipedia.org/wiki/Битва_на_реке_Воже)

² URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Куликовская битва](https://ru.wikipedia.org/wiki/Куликовская_битва)

³ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дмитрий_Иванович_Донской

⁴ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Владимир_Андреевич_Храбрый

сия). Был беклярбеком и темником Золотой Орды⁵.

Событие, забытое историками и исследователями, а может, не представляющее «нужный» исторический интерес, разворачивается сразу же после победы Дмитрия Донского в августе 1378 г. в Вожской битве.

Чтобы осознать и понять, что происходило после сражения, представляю графическое изображение битвы, опубликованное в брошюре «Поле вожской битвы», выпущенной ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей» и Министерством культуры РФ⁶ (рис. 1).

После сражения русские воины, поняв, что часть войск противника убита, а другая часть бежала, перешли реку Вожа и были удивлены, что противник не просто был одет в военное обмундирование для сражения и последующего грабежа, т.е. стремился «банально» помародерствовать, а потом уйти с богатой добычей к себе, на свое место проживания, а наоборот, хотел остаться и жить на данных территориях, а местных жителей сделать своими рабами.

К данному выводу, вероятно, победителей привела картина, увиденная ими.

Так, по данным историков и исследователей, на поле находилось много лошадей, разной живности, скота, а также повозки с имуществом и людьми⁷.

При этом, как стало известно, в ходе исследования местности и «работы» с людьми татарские воины везли с собой весь свой скарб, который взяли с места отъезда, а также награбленный в ходе похода, а среди людей оказались как члены семей, так и спутники в походах (рабы, пленные, музыканты, деятели культуры, лекари и т.д.)

Данное действие чем-то напоминало крестовый поход или переселение.

⁵ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мамай>

⁶ Иванов Д.А., Судаков В.В. Поле вожской битвы. Рязань : РИАМЗ, 2014.

⁷ Шамбаров В. Куликово поле и другие битвы Дмитрия Донского. М. : Алгоритм, 2014. С. 104–114. URL: <http://voynablog.ru/2014/05/06/bitvy-na-rekax-pyane-i-vozhe>

И вот среди всего этого многоголосья, хаоса, паники надо отдать должное русским воинам и в первую очередь специальным службам (например, военный СМЕРШ — «смерть шпионам»), возможно, в то время они тоже существовали, в первую очередь навели порядок среди брошенных и обреченных на смерть людей, а вот далее, вероятно, провели необходимые специальные мероприятия по поиску среди них предателей и диверсантов.

Результат не заставил себя долго ждать.

Среди переселенцев, располагавшихся на поле, был выявлен человек, который выдавал себя за священнослужителя (находился в обличии священника) и общал, что он занимается врачеванием⁸.

Однако, несмотря на русский говор, он вызвал подозрение и после определенных мероприятий признался, что у него есть отравленные травы (снадобье), с которыми он идет к русским и непосредственно к Дмитрию Донскому с целью его отравить (убить).

Информация незамедлительно заинтересовала русские «специальные органы», и вскоре от него была получена информация следующего содержания.

В расположении войск Мамаю находится сбежавший из Москвы предатель, не получивший должность тысяцкого, Иван Васильевич Вельяминов, решивший помочь Мамаю уничтожить Дмитрия Донского, а также строивший различные планы по своему возвращению на родину и управлению народом, в ней проживающим. При этом у него был план по привлечению Владимира Андреевича, которому на первых порах предлагалось перейти из статуса «удельного князя» в правители страны.

(Справочно:

тысяцкий — это было должностное лицо княжеской администрации в городах средневековой Руси. Сначала его функции заключались в руководстве городским ополчением, а в дальнейшем в его обязанности стало входить руководство городским судом, административ-

⁸ Иванов Д.А., Судаков В.В. Указ. соч. ; Шамбаров В. Указ. соч. С. 104–114.

ный контроль в сфере торговли. Эта должность была выборной, но в некоторых княжествах в богатых боярских родах передавалась по наследству. По статусу эта должность в настоящее время была бы как первый вице-премьер Правительства — министр внутренних дел с контролем над внутренними войсками⁹.

Иван Васильевич Вельяминов, дата рождения не известна, казнен в 1378 г. в Москве. Сын последнего московского тысяцкого Василия Вельяминова. Всю жизнь боролся за эту должность¹⁰.

Для своего действия Вельяминов нашел священнослужителя (отыскать историческое подтверждение, что это был настоящий или переодевшийся в рясу священника человек, найти не удалось), к которому не будет претензий, так как он будет находиться среди переселенцев и заниматься врачеванием, а также проповедовать святыя божественные писания.

Таким образом, располагаясь в обозе наступающих войск, он должен был незаметно достигнуть местоположения русских войск, а затем, применяя образ священнослужителя и врачевателя, войти в доверие к приближенным Дмитрия Донского и, используя их «втемную», подсыпать «снадобье» в пищу и отравить князя.

Однако поражение татарских войск сорвало план убийства.

Дмитрий Донской и Владимир Андреевич, а также, вероятно, их самое ближнее окружение, получив такую оперативную информацию, решили провести свою контригду: выманить предателя Ивана Вельяминова из расположения Мамаю, сбежавшего к нему, а потом покарать его вместе с соратниками.

В этой связи было решено отправить в ставку Мамаю к Вельяминову своего человека с информацией о том, что его человек дошел до цели, но завершить операцию не может. При этом сообщить, что Владимира Андреевича предложение заинтересовало оно актуально, и он го-

тов оказать Вельяминову всю «необходимую» помощь и его сообщникам при проведении данного мероприятия, так как оно пользуется поддержкой определенной части купцов и различных людей, настроенных против Дмитрия Донского.

В связи с этим Вельяминову предложить приехать лично в Серпухов к Владимиру Андреевичу, в его владения, со своими сподвижниками и оттуда начать «освободительный поход» на Москву против Дмитрия Донского.

Однако при этом иметь подтверждение от Мамаю, что тот поддерживает его действия и готов ему помогать.

По разработанному плану решили действовать.

Отправили проверенного человека (гонца) к Вельяминову.

Добравшись до места назначения, он его разыскал, вошел к нему в доверие и уговорил приехать в Серпухов для начала «освободительного похода» против Дмитрия Донского.

Предложение было принято, и через некоторое время со своими сподвижниками Вельяминов прибыл в Серпухов, где начал готовить преступный заговор.

Работа закипела.

Вероятно, был создан штаб заговора, направлены письма своим друзьям и партнерам как внутри России, так и за пределы страны, в том числе, возможно, Мамаю, а также начался сбор денежных средств и набор войска.

Все что происходило, находилось под жестким контролем спецслужб Дмитрия Донского и Владимира Андреевича.

На определенном этапе операции, когда стало ясно, что уничтожение князя реально, а также были выявлены пособники и сообщники, лояльные люди из окружения князя, установлены источники финансирования преступления, определены незаконные места изготовления и каналы доставки оружия, была дана команда на задержание всех заговорщиков. Что и было незамедлительно сделано.

Вельяминова задержали и этапировали в Москву. В Москве в отношении не-

⁹ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тысяцкий>

¹⁰ URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Вельяминов,_Иван_Васильевич_\(сын_тысяцкого\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Вельяминов,_Иван_Васильевич_(сын_тысяцкого))

**Рис. 2. Монета с изображением Дмитрия Донского с отрубленной головой¹¹.
Найти другое изображение или саму монету не удалось**

го было проведено расследование и осуществлен допрос.

Вероятно, он во всем признался и под пытками все рассказал.

Через некоторое время после всех следственных действий, в 1378 г., он был казнен в Москве на Кучковом поле (ему отрубили голову), а должность тысяцкого была упразднена. В Московском государстве это была первая публичная казнь. (Серьезное и резонансное общественное действие.)

Также, возможно, были допрошены и потом казнены его сподвижники.

Однако, может быть, кому-то удалось сбежать, скрыться и затаить кровную обиду на Дмитрия Донского, в том числе и из ближнего окружения князя, что потом, вероятно, проявилось на Куликовом поле.

После настоящих событий, как говорят историки-эксперты, была выпущена монета (рис. 2) с изображением князя Дмитрия Донского, держащего в левой руке отрубленную голову Вельяминова, а также они утверждают, что настоящее событие явилось основной победой Дмитрия Донского, а место — Кучково поле (территория расположена на севере цен-

тральной части Москвы, между современными Лубянской площадью и Сретенскими воротами)¹² — стало проклятым, или, как бы назвали в настоящее время, «токсичным».

Какой резонанс данная операция и непосредственно ее результат (первая публичная казнь в стране, тем более человека из очень знатного рода Вельяминовых и его сподвижников) оказали на сообщников предателя внутри России и за границей, в том числе Мамаю, отыскать не удалось, но ясно и понятно одно — незаметной она не осталась, и, вероятно, многие события, которые происходили после нее, серьезным образом сказались на судьбах значительного количества людей, а также на ходе истории.

Открывая забытые или специально спрятанные от нас исторические события, совсем по-другому начинаешь смотреть на конкретные исторические факты и начинаешь понимать, почему именно так, а не иначе они проходили, что послужило основанием к их осуществлению, воплощению в жизнь.

¹¹ URL: <https://detectivebooks.ru/book/30447413/?page=33>

¹² URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кучково_поле

Это только одно историческое событие, специальная военно-дипломатическая операция, о которой незаслуженно забыли и которую вычеркнули из наше-

го сложного, но интересного прошлого, а сколько таких было и еще будет.

Давайте о них помнить и гордиться. Это наши победы и достижения.

Литература

1. Шамбаров В. Куликово поле и другие битвы Дмитрия Донского / В. Шамбаров. М.: Алгоритм, 2018. С. 104–114.
2. Иванов Д.А. Поле вожской битвы / Д.А. Иванов, В.В. Судаков. Рязань: РИАМЗ, 2014. 28 с.
3. Фоменко А. Русь. Китай. Англия. Датировка Рождества Христова и Первого Вселенского Собора / А. Фоменко // URL: <https://detectivebooks.ru/book/30447413/?page=33>

References

1. Shambarov V. Kulikovo pole i drugie bitvy' Dmitriya Donskogo [The Kulikov Field and Other Battles of Dmitry Donskoy] / V. Shambarov. Moskva : Algoritm — Moscow : Algorithm, 2018. S. 104–114.
2. Ivanov D.A. Pole vozhskey bitvy' [The Field of the Vozhsk Battle] / D.A. Ivanov, V.V. Sudakov. Ryazan : RIAMZ — Ryazan : Ryazan Historical and Architectural Museum-Reserve, 2014. 28 s.
3. Fomenko A. Rus. Kitay. Angliya. Datirovka Rozhdestva Khristova i Pervogo Vselenskogo Sobora [Rus. China. England. Dating of the Nativity of Christ and the First Ecumenical Council] / A. Fomenko // URL: <https://detectivebooks.ru/book/30447413/?page=33>

DOI : 10.18572/1812-3805-2019-3-55-62

Организационно-правовые основы осуществления административно-кадровых функций Дворцовой и Приказной систем управления в России

*Чуб Надежда Вячеславовна,
доцент кафедры конституционного права
Юго-Западного государственного университета,
кандидат юридических наук
nadchub@yandex.ru*

В статье анализируются направления кадровой деятельности Дворцовой и Приказной систем управления в России. Обобщается содержание актов о формировании личного состава княжеской администрации и поддержании ее материального статуса. Рассматривается механизм кадрового учета приказных служащих, периодов их деятельности, системы вознаграждений, особенности межведомственного кадрового сообщения.

Ключевые слова: княжеский двор, Дворцовая система, Приказная система управления, вотчина, Жалованная грамота, служилые люди, административно-кадровая функция, Разрядный приказ, документы Приказов.

Organizational and Legal Bases of Performance of Administrative Staff Functions of the Court and Prikaz Systems of Administration in Russia

*Chub Nadezhda V.
Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Southwest State University
Candidate of Legal Sciences*

The article analyzes the directions of the personnel activities of the Palace and Prikaznoy management systems in Russia. The contents of the acts on the formation of the personnel of the princely administration

and the maintenance of its material status are generalized. The mechanism of staff records of mandated employees, periods of their activity, the system of remuneration, features of interdepartmental personnel communication is considered.

Keywords: princely yard, Palace system, Prikaznaya management system, ancestral lands, Granted Credential, people of service, administrative and personnel function, Razryadnyy Prikaz, Documents of Prikaze.

До государственной централизации территория Руси, поделенная на части — княжества, находилась в распоряжении великих князей, возглавлявших и самостоятельно осуществлявших задачи управления и правосудия. Князь во дворце опирался на многочисленный штат несвободных слуг. Привилегированными чинами княжеского двора были дворецкие, ловчие, чашники, мечники, которые выполняли административно-управленческие, судебные и хозяйственные обязанности.

Однако русское «княжеское общество» было основано на личных связях князя (сюзерена) и приближенных лиц (вассалов). Дворцовая система управления характеризовалась наличием вассальной зависимости и феодалов: великий князь, как крупнейший феодал и владелец угодий, уступал, передавал участок земли мелким князьям и боярам, составляющим главную силу его войска. Последние, получая феодальные подати с местного населения, становились по отношению к нему «классом владельческим и требующим корма по праву службы»¹. При этом население вольно было перемещаться из удела в удел, от одного владельца к другому, равно как перемещались по княжествам и бояредружинники. Такая мобильность приводила к хозяйственному упадку земельных угодий, сокращению с них «корма».

Исследователь западноевропейского феодализма Марк Блок указывает: «...чувство привязанности у „кормящегося“ к его господину почти неизбежно ослабевало, как только подчиненный обосновывался на земельном наделе, который, по естественному побуждению, он вскоре начинал считать собственным, стараясь

при этом облегчить бремя своей службы»². В России, как известно, этот процесс формирования владения землей именовался «вотчина» — постоянное владение, которое передавалось по наследству³.

Вместе с тем московские князья начали бороться с невыгодами вольной службы и свободой отъезда. Признавая ее в междукняжеских договорах, на практике они отбирают у «отъездчиков» вотчину, понижают их служилую честь, применяют иные меры наказания и предупреждения: берут с подозреваемых записи о неотъезде, гарантируя их порукой и денежными залогами⁴.

Юридическое закрепление прав вассалов на управление землями в XIV–XV вв. осуществлялось изданием специальных документов, исходящих от князя, — Жалованных грамот (на земли, слободы, села, города, волости). Например: Жалованная несудимая грамота великого князя московского Василия Дмитриевича Ив. Кафтыреву на земли (1424 г.); Жалованная несудимая и льготная грамота великого князя рязанского Василия Ивановича Афанасию и Василию Бузовлям на вотчины в волости Остролюк (1464 г.); Жалованная вотчинная грамота великого князя московского Ивана III Васильевича и сына его князя Василия братьям Челяднинным-Коротневым на земли в Обонежской пятине (1500 г.) и другие⁵.

² Блок М. Феодальное общество. Ч. I // URL: http://www.glib.ru/books/feodal_noe-obhestvo-187781.html

³ Пашин В.П. Отечественное государство и право: учебно-практическое пособие. Курск: КурскГТУ, 2003. С. 13.

⁴ Андреев А. Дворянство в России. Печ. по изданиям: Порай-Кашиц И. История русского дворянства. СПб., 1900. Романович-Славятинский А. Дворянство в России. СПб., 1870. М.: Крафт+, 2003. С. 6.

⁵ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых

¹ Градовский А. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб.: Тип. И. Бочкарева, 1866. С. 10.

Грамоты получали и члены семей прежних землевладельцев: Жалованная несудимая грамота великого князя московского Василия Ивановича братьям Матвеевым на отцовскую их вотчину муромского уезда (1524 г.)⁶.

Как видим, «Вотчинные грамоты» могли быть одновременно «Несудимыми» и/или «Льготными», освобождающими от повинностей и закрепляющими судебную юрисдикцию князя. Право выдавать Грамоты «Несудимые и Льготные», а также «В путь» имели и удельные князья: Жалованная Несудимая грамота удельного князя кашинского и дмитровского Дмитрия Ивановича Анне Рахминовой с детьми на углицкую вотчину (1509 г.); Грамота удельного князя волоцкого Бориса Васильевича о пожаловании М. Карамышеву слободки Видякиной в путь (1462 г.)⁷. Грамота «В путь» («Путная») означало пожалование в управление какую-либо местность с правом получения дохода с нее.

В XV в. территория Российского государства, состоявшая из уездов, волостей и станов, управлялась наместниками и волостелями. Княжеские наместники из бояр и волостели, рекрутируемые из более мелких феодалов, не получали жалования от великого князя, жили за счет средств, собираемых с подчиненной им территории, «кормились» со своей должности⁸. В этой связи многие Жалованные грамоты содержали конкретное целевое назначение: «на кормление», и разрешали их владельцам управлять, судить и получать доход («кормится») с указанной в документе части территории.

Отметим Грамоту великого князя московского Василия Васильевича на кормление волостелю Ивану Раслу (1426 г.) на мещерские города (1425 г.), Грамоту ве-

ликого князя московского Ивана III Васильевича о пожаловании наместнику Ив. Племянникову в кормление городка Орлова (1462–1505 гг.), Грамоту великого князя московского Василия Ивановича о пожаловании наместнику Ив. Осоке в кормление половины города Зубцова (1490 г.)⁹.

Дореволюционный ученый-юрист В.В. Ивановский, называя «кормление» эквивалентом за «службу», определяет его как установленную верховной властью обязанность местных жителей нести натуральную повинность в пользу княжеских служилых людей. Данный автор пишет о злоупотреблениях княжеских приказных людей на «этой почве» и заключает, что мерой против этого зла было смещение с должности или перевод в другую местность¹⁰.

Из содержания некоторых Грамот видно, что одни и те же княжеские «назначенцы» могли получить в кормление разные местности: например, в 1509 г. великим князем московским волостелю Ивану Коробьину была пожалована волость Ростовец. К соответствующей Грамоте прилагался «доходный список», определяющий право пользования доходами с местности. Позднее, в 1515 г., Иван Коробьин получил в кормление волости Инобожа, Вольга и Залипенья¹¹. Таким образом, практиковалось служебное перемещение «кормленщиков».

В процессе объединения удельных территорий под властью московского князя оформился один из существенных признаков правового статуса бояр и бывших удельных князей — владение земельным наделом зависело исключительно «от службы» великому князю. Форма вознаграждения этих лиц, замещающих, как правило, высшие административные и военные посты в Москов-

фамилий после отмены местничества / собр. и издал А. Юшков. Ч. 1 : 1257–1613 гг. М. : Унив. тип., 1898. С. 5, 25, 40.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Там же. С. 24.

⁸ Омельченко Н.А. История государственного управления в России. М. : ТК Велби ; Проспект, 2005. С. 121.

⁹ Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ... С. 7, 21, 31.

¹⁰ Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1. Вып. 7 : Государственная служба. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1898. С. 574.

¹¹ Там же. С. 62–63, 80.

ском государстве, не была основана на периодической выплате денежного жалования, а носила натуральный (землеладельческий) характер. Вместе с тем такая «оплата» имела привилегированное значение: управление местными крестьянами, освобождение от податей, преимущества в суде.

В указанных условиях вотчинное землевладение уступает место поместному или условному, которое приобретали дворяне, не имеющие, однако, прав на занятие высших административных должностей. Эти лица составляли исполнительный аппарат в вотчинах крупных землевладельцев, осуществляя хозяйственные и контрольные функции: «...не имея достаточного числа чиновников на местах, при составлении учетно-фискальных документов, сборе налогов, мобилизации в армию... в полицейских целях правительство опиралось на землевладельцев»¹². Однако постепенно (в конце XV — начале XVI в.) укрепляется служебный статус последних в связи с изменением режима поместных и вотчинных земель.

Выдача и состояние поместных земель регламентировались. В XVI–XVII вв., когда на основе функционально-отраслевого и территориального принципов оформилась Приказная система центрального управления, был учрежден Поместный приказ, ведавший межеванием («мерой») и распределением земель разным служилым лицам. В этих целях Приказ вел специальные Раздаточные, Отказные, Межевые и Мерные книги поместных и вотчинных земель¹³. Ар-

хивные материалы ведомства содержат списки служилых лиц («верстальные десятины»), которые составлялись при верстании (зачислении) «новиков» (подростков дворян и детей боярских начиная с 15 лет) при назначении им поместных и денежных окладов¹⁴. Выплата жалования фиксировалась в соответствующих Раздаточных книгах¹⁵. Оно предназначалось для того, чтобы служилый человек мог «подняться в поход», т.е. должным образом снарядить себя вооружением и лошадьми¹⁶.

Служащие Поместного приказа осуществляли также контроль хозяйственного состояния поместных земель в различных уездах. Эту поверочную работу (дозор) проводили писцы-«дозорщики», которые отмечали промежуточные изменения землепользования в Дозорных книгах. Например: Дозорные книги Вологодского уезда (1513–1617 гг.); Дозорная книга Бежицкой пятины (Белозерской половины), Новгородского уезда дозорщика Завалишина 1594 г. и другие¹⁷.

Итак, в Поместном приказе велась важнейшая учетная документация, связанная с регулированием материального статуса «управленческого класса», из состава которого формировалось служилое сословие.

книги поместных и вотчинных земель Белгородского, Воронежского, Землянского, Коротоякского, Обоянского, Урывского, Усманского, Черновского уездов. 1681–1692 гг. Л. 25–389.

¹² Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России / под ред. С.А. Комарова. СПб.: Питер, 2004. С. 40.

¹³ Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА). Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. Д. 26. (Раздаточная книга земель елецким детям боярским, стрельцам, пушкарям, затинщикам и воротникам в елецком уезде, раздачи Ив. Мясного. 1593–1594 гг.). Л. 1–21; Раздаточная книга поместных земель оскольским детям боярским «раздачи и строения» воеводы Д.И. Плещеева», 1654 г. Л. 512–563; Отказные, межевые и мерные

¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. Д. 34. Л. 76–89. Верстальная десятина поместных и денежных окладов обоянских детей боярских верстания воеводы О. Арсеньева. 1652 г.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. Д. 43. Раздаточная книга денежных жалования коротояским детям боярским. 1652. Л. 471–473; Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 21. Д. 644. Книга «верстальная» служилых людей поместным и денежным жалованием. 1683 г.

¹⁶ Сергеевич В.И. Древности русского права: в 3 т. Т. 1: Территория и население / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2006.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Ч. 1. Д. 56, 972.

Ключевые вопросы государственного кадрового обеспечения осуществлял аппарат Разрядного приказа, «о начале (его) неизвестно, но (в период) московского разорения уже был»¹⁸, т.е. функционировал в начале XVII в. Разрядный приказ руководил пограничной службой, назначал полковых и городских воевод, послов, судей. Учет назначений на военную, гражданскую и придворную службу велся в специальных разрядных книгах¹⁹.

Архивные источники конца XVI — начала XVIII вв. позволяют всесторонне оценить соответствующую административно-кадровую работу указанного органа. Ведомственная документация Разрядного приказа содержала записи о различных сторонах организации службы и управления в государстве. Так, составлялись списки лиц (дьяков, подьячих, детей боярских, воевод, стольников, стряпчих, «жильцов» и др.), находящихся у должностей конкретных приказов²⁰, назначенных к ним или переведенных в то или иное место²¹. При этом значи-

тельная часть документов содержит подробные сведения об этапах деятельности приказных лиц, местах службы, их материальном статусе²².

Важной кадровой функцией приказного управления были смотры служащих или разборы, целью которых был сбор сведений о подданных, обязанных государю своей службой. В Разборных книгах недорослей, однодворцев и других служилых людей, Переписных книгах дворов, Смотренных книгах и списках, хранящихся в архивах Разрядного приказа, содержатся записи — десятици²³, в которых кроме имен и окладов содержатся сведения о физическом состоянии каждого лица, его вооружении, «даточных людях» (сданных в солдаты), им поставляемых, детях мужского пола, количестве поместий и вотчин, сведения о прежней службе²⁴.

Таковыми мерами государство вело учет персонала, годного, прежде всего, для военных походов, что, как отмечалось, было обязанностью дворян, а позже и представителей боярского класса землевладельцев. От последних требовалось исполнения явки на службу в полк для участия в боевых действиях. Подобную обязанность игнорировали мно-

¹⁸ РГАДА. Ф. 199. Портфели Г.Ф. Миллера. Оп. 2. Портфель 388. Д. 3. Ведомость о некоторых московских приказах с объяснением рода дел, сочиненная в Разрядном архиве. Л. 1.

¹⁹ Порошин А.А., Шишков М.В. Этапы развития кадровых служб // Пожарная безопасность. 2016. № 1. С. 169.

²⁰ РГАДА 210. Разрядный приказ. Оп. 21. Д. 450, 451, 496. Список дьяков, находящихся на службе в Москве в Разрядном, Большой казны, Посольском, Малороссийском, Иноземском, Рейтарском, Стрелецком, Казанском, Сибирском, Владимирском судном, Московском судном, Большого дворца, Судном дворцовом, Аптекарском, Разбойном, Оружейном, поместном, Большого прихода, Денежного сбора, Казенном, Ямском, Княжества Смоленского, Конюшенном, Земском, Печатном, Холопьем, Каменном, Хлебном, Панихидном приказе, Мастерской и Серебряной палатах, Новгородской, Владимирской, Галецкой и новой четях и Печатном дворе, в Великом Новгороде в приказной избе и в Дворцовом приказе, в Пскове в приказной избе и в Дворцовом приказе. 1678–1679 гг.; Д. 374. Списки дьяков, подьячих и детей боярских, находящихся на службе в приказах, в полках и городах. 1676 г., а также аналогичные дела № 451, 495.

²¹ РГАДА 210. Разрядный приказ. Оп. 21. Д. 338. Список стольников, стряпчих, московских

дворян и жильцов, назначенных на службу в Москву. 1675 г.; Д. 379. Список стольников и стряпчих, назначенных для участия в осеннем и зимнем царских походах. 1676 г.

²² РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 21. Д. 244. Списки дьяков (с указанием прежней должности и времени производства в дьяки, с отметками о поместьях и вотчинах, о смерти). 1670; Д. 462. Список именной служилых людей с указанием количества дворов в их поместьях и вотчинах. 1678; Д. 532. Список воевод и приказных людей со сведениями об их службе в городах... 1680 г.; Д. 375. Списки дьяков, подьячих и детей боярских сторожей Поместного приказа с указанием денежного оклада. 1676 г.

²³ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 21. Д. 147–149, 429, 504–510, 643. Оп. 24. Д. 6, 385, Оп. 40. Д. 225, 226, 252.

²⁴ Тутов А.В. В помощь генеалогу: виды документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. — 1917 г.) // URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=7738>

гие представители служилого сословия. Как пишет Т.А. Лаптева, наказание за неявку на службу в конце XVI — начале XVII в. было сравнительно мягким, в данном случае — невыплата жалованья²⁵. Однако уклонение от службы было распространенным явлением и в конце XVII в. Об этом свидетельствуют архивные списки о «нетчиках», составленные в Разрядном приказе на основе донесений воевод разных полков²⁶. Такие списки имеются и в отношении дворян, не явившихся на службу неоднократно: «Список жильцов, неявившихся на службу в Большой полк, назначенных в него за неявку на службу в Изюм» или «Список нетчиков три раза неявившихся на службу в Козлов, Царев-Борисов, Белгород, Изюм и Крымский поход»²⁷.

В рамках контрольно-кадровых полномочий, в том числе в целях повышения эффективности проведения смотров служащих, Разрядный приказ издавал специальные инструкции — «Наказы» и «Наказные памяти» — должностным лицам государства (дьякам, подьячим, воеводам, судьям), предписывающие определенные действия (как правило, обязанности и запреты) при исполнении последними своих полномочий. Например: «Наказ думным дьякам и дьякам о разборе и смотре служилых людей» (1687 г.); «Наказная память витебскому воеводе Ф.Ф. Долгорукову о приеме города, описи наряда, хлеба, переписи служилых и жилецких людей и присылке сведений в Разряд» (1655 г.); «Наказ окольному Ф.И. Шаховскому, назначенному воеводой в г. Великие Луки» (1682 г.); «Наказная память подьячому Б. Ахметьеву о поездке в Тульскую губернию для ускорения разбора служилых людей» (1703 г.)²⁸.

²⁵ Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке // URL: http://statehistory.ru/books/T-A--Lapteva_Provintsialnoe-dvoryanstvo-Rossii-v-XVII-veke/33

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 21. Д. 612. 1682 г.; Д. 743, 748. 1687 г.

²⁷ Там же. Д. 732, 733; 749. 1687 г.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 21. Д. 729; Оп. 24. Д. 88, 275, 397.

Посредством специального административного акта — «Памяти», издаваемого в Приказной системе управления, осуществлялось делопроизводственное взаимодействие и сообщение ведомств по различным кадровым вопросам. Примечательна в этом аспекте «Память в Поместный Приказ об изменении поместных окладов думным и московским чинам» (1683 г.). Надо сказать, что этот документ появился через год после отмены местничества, когда требовалось дальнейшее упорядочение системы должностных назначений и их окладов (вознаграждений). Также отметим «Память о временной отсрочке разбора судебных дел в московских приказах по искам служилых людей...» (1686 г.), «Память (судье) Приказа Большого Дворца окольному Ф.М. Ртищеву» (1663 г.), «Память в Разрядный Приказ из Посольского Приказа о придаче к окладу дьяка С. Матвеева за посольство в Турцию»; «Память Стрелецкого Приказа о присылке в Разрядный приказ стрелецкого головы К. и стрелецких сотников, оставленных от службы» (1637 г.)²⁹.

Как указывает Н.А. Омельченко, «Разрядный Приказ находился на особом положении при Боярской Думе, был старше других приказов и посылал им указы»³⁰. В работе дореволюционного юриста А. Юшкова также отмечается «деятельность Разряда как главного центрального учреждения, ведавшего все государство...» и выделяется сложившееся во второй половине XVI в. его деление на Разряды Дворовой и Земский, который указанный автор называет «департаменты» и допускает их создание в связи с делением государства на опричнину и земщину³¹. Другой известный исследователь, А. Градовский, называя Разряд «особым учреждением при Думе по части распорядительной и пра-

²⁹ Там же. Оп. 24. Д. 283. Л. 1–140; Д. 306. Л. 1–4; Д. 131; Д. 34. Л. 1–3.

³⁰ Омельченко Н.А. Указ. соч. С. 137.

³¹ Акты XIII–XVII века, представленные в Разрядный Приказ... С. 201.

вительственной», вместе с тем утверждает, что «при разнообразии ведомств и при сословных понятиях один приказ не мог быть указом для другого, а тем более между ними не могло явиться такого учреждения, которое бы сводило их деятельность к одному знаменателю, примиряло их часто противоположные стремления...»³².

Рассуждая о месте Разрядного приказа в строе аналогичных учреждений, отметим его общегосударственную компетенцию и постоянный характер деятельности. В этом статусе, осуществляя функции «правительственного агента по личному составу», Приказ координировал службу и управленческую деятельность как собственного персонала (дьяков и подьячих), так и формировал соответствующие материалы на должностных лиц разных чинов и занятий. При реализации кадровых полномочий Приказ представлял собой государственную канцелярию по учету служилого населения, рассмотрению его жалоб (челобитных), ведению судных дел, составлению «допросных» речей, приему отписок от местного начальства.

Основными кадровыми функциями приказного строя были следующие: ведение и регулирование учета служебного и материального положения населения; проведение смотров и разборов служилых людей, «новииков» и всяких чинов «школьников» (юношей); выдача поручений-наказов местному руководству, формирование его штата; регули-

рование выплаты денежного (кормовых, погонных денег, премий — «придач») и поместного окладов, хлебного жалования; осуществление судопроизводства по искам служащих; требование отчетности при сдаче должности; перевод и назначение («поверстание») на вакансии, иные кадровые перемещения. В последнем случае определяющее значение для замещения должности имело близкое родство (братья, сыновья и племянники), а также прежние военные заслуги.

В заключение отметим, что в период Дворцового управления в России формирование кадрового состава было построено на отношениях покровительства и верности между князем и приближенными к нему лицами из бояр и удельных князей. На основе Жалованных грамот как актов княжеской власти происходило закрепление, а в последующем и изменение правового и имущественного положения управленческого класса в связи с «вотчинно-поместным» режимом службы.

Приказная система централизованного государства характеризовалась соединением разнородных направлений деятельности в одном приказе, что оказывало негативное влияние на скорость комплектования и распределения кадровых ресурсов. Административный функционал в части эффективного осуществления контрольных полномочий был слабо развит, а система оценки служебных качеств приказных чиновников практически отсутствовала.

³² Градовский А. Указ. соч. С. 21, 34.

Литература

1. Акты XIII–XVII века, представленные в Разрядный Приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / собр. и издал А. Юшков. Ч. 1: 1257–1613 гг. М.: Унив. тип., 1898. 416 с.
2. Андреев А. Дворянство в России / А. Андреев; печ. по изданиям: Порай-Кашиц И. История русского дворянства. СПб., 1900. Романович-Славатинский А. Дворянство в России. СПб., 1870. М.: Крафт+, 2003. 328 с.
3. Блок М. Феодальное общество. Ч. I / М. Блок // URL: http://www.glib.ru/books/feodal_noe-obhestvo-187781.html
4. Васильев А.В. Законодательство и правовая система дореволюционной России: учебное пособие для вузов / А.В. Васильев; под ред. С.А. Комарова. СПб.: Питер, 2004. 224 с.
5. Градовский А. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры / А. Градовский. СПб.: Тип. И. Бочкарева, 1866. 287 с.

6. Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1. Вып. 7: Государственная служба / В.В. Ивановский. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1898. С. 560–623.
7. Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII веке / Т.А. Лаптева. М. : Дрелекхранилище, 2010. 593 с.
8. Омельченко Н.А. История государственного управления в России / Н.А. Омельченко. М. : ТК Велби ; Проспект, 2005. 463 с.
9. Пашин В.П. Отечественное государство и право : учебно-практическое пособие / В.П. Пашин. Курск : КурскГТУ, 2003. 224 с.
10. Порошин А.А. Этапы развития кадровых служб / А.А. Порошин, М.В. Шишков // Пожарная безопасность. 2016. № 1. С. 169–173.
11. Сергеевич В.И. Древности русского права : в 3 т. Т. 1 : Территория и население / В.И. Сергеевич ; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М. : Зерцало, 2006. 524 с.
12. Тутов А.В. В помощь генеалогу: виды документов, содержащих генеалогическую информацию (XVI в. — 1917 г.) / А.В. Тутов // URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=7738>

References

1. Akty' XIII–XVII veka, predstavlenny'e v Razryadny'y Prikaz predstavitel'yami sluzhily'kh familiy posle otmeny' mestnichestva ; sobr. i izdal A. Yushkov. Ch. 1 : 1257–1613 gg. [Acts of the XIII to the XVII Century Submitted to the Order-in-Charge Prikaz by Representatives of Service Class Families after Cancellation of Provincialism ; compiled and published by A. Yushkov. Part 1 : 1257 to 1613]. Moskva : Univ. tip. — Moscow : University Printing Office, 1898. 416 s.
2. Andreev A. Dvoryanstvo v Rossii ; pech. po izdaniyam : Poray-Kashits I. Istoriya russkogo dvoryanstva. Sankt-Peterburg, 1900. Romanovich-Slavatinskiy A. Dvoryanstvo v Rossii. Sankt-Peterburg, 1870 [Nobility in Russia ; Printed based on editions : Poray-Kashits I. History of the Russian Nobility. Saint Petersburg, 1900. Romanovich-Slavatinskiy A. Nobility in Russia. Saint Petersburg, 1870] / A. Andreev. Moskva : Kraft + — Moscow : Craft+, 2003. 328 s.
3. Blok M. Feodalnoe obschestvo. Ch. I [The Feudal Society. Part I] / M. Blok // URL: http://www.glib.ru/books/feodal_noe-obshество-187781.html
4. Vasilyev A.V. Zakonodatel'stvo i pravovaya sistema dorevolutsionnoy Rossii : uchebnoe posobie dlya vuzov ; pod red. S.A. Komarova [Legislation and the Legal System of the Pre-Revolutionary Russia : textbook for higher educational institutions ; edited by S.A. Komarov] / A.V. Vasilyev. Sankt-Peterburg : Piter — Saint Petersburg : Peter, 2004. 224 s.
5. Gradovskiy A. Vysshaya administratsiya Rossii XVIII stoletiya i general-prokurory' [The Highest Administration of Russia in the XVIII Century and Prosecutor Generals] / A. Gradovskiy. Sankt-Peterburg : Tip. I. Bochkareva — Saint Petersburg : I. Bochkarev's printing office, 1866. 287 s.
6. Ivanovskiy V.V. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1. Vy'p. 7 : Gosudarstvennaya sluzhba [The Russian State Law. Vol. 1. Is. 7 : Public Service] / V.V. Ivanovskiy. Kazan : Tip. Imp. un-ta — Kazan : Printing office of the Imperial University, 1898. S. 560–623.
7. Lapteva T.A. Provintsialnoe dvoryanstvo Rossii v XVII veke [Provincial Nobility in Russia in the XVII Century] / T.A. Lapteva. Moskva : Drevlekhranilische — Moscow : Archives, 2010. 593 s.
8. Omelchenko N.A. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii [The History of Public Administration in Russia] / N.A. Omelchenko. Moskva : TK Velbi ; Prospekt — Moscow : TK Velbi ; Prospekt, 2005. 463 s.
9. Pashin V.P. Otechestvennoe gosudarstvo i pravo : uchebno-prakticheskoe posobie [The National State and Law : textbook and practical guide] / V.P. Pashin. Kursk : KurskGTU — Kursk : Kursk State Technical University, 2003. 224 s.
10. Poroshin A.A. Etapy' razvitiya kadrov'y'kh sluzhb [Personnel Department Development Stages] / A.A. Poroshin, M.V. Shishkov // Pozharnaya bezopasnost — Fire Safety. 2016. № 1. S. 169–173.
11. Sergeevich V.I. Drevnosti russkogo prava : v 3 t. T. 1 : Territoriya i naselenie [Antiquities of Russian Law : in 3 vol. Vol. 1 : Territory and Population ; edited and foreword by V.A. Tomsinov] / V.I. Sergeevich ; pod red. i s predisl. V.A. Tomsinova. Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 2006. 524 s.
12. Tutov A.V. V pomoshch genealogu: vidy' dokumentov, soderzhaschikh genealogicheskuyu informatsiyu (XVI v. — 1917 g.) [In Aid of a Genealogist: Types of Documents Containing Genealogical Information (the XVI Century to 1917)] / A.V. Tutov // URL: <http://forum.yar-genealogy.ru/index.php?showtopic=7738>

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-3-63-68

Крымская милиция в годы Великой Отечественной войны (историко-правовое исследование)

*Микитюк Юрий Васильевич,
начальник Крымского филиала Краснодарского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат исторических наук
niirio@bk.ru*

Проведено историко-правовое исследование деятельности органов внутренних дел Крымской АССР в годы Великой Отечественной войны. Автором охарактеризованы задачи органов правопорядка, раскрыты их дискреционные полномочия и описана организационно-штатная структура в особый период, в условиях военного времени и послевоенный период. Особое внимание сконцентрировано на специфических функциях крымской милиции, обусловленных ведением боевых действий на территории Крымского полуострова и борьбой с немецко-фашистскими захватчиками.

На основе анализа научной литературы, а также ранее недоступных широкому кругу исследователей архивных материалов освещены проблемы оперативного, боевого и кадрового обеспечения деятельности органов внутренних дел в этот период. Также рассмотрены вопросы взаимодействия работников милиции с военным командованием, в том числе в области охраны общественного порядка, борьбы с уголовной преступностью и ликвидации последствий войны. Автором отмечена актуальность и значимость исследования данной тематики не только в связи с празднованием 300-летия российской полиции в 2018 г., но и для дальнейшего развития правоохранительных органов Республики Крым. В связи с этим изучение истории крымских органов внутренних дел приобретает ключевое значение.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историко-правовое исследование, Крымская АССР, крымская милиция, органы внутренних дел.

Crimea Police in the Years of the Great Patriotic War (Historical and Legal Research)

*Mikityuk Yuriy V.
Head of the Crimea Branch of the Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation
Candidate of Historical Sciences*

The historical and legal study of the activities of the internal affairs bodies of the Crimean ASSR during the Great Patriotic War is considered. The author outlines the tasks of law enforcement agencies, reveals their discretionary powers and describes the organizational and staff structure in a special period, in wartime and post-war period. Particular attention is focused on the specific functions of the Crimean militia, conditioned by the conduct of military operations on the territory of the Crimean peninsula and the fight against the German-fascist invaders.

Based on the analysis of scientific literature, as well as archival materials previously unavailable to a wide range of researchers, problems of operational, combat and personnel support of the activity of law enforcement bodies in this period are highlighted. The issues of interaction of militia employees with the military command, including those in the field of protecting public order, combating criminal criminality and eliminating the consequences of the war are also considered. The author noted the relevance and significance of research on this subject not only in connection with the celebration of the 300th anniversary of the Russian police in 2018, but also for the further development of the law enforcement agencies of the Republic of Crimea. In this connection, the study of the history of the Crimean internal affairs bodies is of key importance.

Keywords: the Great Patriotic War, historical and legal research, Crimean ASSR, Crimean militia, internal affairs bodies.

Эпической страницей в истории милиции Крымской АССР стало участие ее работников в Великой Отечествен-

ной войне, начало требовало немедленной и кардинальной трансформации характера и направлений деятельно-

сти всех без исключения государственных органов, прежде всего правоохранительных.

После объединения в июле 1941 г. НКВД и НКГБ СССР в единый Народный комиссариат внутренних дел и до июня 1945 г. структура органов внутренних дел (ОВД) Крымской АССР не претерпевает существенных изменений. Однако в годы Великой Отечественной войны спектр задач республиканских органов милиции существенно расширяется, включая борьбу с дезертирами, мародерами, распространителями панических слухов и диверсантами. Кроме того, на протяжении всего особого периода и в условиях военного времени работники крымской милиции принимают активное участие в боевых действиях, разведывательно-диверсионной и подрывной деятельности, воюют в составе партизанских отрядов, руководят работой истребительных батальонов. Так, В.В. Прохоров выделяет такие направления деятельности милиции в этот период: непосредственное участие в боях с немецко-фашистскими оккупантами; охрана прифронтовой полосы и общественного порядка, борьба с уголовной преступностью; участие в специальных операциях в составе партизанских отрядов¹.

Уже в июне 1941 г. для противодействия диверсионно-разведывательной и подрывной деятельности на органы НКВД СССР возлагается организация борьбы с парашютными диверсантами. Для этого при городских, районных и уездных отделах наркомата из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, владеющего оружием, создаются истребительные батальоны (численностью до 200 человек), а их начальниками назначаются профессионально грамотные и

проверенные оперативные работники НКВД и милиции. На вооружении батальонов стоят ручные пулеметы, винтовки, револьверы и гранаты². В случае необходимости их личному составу предоставляется право пользоваться любыми видами транспорта (автомашины, мотоциклы, велосипеды, лошади и подводы).

В сентябре 1941 г. структура центрального аппарата крымского НКВД представлена: секретариатом; мобилизационной инспекцией; отделом охраны; разведывательным, финансовым и тюремным отделами; оперативной, технической и административно-хозяйственной частями; отделом местной противовоздушной обороны (с подчиненными городскими штабами местной противовоздушной обороны Симферополя, Керчи, Севастополя, Феодосии, Евпатории и Джанкоя); хозяйственным отделом; отделом пожарной охраны; секретно-политическим, экономическим и контрразведывательным отделами³.

Осенью этого же года в обстановке непосредственной угрозы со стороны немецко-фашистских войск чекистский аппарат ориентируется на решительную борьбу с провокационными слухами, паникерством, трусостью и пресечением различных проявлений классового врага. Тем не менее ввиду несогласованности действий с

¹ Прохоров В.В. Органы внутренних дел Крымской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 годы) // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 33.

² НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : сб. док. / сост. Н.И. Владимерцев, А.И. Кокурин. М. : Объединенная ред. МВД России, 2008. С. 55–56.

³ Прохоров В.В. Перестройка организационной структуры органов НКВД Крымской АССР в 1941–1944 гг. // Государство, общество и органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Орел, 23.04.2015) : сб. науч. ст. / пред. ред. А.И. Шепарнева. Орел : ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. С. 140.

военным командованием, низких морально-деловых и профессиональных качеств отдельных руководителей милиции на местах, в том числе командиров истребительных батальонов, допускаются несанкционированное преждевременное уничтожение стратегических и особо важных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, расшифровка пунктов базирования партизан, фиксируются случаи дезертирства среди органов правопорядка⁴. Командиры таких подразделений немедленно освобождаются от занимаемых должностей, арестовываются и предаются судам военного трибунала, а личный состав пересматривается с точки зрения благонадежности⁵.

Бои за удержание Крыма длятся более двух месяцев, но уже к концу октября 1941 г. советское командование смиряется с утратой практически всего полуострова, сосредоточившись на обороне г. Севастополя. К ноябрю этого же года Севастопольский гарнизон милиции пополняется за счет части личного состава республиканского аппарата НКВД, а также органов внутренних дел, переброшенных из городов Евпатории, Саки, Бахчисарая, Ялты и Алушты. Сформированный сводный отряд милиции перебрасывается на передовую рубеж обороны города, а оставшиеся милиционеры несут службу по охране общественного порядка и борьбе с преступностью. В декабре 1941 г. — январе 1942 г. работники Севастопольского, Евпаторийского и Сакского городских и районных управлений милиции принимают активное участие в Керченско-Феодосийском и Евпаторийском десантах. Однако летом 1942 г. из-за ухудшения стратегической обстановки Главное управление милиции НКВД Крыма вынуждено

эвакуироваться на Северный Кавказ и позднее в Закавказье⁶.

В апреле 1944 г. после тяжелых боев советские войска прорывают немецко-фашистские укрепления Турецкого вала на Перекопском перешейке и проникают на полуостров. На передовой — армейские части 4-го Украинского фронта и оперативные группы крымских милиционеров. В то же время для восстановления революционного порядка, организации оперативно-чекистской работы на территориях, освобожденных Красной армией от войск противника, начальникам прифронтовых УНКВД ставится задача безотлагательно комплектовать соответствующие городские и районные отделы (отделения), а начальникам отделов кадров — формировать кадровые резервы.

Приоритетами в деятельности вновь созданных подразделений становятся: выявление и нейтрализация агентуры немецких разведывательных органов; недопущение осуществления диверсионных и террористических актов, повстанчества и контрреволюционного саботажа; охрана общественного порядка, борьба с бандитизмом, грабежами и спекуляцией; обеспечение безопасности движения поездов (совместно с оперативно-чекистскими группами транспортных отделов НКВД); организация тюремных помещений и налаживание работы органов милиции, а также охрана их помещений; организация выявления и изъятия у населения огнестрельного оружия и радиоаппаратуры (с последующими арестом и привлечением к уголовной ответственности виновных лиц); организация агентурно-осведомительной и следственной работы; выявление, арест и передача суду лиц, причастных к антисоветской работе⁷. Для выпол-

⁴ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 55–56.

⁵ Архив МВД по Республике Крым. Ф. 21. Оп. 1. Д. 91. Л. 4–6.

⁶ Прохоров В.В. Органы внутренних дел Крымской АССР... С. 33.

⁷ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом... С. 66–67.

нения этих и смежных задач в структуре Управления крымской милиции создаются и функционируют: секретариат; политический отдел; оперативный отдел; отдел уголовного розыска; отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности; отдел службы и боевой подготовки; паспортно-регистрационный отдел; отделы ЗАГС и ГАИ. Кроме того, функционируют отделение по охране запретной зоны г. Севастополя и конвойная милиция. Уже к концу мая 1944 г. структура восстановленного и реорганизованного аппарата крымского НКВД пополняется тремя отделами — противовоздушной обороны, исправительно-трудовых учреждений и по борьбе с детской беспризорностью и бродяжничеством⁸.

Другими словами, наделение работников органов безопасности и правопорядка в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период дополнительными правами и обязанностями считаем закономерным и легитимным. Это обусловлено спецификой режима военного времени, связанной, в частности: с ограничением прав и свобод граждан, интересов юридических лиц любых организационно-правовых форм и прав их должностных лиц; возложением на физических лиц, юридических лиц и их должностных лиц дополнительных обязанностей; наделением органов военного управления (командования) полномочиями чрезвычайного (дискреционного) характера, а также правом издания в пределах компетенции обязательных для выполнения нормативных правовых актов; ужесточением санкций за совершение отдельных видов правонарушений⁹.

⁸ Прохоров В.В. Органы внутренних дел Крымской АССР... С. 33.

⁹ Буткевич С.А. Правовой режим военного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины) // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 2 (28). С. 16.

После успешного проведения Крымской наступательной операции (08.04–12.05.1944) население полуострова постепенно возвращается к мирной жизни, а ОВД — поэтапно к своим непосредственным обязанностям, при этом всестороннее содействуя восстановлению 149 полностью разрушенных и сожженных городов и сел полуострова. Но после освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков особую актуальность приобретает проблема незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и устройств, что создает дополнительные очаги напряженности и дестабилизирует криминогенную обстановку в регионе. Именно поэтому издается приказ о сдаче в десятидневный срок в органы НКВД (милицию) всего имеющегося у населения огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов. Эти требования распространяются и на все незаконно приобретенное имущество, являющееся собственностью государственных, кооперативных, общественных предприятий, учреждений и организаций, а равно и частных владельцев. В противном случае лица, укрывающие оружие, боеприпасы и похищенное имущество, привлекаются к уголовной ответственности в соответствии с законами военного времени¹⁰. Реализуемые мероприятия позволяют добиться значительного снижения числа тяжких и особо тяжких преступлений (в первую очередь убийств и грабежей) на фоне увеличения их раскрываемости.

Кроме этого, в послевоенный период особую актуальность и государственную важность приобретает вопрос обеспечения продовольственной безопасности, к решению которого подключены и работники милиции. Так, в августе 1944 г. в ряде крымских регионов фиксируются случаи антигосударственной практики укрытия хлеба от поставок государству, мошенни-

¹⁰ Архив МВД по Республике Крым. Ф. 21. Оп. 1. Д. 100. Л. 113.

чество при учете намолоченного зерна и его расхищение. Как следствие, хищения, порча и разбазаривание колхозного государственного хлеба несут угрозу невыполнения плана поставок зерна государству. Именно поэтому под личным руководством и контролем начальников городских и районных ОВД осуществляется бескомпромиссная борьба с расхитителями колхозного государственного хлеба. В кратчайшие сроки агентурно-оперативный аппарат переориентируется на соответствующие направления деятельности — через конфиденентов и доверенных лиц в колхозах и совхозах устанавливаются и пресекаются попытки задерживания и сокрытия хлеба от сдачи государству, фиксируются случаи хранения намолоченного зерна без взвешивания и надлежащего учета либо в местах, не приспособленных для хранения и грозящих порчей хлеба. Лица, виновные в перечисленных нарушениях, немедленно арестовываются и привлекаются к уголовной ответственности¹¹. Иными словами, подобные факты рассматриваются как антигосударственная практика, под особый контроль берутся сельскохозяйственные районы полуострова — Бахчисарайский, Джанкойский, Карасубазарский (сегодня Белогорский), Кировский, Красноперекоский, Ленинский и Старокрымский.

Таким образом, в послевоенный период ОВД Крымской АССР обеспечивают охрану общественного порядка и борьбу с уголовной преступностью, а также принимают активное участие в ликвидации последствий войны, в том числе выявляют: сотрудников немецких разведывательных, контрразведывательных, полицейских и карательных органов; немецких агентов, которые ранее обучались в разведывательных, диверсионных, контрразведывательных и полицейских школах и выполняли соответствующие задания в советском

тылу; агентуру, которая завербована немцами для проведения работы среди советских граждан, содержащихся в немецко-фашистских лагерях; изменников Родины, предателей, ставленников, пособников оккупантов и другой антисоветский элемент, бежавший из СССР с отступающими частями противника, а также членов незаконных вооруженных формирований («власовцы», «национальные легионы», казачьи части и др.); членов белоэмигрантских и националистических организаций. Для этого в каждом районе из числа оперативных работников создаются проверочно-фильтрационные комиссии.

Так, освобожденные Красной армией советские граждане (исключая бывших военнослужащих Красной армии) направляются к местам своего постоянного жительства, но только после их регистрации во фронтовых сборных пересыльных пунктах и лагерях для репатрируемых советских граждан. Проверка и фильтрация репатриантов по прибытии их к месту постоянного жительства возлагается на органы НКВД-НКГБ. В этих целях организовывается учет прибывающих к месту постоянного жительства репатриантов, осуществляется выдача вида на жительство¹². Безусловно, особое внимание уделяется лицам, проникшим к месту своего постоянного жительства, минуя фронтовые сборно-пересыльные пункты. В это же время для предотвращения проникновения вглубь Крыма уголовно-преступного, бродячего элемента беспризорных и безнадзорных детей в г. Джанкое создается заслон из оперативного состава и милиционеров, координация и контроль деятельности которого осуществляются начальником отдела уголовного розыска Управления милиции УНКВД.

Борьба с уголовной преступностью и охрана общественного порядка в

¹¹ Архив МВД по Республике Крым. Ф. 21. Оп. 1. Д. 99. Л. 194–196.

¹² Архив МВД по Республике Крым. Ф. 21. Оп. 1. Д. 107. Л. 84–86.

1944–1945 гг. осложняется значительной миграцией населения полуострова. Поэтому первоочередное значение приобретает эффективность деятельности паспортной и разрешительной систем, борьба со спекуляцией, хищениями собственности и др. Одна-

ко благодаря комплексу проведенных организационных и практических мероприятий в кратчайшие сроки удастся нивелировать угрозы общественной безопасности региона, восстановить довоенную структуру и укомплектовать органы крымской милиции.

Литература

1. Буткевич С.А. Правовой режим военного положения (сравнительный анализ законодательства России и Украины) / С.А. Буткевич // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 2 (28). С. 1317.
2. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) : сб. док. / сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. М. : Объединенная ред. МВД России, 2008. 638 с.
3. Прохоров В.В. Органы внутренних дел Крымской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 годы) / В.В. Прохоров // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 32–34.
4. Прохоров В.В. Перестройка организационной структуры органов НКВД Крымской АССР в 1941–1944 гг. / В.В. Прохоров. // Государство, общество и органы внутренних дел в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Орел, 23.04.2015) : сб. науч. ст.; пред. ред. А.И. Шепарнева. Орел : ОрЮИ МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. С. 139–142.

References

1. Butkevich S.A. Pravovoy rezhim voennogo polozheniya (sravnitelny'y analiz zakonodatelstva Rossii i Ukrainy') [The Legal Regime of Martial Law (a Comparative Analysis of Russian and Ukrainian Laws)] / S.A. Butkevich // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia. 2015. № 2 (28). S. 1317.
2. NKVD-MVD SSSR v borbe s banditizmom i vooruzhenny'm natsionalisticheskim podpolyem na Zapadnoy Ukraine, v Zapadnoy Belorussii i Pribaltike (1939–1956) : sb. dok. ; sost. N.I. Vladimertsev, A.I. Kokurin [The People's Commissariat for Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Combating Racketeering and Armed Nationalist Underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939 to 1956) : collection of documents ; compiled by N.I. Vladimertsev, A.I. Kokurin]. Moskva : Obyedinennaya red. MVD Rossii — Moscow : United Editorial Office of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 638 s.
3. Prokhorov V.V. Organy' vnutrennikh del Kry'mskoy ASSR nakanune i v gody' Velikoy Otechestvennoy voyny' (1939–1945 gody') [Internal Affairs Agencies of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic on the Verge and in the Years of the Great Patriotic War (1939 to 1945)] / V.V. Prokhorov // Obschestvo i pravo — Society and Law. 2015. № 4 (54). S. 32–34.
4. Prokhorov V.V. Perestroyka organizatsionnoy struktury' organov NKVD Kry'mskoy ASSR v 1941–1944 gg. [Reorganization of the Organizational Structure of Agencies of the People's Commissariat for Internal Affairs of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in 1941 to 1944] / V.V. Prokhorov. // Gosudarstvo, obschestvo i organy' vnutrennikh del v gody' Velikoy Otechestvennoy voyny' (1941–1945) : materialy' Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Orel, 23.04.2015) : sb. nauch. st. ; pred. red. A.I. Sheparneva [Society, State and Internal Affairs Agencies in the Years of the Great Patriotic War (1941 to 1945) : files of an all-Russian scientific and practical conference (Orel, April 23, 2015) : collection of scientific articles ; foreword and edited by A.I. Sheparnev]. Orel : OrYuI MVD Rossii im. V.V. Lukyanova — Orel : Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, 2015. S. 139–142.

DOI: 10.18572/1812-3805-2019-3-69-74

Информационно-аналитическая деятельность правоохранительных органов СССР в предвоенные годы

*Фисаков Максим Юрьевич,
аспирант IV года обучения Таганрогского института управления и экономики
Fisakov_m@mail.ru*

В статье рассмотрена информационно-аналитическая деятельность правоохранительных органов в истории СССР. Показаны отдельные средства и методы, применявшиеся в процессе раскрытия преступлений. В результате установлено, что информационно-аналитическая деятельность в правоохранительных органах того периода соответствовала уровню ее технического обеспечения и решению поставленных задач.

Ключевые слова: правоохранительные органы, информационно-аналитическая деятельность, расследование преступлений, СССР, государство, милиция.

Informational and Analytical Activities of Law Enforcement Authorities of the USSR in the Pre-War Years

*Fisakov Maksim Yu.
4th Year Postgraduate Student of the Taganrog Institute of Management and Economics*

The article deals with information and analytical activities of law enforcement agencies in the history of the USSR. The separate means and methods used in the process of crime detection are shown. As a result, it was found that the information and analytical activities in the law enforcement agencies of this period corresponded to the level of its technical support and the solution of tasks.

Keywords: law enforcement agencies, information-analytical activity, investigation of crimes, the USSR, state, militia.

Управление, планирование и деятельность правоохранительных органов требует большого количества аналитической и прогностической информации, позволяющей объективно анализировать тенденции роста преступности и намечать пути борьбы с ней. В процессе расследования преступлений перерабатывается разнородная и противоречивая информация, необходимая для получения истинного представления об их причинах и следствиях. Использование в практике следственных органов информационных технологий позволило совершенствовать имеющиеся способы и методы проведения расследования, разрабатывать на их основе новые методики, анализировать нормативные правовые акты, регламентирующие действия органов, ведущих борьбу с преступностью. Благодаря этой деятельности по-

явилась возможность проводить более эффективно профилактическую работу по предупреждению преступности, давать рекомендации низовым подразделениям системы МВД посредством анализа законодательства и разработки методик раскрытия и расследования преступлений.

Проблема обеспечения безопасности личности, общества и государства поставила задачу создания целостной системы раннего выявления и распознавания изменяющегося характера преступности, выработки механизмов предотвращения ее последствий и передачи дел в суд для вынесения соответствующего решения. Поэтому актуальной становится задача формирования научно обоснованной системы выработки стратегических и тактических средств расследования преступлений на основе научной информа-

ционно-аналитической деятельности правоохранительных органов. Такая деятельность предназначена для обеспечения координации структур управления в системе МВД, повышения профессионализма работников следственных органов в условиях новых вызовов и угроз преступного мира. Обработка и анализ информации являются основой для своевременного решения задач, стоящих перед сотрудниками правоохранительных органов, которые им приходится решать в своей ежедневной профессиональной деятельности. Изменяющийся характер преступности, существовавшей во все периоды истории человечества, определялся экономическими, социокультурными и другими факторами, включая несовершенство законодательной базы, структурной организации правоохранительных органов, происходящими трансформациями в государствах и их уголовной политике.

Исследование современных проблем, связанных с совершенствованием информационно-аналитической деятельности в системе правоохранительных органов, будет не полным без использования методологии исторического анализа, позволяющего проследить генезис этапов ее становления и тенденции развития. Формирование правоохранительных органов РСФСР началось непосредственно после Октябрьской революции 1917 г., когда в результате смены власти потребовалось расформирование существовавшего ранее корпуса жандармов и создание нового правоохранительного органа милиции, отвечающего требованиям социалистического государства. Ее задачей являлась борьба с преступностью, решение проблем, возникавших в результате глубоких социальных потрясений в процессе формирования новых общественных отношений. В результате была создана народная милиция, которая, в отличие предшествующего ей департамента полиции, имела выборное муниципальными властями

руководство. На данном этапе основной целью народной милиции стало поддержание общественного порядка, а также контрреволюционная деятельность. В.Ж. Дорохов, М.Н. Зинятова пишут: «...28 октября 1917 года вышло весьма расплывчатое постановление НКВД „О рабочей милиции“, предлагавшее территориальным Советам рабочих и солдатских депутатов проявить деятельную инициативу по созданию вооруженных отрядов из числа пролетариата. В одних районах страны рабочую милицию создавали на добровольных началах, а в других — на основе милицейской повинности. Вопросы вооружения и снабжения решались на местах индивидуально. Таким же образом определялся и круг задач, которые должно было решать рабочее ополчение (милиция)»¹.

Естественно, что в начальный период своего формирования в правоохранительных органах еще не могло быть информационно-аналитических структур, позволявших повышать ее эффективность. Деятельность в народной милиции в период Гражданской войны (с 1917 по 1922 г.) не имела ни законодательного закрепления, ни единого внутриведомственного регулирования. Дело в том, что в военное время она формировалась стихийно, а ее деятельность была направлена в первую очередь на защиту революции в период полной перестройки всех государственных органов и социальных структур.

После окончания Гражданской войны перед советским руководством встала задача по структуризации и стандартизации правоохранительной деятельности в стране, что потребовало изменения функций народной милиции, преобразовавшейся из военизированной

¹ Дорохов В.Ж., Зинятова М.Н. Проблемы организационно-штатного реформирования рабоче-крестьянской милиции Дальнего Востока в 1922–1926 годах (к 100-летию образования советской рабоче-крестьянской милиции) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 104.

ванного формирования в организацию, поддерживающую правопорядок и обеспечивающую безопасность населения и завоеваний революции. Согласно положению, принятому ВЦИК и СНК РСФСР 24 мая 1922 г., в компетенцию милиции входило:

- поддержание спокойствия и правопорядка, обеспечение исполнения законов центральной и локальной властей;

- защита зданий и сооружений общегосударственного и специального назначения, обеспечение защиты объектов инфраструктуры;

- обеспечение охраны лагерей;

- поддержка деятельности иных органов и ведомств².

Очевидно, что милиция приобрела первоначально правоохранительную функцию, однако с учетом кардинальных изменений в государстве, а фактически построения нового государства потребовалось также создание органа, обеспечивающего контроль формирования и функционирования создаваемой системы.

В полномочия созданных инструкторско-информационных отделов входило:

- деятельность по инструктированию управлений и отделов Народного комиссариата внутренних дел;

- наблюдение за правильностью созывов съездов Советов и их исполнительных органов и производством выборов в Советы народных депутатов;

- просмотр поступающего в Народный комиссариат внутренних дел информационного материала (докладов, отчетов, протоколов и т.п.), составление сводок для отделов Управления и Управлений Народного комиссариата внутренних дел³.

² Милиция в 20-е годы // URL: https://21.мвд.рф/gumvd/history/obrzovanie_mvд/476 (дата обращения: 07.05.2018).

³ Положение ВЦИК и СНК РСФСР об НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. // URL: <https://document.wikireading.ru/17929> (дата обращения: 18.05.2018).

Таким образом, данный документ закрепил основы для организации деятельности по анализу и контролю правоохранительных органов с целью всестороннего сбора информации, которая могла быть носить как гласный, так и негласный характер.

Т.Ф. Ящук пишет, что «управление вело большую работу по сбору, обобщению и анализу местного материала, отражающего состояние местного хозяйства, издавало собственный журнал „Коммунальное дело“, с которым активно сотрудничали не только служащие центрального аппарата, но и местные корреспонденты. На его страницах помещались научные статьи, обсуждались различные законопроекты, комментировались действующие законы, велись дискуссии по многим вопросам»⁴. При этом стоит отметить, что такая деятельность затрагивала больше административную деятельность НКВД, чем правоохранительную.

В постреволюционный период значительную роль в правоохранительной деятельности стали играть Всесоюзные совещания наркомов внутренних дел республик. Г.Т. Камалова, Р.Ф. Зорина отмечают, что «после Октябрьского переворота картотеки царской полиции на уголовных преступников оказались почти повсеместно уничтоженными или утраченными, поэтому уголовному розыску в основном пришлось создавать их заново. В 1927 году ЦАУ НКВД издал Инструкцию по научно-статистической регистрации преступного элемента в органах уголовного розыска. В этом документе был обобщен опыт в области оперативно-розыскной информации о преступниках и прикосновенных к ним лиц»⁵. В данной ситуации координация разрозненных подразделений правоох-

⁴ Ящук Т.Ф. Полномочия народного комиссариата внутренних дел РСФСР по организации местного управления и хозяйства // Вестник Омского университета. 2006. № 1. С. 114.

⁵ Камалова Г.Т., Зорина Р.Ф. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа // Вестник Южно-Уральского государствен-

ранительных органов были весьма актуальной, так как это позволяло создавать подобие единого правопорядка в условиях политической и социальной нестабильностей. При этом требовалось создавать правоохранительную систему заново, что включало как накопление опыта по обеспечению правопорядка, так и организацию информационно-аналитической деятельности.

Для этого была организована карточная система учета лиц, находившихся в розыске, фотографирование преступников после их задержания, что позволило правоохранительным органам иметь их изображения для идентификации жертвами и следователями⁶, агентурная разработка и так далее. К середине 1920-х гг. были реализованы основные меры по учету преступности по видам преступлений, совершенных рецидивистами, несовершеннолетними, контрреволюционерами и лицами, боровшимися с новой властью и ее системой управления. Благодаря этому расследование стало приобретать индивидуализированный характер, а при составлении картотек дела структурировались в соответствии с классификацией преступлений на контрреволюционные, должностные, нарушение правил об отделении церкви от государства, против порядка управления, хозяйственные преступления и лишь затем данные о преступлениях против личности.

В тот период преступность стала впервые объектом научного исследования, для чего в структуре НКВД РСФСР был создан Государственный институт по изучению преступности и преступника, что имело прогрессивное значение

ного университета. Сер.: Право. 2012. № 32. С. 13.

⁶ Такой метод был разработан Альфонсом Бертильоном, и он получил название «антропометрическая фотография». Фотографирование преступников после их задержания стало важной процедурой, используемой правоохранительными органами по всему миру до настоящего времени.

и повысило качество работы милиции. Создание этого института было инициировано не только Наркоматом внутренних дел и юстиции, но и рядом других Наркоматов, заинтересованных в обеспечении правопорядка и безопасности, с целью повышения качества жизни населения. В 1925 г. ими был внесено предложение об организации института по изучению преступности и преступника в законодательные органы, в результате чего Постановлением СНК РСФСР он был создан при НКВД РСФСР. Целями данного института являлось формирование уголовно-правовой политики государства, направленной на борьбу с преступностью посредством осуществления научного анализа ее социальной сущности и причин сложившейся криминогенной обстановки в то время в стране.

Большое значение имели методики расследования конкретных видов преступлений, предложенные их сотрудниками, включавшие профилактику преступности и борьбу с ней на основе криминалистического анализа психологической характеристики преступника и лиц, отбывающих наказания в исправительных учреждениях⁷. Благодаря использованию научных разработок, проведенных сотрудниками указанного института, удалось повысить качество работы правоохранительных органов.

Реформирование правоохранительных органов вместе со всей системой органов государственных органов в истории СССР продолжилось и в 1930-х гг., когда произошло упразднение народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик и управление милицией перешло в главные управления милиции и уголовного розыска при Совнаркомах республик. Особенностью данного этапа стало то, что в составе милиции была создана Главная инспекция, в задачи ко-

⁷ Ширвиндт Е.Г. О проблемах преступности // Проблемы преступности : сб. ; под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. Вып. 1. С. 6, 7.

торой входило руководство оперативной работой, а также контроль деятельности милиции. В структуре органов милиции создавались отделы собственной безопасности, которые должны были обеспечивать деятельность милиции строго в рамках закона. Преобразования в милицейской деятельности получили законодательное закрепление в Постановлении СНК СССР «Положения о рабоче-крестьянской милиции» от 25 мая 1931 г. В результате объектом аналитической службы в данный период стала не только незаконная преступная деятельность в целом, но и законность действий сотрудников милиции.

Процесс создания правоохранительной системы, обеспечивающей законность и правопорядок, не был однородным. В категории преступлений, направленных против государства, нормы законодательства практически не действовали, вместо этого стала использоваться репрессивная «машина», имевшая законодательно право на осуждение без фактического разбирательства. Политическая и правовая нестабильность стала причиной использования правоохранительных органов в репрессивных целях против гражданского населения, что было вызвано отсутствием контроля и правового регулирования деятельности милиции.

Из сохранившихся документов известно, что существовал особый поряд-

док производства по делам о «террористических организациях», при котором срок расследования дел был установлен не более 10 суток. «Вместо трех суток копия обвинительного заключения вручалась обвиняемому за сутки до слушания дела»⁸. Примечательно, что по данным категориям дел полностью отсутствовала состязательность сторон, а в качестве обвинения выступал суд. Защита имела исключительно номинальный характер, так как процесс часто не основывался на объективном исследовании обстоятельств дела. Вынесенный приговор не подлежал обжалованию и исполнялся немедленно. Таким образом, система правосудия была разбалансирована и не требовала тщательного расследования, вместо нее пришел орган, противопоставляющий себя гражданам и основывающий свою деятельность на властном принуждении, а не законе. Фактически при таких обстоятельствах аналитическая деятельность могла заключаться максимум в выявлении потенциальных «врагов государства», при этом перед правоохранительными органами не ставилась задача по установлению истины по делу, а вместо этого доказывание виновности заменялось признательными показаниями.

⁸ Борьба с уголовной преступностью в 30-е годы // URL: https://vuzlit.ru/383406/borba_ugolovnoy_prestupnostyu_gody (дата обращения: 18.05.2018).

Литература

1. Дорохов В.Ж. Проблемы организационно-штатного реформирования рабоче-крестьянской милиции Дальнего Востока в 1922–1926 годах (к 100-летию образования советской рабоче-крестьянской милиции) / В.Ж. Дорохов, М.Н. Зинятова // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 3 (82). С. 103–111.
2. Камалова Г.Т. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа / Г.Т. Камалова, Р.Ф. Зорина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2012. № 43 (302). С. 11–14.
3. Ширвиндт Е.Г. О проблемах преступности / Е.Г. Ширвиндт // Проблемы преступности : сб. ; под ред. Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича, М. Гернета. М., Л. : Гос. изд-во, 1926. Вып. 1. 295 с.
4. Ящук Т.Ф. Полномочия народного комиссариата внутренних дел РСФСР по организации местного управления и хозяйства / Т.Ф. Ящук // Вестник Омского университета. 2006. № 1. С. 111–114.

References

1. Dorokhov V.Zh. Problemy' organizatsionno-shtatnogo reformirovaniya raboche-krestyanskoy militsii Dalnego Vostoka v 1922–1926 godakh (k 100-letiyu obrazovaniya sovetskoy raboche-krestyanskoy militsii) [Issues of Organizational and Staff Reformation of Workers' and Peasants' Police in the Far East

- in 1922 to 1926 (on the 100th Anniversary of Establishment of Soviet Workers' and Peasants' Police)] / V.Zh. Dorokhov, M.N. Zinyatova // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3 (82). S. 103–111.
2. Kamalova G.T. Sovetskaya militsiya v borbe s prestupnostyu v gody' NEPa [Soviet Police Combating Crime in the Years of the New Economic Policy] / G.T. Kamalova, R.F. Zorina // Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the South Ural State University. Series : Law. 2012. № 43 (302). S. 11–14.
 3. Shirvindt E.G. O problemakh prestupnosti [On Crime Issues] / E.G. Shirvindt // Problemy' prestupnosti : sb. ; pod red. E. Shirvindta, F. Traskovicha, M. Gerneta [Crime Issues : collection ; edited by E. Shirvindt, F. Traskovich, M. Gernet]. Moskva, Leningrad : Gos. izd-vo, 1926 — Moscow, Leningrad : State Publishing House, 1926. Is. 1. 295 s.
 4. Yaschuk T.F. Polnomochiya narodnogo komissariata vnutrennikh del RSFSR po organizatsii mestnogo upravleniya i khozyaystva [Authorities of the People's Commissariat for Internal Affairs of the RSFSR over Arrangement of Local Government and Economy] / T.F. Yaschuk // Vestnik Omskogo universiteta — Bulletin of the Omsk University. 2006. № 1. S. 111–114.

DOI : 10.18572/1812-3805-2019-3-74-79

Становление концептуальных основ правовой политики в сфере борьбы с преступностью в Московском государстве. Часть II*

*Акимова Наталья Викторовна,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
a.n.w@mail.ru*

В статье рассматриваются различные аспекты процесса формирования и развития правовой политики Московского государства в сфере борьбы с преступностью. Автор анализирует влияние татаро-монгольского ига на русскую правовую традицию, воздействие православных канонов на уголовное право, правовую культуру и правовое сознание русского народа, использование зарубежного опыта решения проблем криминализации общества в правотворческой деятельности законодателя Московской Руси.

Ключевые слова: Московское государство, правовые традиции, уголовная политика, правовая политика в сфере борьбы с преступностью, уголовное право, преступление, наказание, Православная церковь, религиозно-нравственные основы.

The Establishment of Conceptual Bases of the Legal Policy in Crime Combating in the Muscovite State. Part II

*Akimova Natalia V.
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology
of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)
Candidate of Legal Sciences
Associate Professor*

In article various aspects of process of formation and development of legal policy of the Moscow state in the sphere of fight against crime are considered. The author analyzes influence of the tataro-Mongolian yoke on the Russian legal tradition, impact of orthodox canons on crimi-

* Первая часть статьи опубликована в журнале «История государства и права» № 1 за 2019 г., на стр. 50–55.

nal law, legal culture and legal consciousness of the Russian people, use of foreign experience of the solution of problems of criminalization of society in law-making activity of the legislator of the Moscow Russia.

Keywords: *Moscow state, legal traditions, criminal policy, legal policy in the sphere of fight against crime, criminal law, crime, punishment, Orthodox church, religious and moral bases.*

Особенностью русского права рассматриваемого исторического периода (несомненно, обусловленной православной идеологией) является безусловная реализация принципов всеобщей защиты чести и достоинства личности и всесословности уголовной ответственности. В соответствии с первым из них задача защиты православного люда имела идеологический приоритет над сословностью, поскольку служение самому государству (государю) рассматривалось как производное от религии как вторичность «царства кесаря», выступающего в православно христианском виде¹. Помимо этого, позиционировалось, что честь и достоинство являются достоянием всех сословий, а не только элиты. Поэтому, к какому бы социальному разряду (высшему, среднему или низшему) ни принадлежало лицо и каким бы ни был род его занятий, оно могло в случае посягательства на честь и достоинство рассчитывать на защиту со стороны государства. Ни нищие, ни скomorохи, ни незаконнорожденные, ни женщины легкого поведения и ведьмы (!) не были лишены этого права, о чем красноречиво свидетельствовали нормы Судебника 1589 г.² Даже иностранными авторами, которых трудно заподозрить в симпатиях к русскому народу, отмечалось, что «это соблюдается весьма тщательно не только в городах в мирное время, но и в военное, по отношению к воинам»³. Исключе-

ние из правила о всеобъемлющей охране чести и достоинства составляли лишь воры, разбойники, зажигальники и ведомые лихие люди. Такой подход резко отличал Московское государство от Европы раннего Нового времени, где целые категории людей считались париями в силу своей «бесчестной» профессии (палачи, мясники, цирюльники и др.)⁴.

Что же касается принципа всесословности уголовной ответственности, то он заключался, прежде всего, в равной обязанности всех, невзирая на сословную принадлежность и иные заслуги, предстать перед судом и понести ответственность за совершенные преступления. Данный принцип представлялся вполне естественным для русского общества, где идея служения государству и ответственности перед ним одинаково разделялась представителями всех сословий⁵. Справедливости ради следует отметить, что феодальный уклад Средневековья зачастую многое делал достаточно иллюзорным. В частности, всесословность ответственности отнюдь не означала равенство мер ответственности для представителей различных сословий, однако идеологические аспекты «равноправия» соблюдались неукоснитель-

тенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс. Я. Рейтенфельс. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 347–348.

¹ Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. М. : Юристъ, 1995. С. 98.

² Статьи 64–70 Пространной редакции Судебника 1589 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. 520 с.

³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1906. С. 357; Рей-

⁴ Коллмайн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / пер. с англ. А.Б. Каменский. М. : Древлехранилище, 2001. С. 91.

⁵ Карпец В.И. Некоторые черты государственности и государственной идеологии Московской Руси. Идея верховной власти // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве : сб. науч. тр. / отв. ред. З.М. Черниловский. М. : ВЮЗИ, 1985. С. 3–21.

но. Так, все преступники обладали равным правом на исповедь, погребение, отпущение грехов и т.д.

С решением вопроса национальной независимости в Московском государстве постепенно активизируются товарно-денежные отношения и возрождается внутренний рынок, открывая дополнительные возможности для активного расслоения граждан по уровню благосостояния. При этом отсутствие внешней угрозы способствует кардинальной переоценке ценностей большей части населения вплоть до изменения мировоззрения, приведшего в конечном итоге к разрушению национального единства и национальной идеи.

Перелом в мышлении, обострение проблем собственности, увеличение налогов, происходящие на фоне раскола церкви, неминуемо влекли за собой общую социальную неустойчивость, разрыв коммуникаций между обществом, государством и личностью, духовный кризис русского общества. Такая обстановка обусловила резкое ухудшение криминологической ситуации в стране (в большей степени за счет увеличения количества шаек грабителей и разбойников), требовавшее незамедлительной реакции государства.

Серьезным шагом на пути борьбы с ростом преступности стало введение понятия «ведомой лихой человек». Этим термином обозначалось лицо, пользовавшееся среди местных жителей репутацией явного злоумышленника, закоренелого, профессионального преступника, уже неоднократно проявлявшего свои криминальные наклонности⁶. Именно та-

кие люди, объединяясь в шайки, совершали наиболее тяжкие преступления, «представляя собою крупную и весьма опасную для государства силу, с которою государственная власть должна открыто бороться»⁷.

Беспрецедентный рост числа «лихих людей» привел к тому, что власть, не справляясь с этим, была вынуждена привлечь население, налагая на него обязанность непосредственного участия в искоренении преступников, небезосновательно полагая, что община, на протяжении веков являвшаяся основной формой организации населения России для решения самых разных вопросов жизнедеятельности, и в сложившейся ситуации в состоянии оказать неоценимую помощь в обеспечении общественной безопасности.

С этой целью вводится выборная должность губного старосты, под руководством которого и осуществлялось признание преступника ведомым лихим человеком, его розыск, поимка и даже казнь.

Ввиду заведомой несправимости и особой опасности «лихих людей» борьба с ними практически сводилась к их уничтожению. По замечанию Н. Власьева, в особенном процессе, обусловленном понятием о ведомых лихих людях, в губном сыске, интерес безопасности является преобладающим: «...государство более заботится о том, чтобы лихих вывести»⁸, нежели о том, чтобы соразмерить назначаемое им воздаяние с особенностями, представляемыми преступным актом. Поэтому если в ходе расследования дела выяснялось, что преступление было

⁶ Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России: Речь, чит. 5 нояб. 1891 г., в торжеств. годич. собр. Имп. Казан. ун-та, орд. проф. Н.П. Загоскиным. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1892. С. 33–34 ; Кругликов Л.А. Дифференциация в Судебнике вопросов уголовной ответственности // 500 лет первому общероссийскому кодексу (Судебник

1497 года) : материалы научно-практической конференции (Иваново, 22–23.09.1997) : сб. науч. ст. Иваново : Ивановский государственный ун-т, 1997. С. 59.

⁷ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям. 3-е изд. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1896. С. 106.

⁸ Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права. М. : Унив. тип., 1860. С. 204.

учинено ведомым лихим человеком, то единственным наказанием, которое по закону должно было к нему применяться, являлась смертная казнь⁹.

Таким образом, на фоне переломных явлений, связанных с кризисом государственной идеологии, расколом Церкви и, как следствие, ростом криминальной активности населения, в первой половине XVI в. наблюдается отход от политики терпимости в карательной политике и ощутимый рост ее репрессивности.

В процессе становления абсолютизма в Русском государстве происходит трансформация сложившейся политической системы государства. Власть приобретает самодержавный характер с чертами восточной деспотии, доставшимися ей от «опричного» периода правления Ивана Грозного. Частичному разрушению подверглась и традиционная система ценностей. Было утрачено базовое понятие «правды», непосредственно связанное с религиозными ценностями православия, сопряженное с идеей справедливости, милосердия, соборности, т.е. коллективным характером власти. Идея единоличной, ничем не ограниченной власти насаждалась в обществе в процессе жесткой политической борьбы и прямого насилия по отношению к подданным. Установление абсолютизма выражалось в окончательном установлении надзаконных отношений, когда князь мог казнить и миловать каждого по собственному усмотрению. Религиозно-нравственные основы карательной доктрины были разрушены, и государство в борьбе с преступностью последовательно стало на путь бессистемного, масштабного террора.

В целом анализ уголовной политики периода Московского государства позволяет прийти к следующим выводам.

Рассматриваемый период становления российской государственности

характеризовался рядом исторически значимых событий и процессов, сопровождавшихся серьезными изменениями в политико-правовой сфере, в том числе в уголовной политике, где специфический национальный менталитет проявился особенно ярко, обусловив ее характер. Основные идеологические принципы, заложенные в эту эпоху, стали частью российской ментальности, сохранив свою актуальность до сегодняшнего дня, несмотря на неоднократно предпринимаемые в дальнейшем попытки формирования правовой политики Российского государства на основе чуждой ему идеологии.

В отличие от европейского законодателя, подстроившего свое местное обычное право под более развитую систему норм римского права, в России периода Московского государства получили дальнейшее развитие кодификации, основанные на ее собственных правовых традициях обычного права, а опора законодателя на основополагающие православные ценности и традиционно-общинные институты обусловила всеобщий характер проводимой в Московском государстве правовой политики в сфере борьбы с преступностью.

На криминологическую ситуацию и, соответственно, уголовную политику Московской Руси существенное влияние оказал процесс борьбы за национальную независимость и напрямую связанная с ней идеология национального единства, способствовавшая консолидации общества. Государственная власть, придерживаясь этой идеи (безусловно способствовавшей достижению военно-политических задач, стоявших перед государством), до поры максимально учитывала нормы морали, религии, традиции, вытекающие из нее. Именно этим в первую очередь объясняются такие не свойственные эпохе Средневековья черты, как всеобщность уголовной ответственно-

⁹ Там же. С. 206.

сти и в целом гуманизм уголовной политики, проявившийся в том числе и в трансформации целей уголовного наказания. В правовом сознании все более укреплялась мысль о государственном, публично-правовом значении наказания. Оно должно было служить в руках государства инструментом защиты не только конкретного пострадавшего, но и всего общества от преступных посягательств.

Военно-политические цели диктовали необходимость максимального сохранения потенциальных воинов и налогоплательщиков, поэтому уголовная политика государства ориентировалась не на превентивный террор, а на соз-

дание таких условий, при которых преступник «принудительно возвращался» в социальную жизнь. Отсюда широкая практика помилования преступников, отказ от членовредительских наказаний.

К концу XVI в. проявился духовный кризис русского общества, обусловленный ростом налогов, обострением проблем собственности и кризисом церкви. Это способствовало разрушению национального единства и, как следствие, коренному изменению криминологической ситуации, выразившихся в росте профессиональной преступности, повлекшей за собой крен уголовной политики в сторону превентивного террора.

Литература

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. М. : Территория будущего, 2005. 797 с.
2. Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права / Н. Власьев. М. : Унив. тип., 1860. 238 с.
3. Загоскин Н.П. Очерк истории смертной казни в России : Речь, чит. 5 нояб. 1891 г., в торжеств. годич. собр. Имп. Казан. ун-та, орд. проф. Н.П. Загоскиным / Н.П. Загоскин. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1892.
4. Карпец В.И. Некоторые черты государственности и государственной идеологии Московской Руси. Идея верховной власти / В.И. Карпец // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве : сб. науч. тр. ; отв. ред. З.М. Черниловский. М. : ВЮЗИ, 1985. 153 с.
5. Коллмайн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени / Н.Ш. Коллмайн ; пер. с англ. А.Б. Каменский. М. : Древлехранилище, 2001. 459 с.
6. Кругликов Л.Л. Дифференциация в Судебнике вопросов уголовной ответственности / Л.Л. Кругликов // 500 лет первому общероссийскому кодексу (Судебник 1497 года) : материалы научно-практической конференции (Иваново, 22–23.09.1997) : сб. науч. ст. Иваново : Ивановский государственный ун-т, 1997. 84 с.
7. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / А. Олеарий. СПб. : Изд. А.С. Суворина, 1906. 528 с.
8. Папаян Р.А. Христианские корни современного права / Р.А. Папаян. М. : Норма, 2002. 403 с.
9. Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / Я. Рейтенфельс // Утверждение династии / А. Роде, А. Мейерберг, С. Коллинс. Я. Рейтенфельс. М. : Фонд Сергея Дубова, 1997. 544 с.
10. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. / В.А. Рогов. М. : Юристъ, 1995. 288 с.
11. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям / Н.Д. Сергеевский. 3-е изд. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1896. 378 с.

References

1. Vladimirskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [Review of the History of Russian Law] / M.F. Vladimirskiy-Budanov. Moskva : Territoriya buduschego — Moscow : Territory of the Future, 2005. 797 s.
2. Vlashev N. O vmenenii po nachalam teorii i drevnego russkogo prava [On Imputation Based on the Origins of Theory and the Ancient Russian Law] / N. Vlashev. Moskva : Univ. tip. — Moscow : University Printing Office, 1860. 238 s.

3. Zagoskin N.P. Ocherk istorii smertnoy kazni v Rossii : Rech, chit. 5 noyab. 1891 g., v torzhestv. godich. sobr. Imp. Kazan. un-ta, ord. prof. N.P. Zagoskiny'm [A Sketch of the History of Death Penalty in Russia : speech delivered on November 5, 1891, at the solemn annual meeting of the Kazan Imperial University by Ordinary Professor N.P. Zagoskin] / N.P. Zagoskin. Kazan : Tip. Imp. un-ta — Kazan : Printing office of the Imperial University, 1892.
4. Karpets V.I. Nekotorye cherty' gosudarstvennosti i gosudarstvennoy ideologii Moskovskoy Rusi. Ideya verkhovnoy vlasti [Some Traits of the Statehood and State Ideology of Muscovite the Rus. The Idea of the Supreme Power] / V.I. Karpets // Razvitie prava i politiko-pravovoy my'sli v Moskovskom gosudarstve : sb. nauch. tr. ; otv. red. Z.M. Chernilovskiy [Development of Law and the Political and Legal Thought in the Muscovite State : collection of research works ; publishing editor Z.M. Chernilovskiy]. Moskva : VYuZI — Moscow : All-Union Extramural Law Institute, 1985. 153 s.
5. Kollmain N.S. Soedinenny'e chestyu. Gosudarstvo i obschestvo v Rossii rannego novogo vremeni ; per. sangl. A.B. Kamenskiy [By Honor Bound : State and Society in Early Modern Russia ; translated from English by A.B. Kamenskiy] / N.S. Kollmain. Moskva : Drevlekhranilische — Moscow : Archives, 2001. 459 s.
6. Kruglikov L.L. Differentsiatsiya v Sudebnike voprosov ugolovnoy otvetstvennosti [Differentiation of Criminal Liability Issues in the Code of Law] / L.L. Kruglikov // 500 let pervomu obscherossiyskomu kodeksu (Sudebnik 1497 goda) : materialy' nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ivanovo, 22–23.09.1997) : sb. nauch. st. [500 Years of the First All-Russian Code (the Code of Law of 1497) : files of a research and practical conference (Ivanovo, September 22 to 23, 1997) : collection of scientific articles]. Ivanovo : Ivanovskiy gosudarstvenny'y un-t — Ivanovo : Ivanovo State University, 1997. 84 s.
7. Olearius A. Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno [Description of a Journey to Moscovia and via Moscovia to Persia and Back] / A. Olearius. Sankt-Peterburg : Izd. A.S. Suvorina — Saint Petersburg : A.S. Suvorin's publishing house, 1906. 528 s.
8. Papayan R.A. Khristianskie korni sovremennogo prava [Christian Roots of the Modern Law] / R.A. Papayan. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2002. 403 s.
9. Reutenfels J. Skazaniya svetleyshemu gertsogu Toskanskomu Kozme Tret'yemu o Moskovii [Stories Told to His Highness Duke of Tuscany Kozma III about Moscovia] / J. Reutenfels // Utverzhdenie dinastii [Establishment of a Dynasty] / A. Rode, A. Meyerberg, S. Collins. J. Reutenfels. Moskva : Fond Sergeya Dubova — Moscow : Sergey Dubov's Foundation, 1997. 544 s.
10. Rogov V.A. Istoriya ugolovnogo prava, terrora i repressiy v Russkom gosudarstve XV–XVII vv. [The History of Criminal Law, Terror and Repressions in the Russian State in the XV to the XVII Century] / V.A. Rogov. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 1995. 288 s.
11. Sergeevskiy N.D. Russkoe ugolovnoe pravo. Chast obschaya : posobie k lektsiyam. 3-e izd. [The Russian Criminal Law. The General Part : guide to lectures. 3rd edition] / N.D. Sergeevskiy. Sankt-Peterburg : Tip. M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M. Stasyulevich's printing office, 1896. 378 s.

Уважаемые авторы!

Сообщаем, что вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в Издательскую группу «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru. В теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции. Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

Уважаемые авторы!

1. Материалы предоставляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1.5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски постраничные, обозначенные арабскими цифрами, оформленные в соответствии с действующим ГОСТом). Объем материала не должен превышать 20 000 знаков. Опубликованные ранее или предложенные в несколько журналов материалы к рассмотрению не принимаются.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Предоставляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в тех справочно-правовых системах, в базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет), с которыми у редакции есть соответствующее соглашение. При направлении в редакцию статьи обязательно прилагается заполненная оферта, форму оферты можно скачать на сайте ИГ «Юрист». Плата с авторов, в том числе аспирантов, за публикацию статей не взимается, авторский гонорар не выплачивается.

4. Статья должна содержать:

- a) фамилию, имя и отчество полностью, должность, место работы (без сокращений), ученую степень, ученое звание на русском и английском языках;
- b) название статьи с переводом на английский язык;
- c) аннотацию на русском и английском языках (4–5 строк);
- d) ключевые слова из текста статьи;
- e) служебный адрес либо адрес электронной почты (эта информация будет опубликована в журнале);
- f) контактный телефон (для редакции);
- g) точный почтовый адрес с индексом (для направления авторских экземпляров). Автору предоставляется один бесплатный экземпляр журнала с опубликованной статьей.

Кроме того, в конце статьи автор помещает пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, предоставляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

Настоятельно рекомендуем авторам ознакомиться с опубликованными статьями по аналогичной тематике и привести не менее двух ссылок на журналы, входящие в состав объединенной редакции ИГ «Юрист».

5. Предоставляемые материалы должны быть актуальными, обладать новизной, содержать задачу и описывать результаты исследования, соответствовать действующему законодательству и иметь вывод.

6. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации.

7. При направлении статьи в редакцию для аспирантов и соискателей необходимо приложить рецензию научного руководителя или рекомендацию кафедры, заверенную печатью учреждения.

Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

**При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru**

Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.